

1988 № 4 (16)
АПРЕЛЬ

РОДІННИК

ISSN 0235—1412

ПРОЗА,

ПОЕЗИЯ,

ПУБЛИЦИСТИКА,

КРИТИКА

РОДНИК

«АВОТС» [«РОДНИК»] ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА ЛАТЫШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ЛКСМ ЛАТВИИ И СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ ССР. ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1987 ГОДА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ЛАТВИИ, Г. РИГА.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЙВАРС КЛЯВИС
(главный редактор),
ЭДГАРС БАНС,
ИЛМАРС БЛУМБЕРГС,
ПАВЕЛ ВИШНЕВСКИЙ,
ГУНТАРС ГОДИНЬШ
(редактор отдела),
ИМАНТС ЗЕМЗАРИС,
РОСТИСЛАВ ЗУБКОВ,
ВЛАДИМИР КАНИВЕЦ
(заместитель главного редактора),
СТАНИСЛАВА МАРСОНЕ,
МИЕРВАЛДИС МОЗЕРС,
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВ,
МАРИС ОГА,
ЯНИС ПЕТЕРС,
ЯНИС РОКПЕЛНИС,
БАЙБА СТАШАНЕ,
АЙВАРС ТАРВИДС
(ответственный секретарь),
АДОЛЬФ ШАПИРО.

РЕДАКТОРЫ:

РУДИТЕ КАЛПИНЯ,
АНДРЕЙ ЛЕВКИН,
ОЛЕГ МИХАЛЕВИЧ,
НОРМУНДС НАУМАНИС,
ЭВА РУБЕНЕ,
ТАТЬЯНА ФАСТ.

ПЕРЕВОДЧИК

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

КОРРЕКТОР

ЛИЛИЯ КРУГЛИКОВА.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

САРМИТЕ МАЛИНЯ.

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

ИНАРА ЮРЬЯНЕ.

Рукописи принимаются отпечатанными на машинке в двух экземплярах, не рецензируются и не возвращаются.

ЛИТЕРАТУРА

Лелде Стумбре. «Рыжеволосый слуга» (1).
Олег Золотов. Стихи (15).
Григорий Гондельман. Стихи (16).
Вадим Руднев. «Дирижер» (17).
Регина Эзера. «Феномен Принцессы, или Конец одной ослепительной карьеры» (18).
«Из истории русской поэзии». Владимир Гиппиус (27).
Инесе Зандере. Стихи (29).

КУЛЬТУРА

Интервью с доктором искусствоведения Александром Морозовым (32).
Элита Гросмане. ««Разбойники» из церкви Кандавы» (37).
Наталия Морозова. Интервью с Людмилой Разумовской (46).
Вадим Руднев. «Введение в XX век: направление времени в культуре» (49).
Олег Молокоедов. «Хаотический обзор» (52).

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир Драчев. «Кто от кого отстает» (56).
Галина Беликова, Александр Шохин. «Теневая экономика» (58).
Айя Цалите. «ПУТЬ» (61).
Манфредс Шнепс. «Мятежный род Баллодов» (64).
Сергей Переслегин. «Великая Отечественная: мифы и реальность» (69).

ЛИТЕРАТУРА

«Из истории латышской поэзии». Рудолфс Блауманис (72).
Джордж Оруэлл. «Скотный Двор» (76).

ЛИТЕРАТУРА

ЛЕЛДЕ СТУМБРЕ

РЫЖЕВОЛОСЫЙ СЛУГА

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор хутора «Грики». Видны жилой дом, часть хлева, стволы высоких деревьев. Во дворе стоит большой деревянный стол, вокруг стулья. Эрта сидит у стола и чистит картошку. Летний полдень. Из дома выходит Екабс. Присаживается.

ЕКАБС. Сегодня же воскресенье, Эрта!

ЭРТА. Ну и что из этого? У лентяев всегда праздник!

ЕКАБС. Могла бы хоть сегодня отдохнуть от дел.

ЭРТА. От каких дел, отец? Разве в воскресенье есть не нужно? Ты же не станешь за меня картошку чистить?

ЕКАБС. Понятно: все еще сердиться из-за хлеба. Да привезу завтра из магазина!

ЭРТА. У всех у вас одно на языке — «завтра»... Говори — не говори, как об стенку горох!

ЕКАБС. Что-нибудь стряслось, Эрта? Вон ты какая хмурая, будто не в себе даже.

ЭРТА. Не приставай, отец! Все нормально. Ты Ингу не видел?

ЕКАБС. Они с Янисом у речки резвятся.

ЭРТА. Им бы все только резвиться!

ЕКАБС. А что тут такого? Молодежь...

ЭРТА. Янис прекрасно знает, что нужно сходить к соседям за новой косой. Нашей недолго и пораниться, потом беды не оберешься. Вечно дожидаетесь, пока петух в одно место не клюнет. Потом только меня вспоминаете, когда поздно уже. А у Яниса все еще ветер в голове гуляет. Скоро школу закончит, а как подумаю, что из него выйдет, сердце кровью обливается.

ЕКАБС. А что выйдет? Пойдет дальше учиться или здесь останется.

ЭРТА. Уедет в город — и пиши пропало!

ЕКАБС. Ничего страшного. Слава богу, Янис и не заикается об этом. Только и слышно, что хочет стать лесником. А что леснику делать в городе?

ЭРТА. Тебе что же кажется, что Янис от нас ничего не скрывает? Опомнись, отец, посмотри, что вокруг творится! Сколько молодых в город подалось! Думаешь, нашему Янису не приглянется тамошняя легкая жизнь? Тебе хорошо — все видишь в розовом свете, а я вот боюсь: уедет Янис и останется в городе. Что с нами тогда будет? Тоже в город потащимся?

ЕКАБС. Ну, это уж ты слишком, Эрта. Все будет хорошо, вот увидишь. Наш Янис — парень с головой!

ЭРТА. Не знаю, не знаю, пока не видно.

ЕКАБС. (Вспыхнув.) А я знаю! Что ты вечно каркаешь? Так недолго и беду накаркать. И чего тебе не хватает? Разве сын у тебя не богатырь, или Инга дурнушка, или дом на голову рухнет, как в «Панорах»?

ЭРТА. (Со вздохом.) Только я здесь о будущем думаю, никто другой...

ЕКАБС. Да ты это будущее готова сплошь дегтем измазать. Боже праведный, и откуда все это в тебе берется?

ЭРТА. Не знаю... Не знаю, отец. Ночами я лежу с открытыми глазами и всякое мерещится. Жизнь свою вспоминаю. Не удалась она мне с самого рождения. И, думаешь, не понимаю, что многое произошло по моей вине? Из-за нрава моего глупого. Понимаю. Но и поделаться с собой ничего не могу. Гложет меня что-то. Особенно в последние дни. Лежу и думаю — ох, быть беде! Придет она, придет, никуда не денется. И я к ней готовлюсь, жду каждый божий день, может, от того это все, что и раньше счастье не очень-то возле меня задерживалось, сам свидетель. Помнишь Освальда — как он умер? Боже мой!.. Помнишь Лиене, мою сестру, — как она умерла?

ЕКАБС. Да ты-то тут при чем?

ЭРТА. Думаешь, ни при чем?..

ЕКАБС. Разве ты это дерево на Освальда свалила? Тебя ведь там и поблизости не было! А Лиене — поздний ребенок свел в могилу, что уж тут сокрушаться, и такое бывает. Ох, Эрта, все тебе кажется, что ты пуп земли, что все только вокруг тебя вертится.

ЭРТА. (В задумчивости.) Ты не понимаешь, отец...

ЕКАБС. Да уж куда мне...

ЭРТА. Ну вспомни же... Освальда нашли в овраге, а голова... голова была в воде...

ЕКАБС. Опять ты за старое! Кому у нас была нужна смерть Освальда? Разве он не был хорошим соседом, крепким работником, а тебе хорошим мужем?

ЭРТА. Мужем?

ЕКАБС. Мужем, мужем... Вспомни, каким был Освальд, разве на него мог кто-нибудь держать зло? Ну и хватит об этом!

ЭРТА. Не знаю, не знаю...

ЕКАБС. В том-то и дело, что не знаешь. Дерево его просто-напросто отбросило в овраг, а голова упала в воду, вот и все! Господи, Эрта, тебе что, милиция не надоела? Они ведь все выяснили.

ЭРТА. Милиция? Что она в наших делах смыслит!

ЕКАБС. В каких таких наших делах? Все наши дела видны, как на ладони. Что от соседа утаишь, может, подскажешь? Да здесь каждого проезжего на всю жизнь запоминают! Успокойся, дочка, об этом уже давно пора забыть. Лучше уж тогда переживай за Яниса да Ингу, живым твои страхи, может, и пригодятся. Они еще молодые, у них, слава богу, никаких таких «наших дел» пока нет.

ЭРТА. Ты как та птица, которая голову в песке прячет, когда

беду почует. Помнишь, по телевизору показывали? Еще сказали, что самая большая птица в мире. Большая — да глупая. И ты как она. Здоровый мужик, а дальше своего носа не видишь!

ЕКАБС. Думай как хочешь, Эрта! Может, ты и права, может, и нужен один такой в семье, вроде сторожа, который видит все наперед и готов отовсюду ожидать напастей, чтобы врасплох они не нагрянули. Только хочется мне, чтобы в доме покой был. Покой — и никаких страхов. Я всегда этого хотел и так свою жизнь построил. А ты, видно, вся в мать пошла! Такая же она была неугомонная, только мысли у нее вместо твоих придуманных страхов были куда светлее.

ЭРТА. Я ничего не придумываю...

ЕКАБС. Хватит, Эрта, хватит об этом.

(Вбегает Инга, волосы у нее мокрые.)

ЭРТА. Инга! Где тебя носит, обед скоро!

ИНГА. Я сейчас! Мы там подводную ловлю устроили! Янис даже поймал две рыбешки, а я ничего. Да он, конечно, половчее меня!

ЭРТА. Развлекаться вы умеете, это верно, а картошку для обеда мне опять одной пришлось чистить.

ИНГА. Сейчас приду помогать! А там у реки какой-то незнакомый человек бродит, я его впервые здесь вижу. Показывал нам, как рыбу ловить двумя палочками!

ЭРТА. Что за человек?

ИНГА. Не знаю, Янис и сейчас с ним разговаривает. Он такой странный... (Вбегает в дом.)

ЭРТА. Кого это принесло?

ЕКАБС. Наверное, грибы собирает. По воскресеньям всякие в лесу шастают.

ЭРТА. После обеда я тоже пойду, а то так и не запасусь на зиму...

ЕКАБС. (Смеется.) Не бойся, Эрта, в наших лесах на всех грибов хватит.

ЭРТА. Я и не боюсь. (Входит в дом. Появляется Янис.)

ЕКАБС. Вы что это — весь день у речки?

ЯНИС. Жарко.

ЕКАБС. Мать что-то ворчала насчет косы.

ЯНИС. Я и забыл. Сейчас пойду, могла бы и сама... Жалко, что они с Надиной не ладят. И чего они не поделили?..

ЕКАБС. Женские дела.

ЯНИС. А мне Надина нравится.

ЕКАБС. Ладно, ладно, иди побыстрее, а то Эрта опять будет сердиться.

ЯНИС. У мамы, как обычно, плохое настроение?

ЕКАБС. Да уж немного есть...

ЯНИС. Могла бы хоть в воскресенье быть повеселее.

ЕКАБС. Не тебе судить, сам знаешь, сколько у нас хлопот.

ЯНИС. А что я такого сказал? Просто надоело все это...

ЕКАБС. Придержи язык, Янис!

ЯНИС. Все, все, я уже пошел.

ЕКАБС. Подожди, что там за человек был на речке? Здесь Инга что-то нам наболтала...

ЯНИС. Какой-то приезжий, хотя, похоже, был когда-то в здешних местах. Откуда-то все наши хутора знает. Расспрашивал, как кто живет: и о «Панорах», и о «Розах», и даже о нашем доме. Ну я ему и ответил.

ЕКАБС. Почему же он сюда не зашел? Может, я его знаю? Как зовут его, не сказал?

ЯНИС. Я и не спрашивал. Мужчина как мужчина, только волосы совсем рыжие. А что, жил здесь такой раньше?

ЕКАБС. Рыжие волосы? Совсем рыжие?

ЯНИС. Совсем, совсем, аж красные. Я таких никогда не видел. (Собирается уходить.)

ЕКАБС. А может, это Иохан? Нет, вряд ли, говорили, что он на Север подался или еще куда подальше... Эй, Янис!

ЯНИС. Что еще? Мне ведь идти надо!

ЕКАБС. Послушай-ка, а этот красноволосый не заикался маленько?

ЯНИС. Нет! Говорил как все!

(Уходит. Появляется Инга.)

ИНГА. Что случилось, дед?

ЕКАБС. Ты тоже с этим красноволосым болтала?

ИНГА. С тем у речки? Ну да, он смотрел, как мы рыбу ловим, а потом показал, как это можно делать двумя палочками. Тут уж Янису перестало везти. А этот красноволосый так нехорошо начал смеяться, что я даже испугалась.

ЕКАБС. Чего это он так смеялся?

ИНГА. У Яниса выскользнула большая рыба, а мы ведь просто так ловили, понарошки...

ЕКАБС. А ты не заметила, он не заикался немного?

ИНГА. Заикался? По-моему, нет, я что-то не припомню. Ты что, его знаешь?

ЕКАБС. Сам не пойму. Раньше один такой в лесу работал, был вроде слуги у лесника, вот такой же красноволосый... Как-то даже у нас на хуторе жил... спал на сеновале... Всякие здесь по лесу мотались, а этого я хорошо запомнил.

ИНГА. Он что-то плохое натворил?

ЕКАБС. Не знаю, дочка, не знаю... Звали Иоханом, мужик был сильный, работал за четверых, а потом исчез. Пропал — и все тут. Даже свои пожитки не забрал. Я еще думал: может, вернется и заберет, ведь хорошее пальто и башмаки остались, разве такое можно оставлять? Но нет, так и не видел его больше. Потом люди говорили, что Иохан уехал куда-то на Север, деньги большие зашибать. Хотя никто толком ничего не знал, просто так трепались...

ИНГА. Этот на богача был мало похож. Одет обычно, только волосы рыжие.

ЕКАБС. Наверное, кто-то другой. Слушай, Инга, ты больше матери ничего о нем не говори: ей чужие не нравятся, зря только волноваться станет.

ИНГА. Ладно, не буду.

ЕКАБС. Рыжий... Таких ведь не так-то часто и встретишь. (Входит Эрта.)

ЭРТА. Что там с картошкой, Инга? А Янис куда запропастился? Мы есть сегодня будем или нет?

ЕКАБС. Янис пошел к Кришсу за косой.

ЭРТА. Наконец-то! (Инге.) В картошку соль бросила?

ИНГА. Бросила, скоро все будет готово.

ЭРТА. Посторонись немного, я тоже хочу наконец присесть.

Воскресенье есть воскресенье, правда, отец? Вечером телевизор посмотрим. А теперь, Инга, расскажи поподробней об этом человеке у речки. Может, он гостит у кого?

ИНГА. Непохоже. Наверное, грибы собирал, сюда на выходные многие приезжают.

ЭРТА. Это уж точно. Может, и нам пора в лес, а?

ИНГА. Я — хоть сейчас!

ЭРТА. Да-да, ты ведь у нас шустрая. Часа не пройдет — у тебя уж полное лукошко. А я уж совсем не та теперь: находить что-то на меня в лесу, так и присела бы на солнышке, и никуда больше не тянет. Такая усталость сразу, хоть убей, не могу дальше двигаться. Так и сидела бы, а ведь и собирать-то только начали...

ИНГА. Это депрессия.

ЭРТА. Что-что?

ИНГА. Депрессия. Это болезнь такая, ее лекарствами не вылечить.

ЭРТА. Не болтай глупости. А из лесу приду и ничего, вот так-то!

ИНГА. Значит, это лесная депрессия!

ЭРТА. Ишь, какая грамотная стала. И этому, что ли, вас в школе учат?

ИНГА. И этому, конечно. Ой, а мне завтра опять в школу! Окна мыть.

ЭРТА. Еще чего?

ИНГА. Нам так сказали. Сами будем после ремонта и окна, и полы мыть.

ЭРТА. Вечно придумают! Будто без них дел не хватает.

ИНГА. Ничего не поделаешь, явка строго обязательна!

ЭРТА. А ты и радехонька, ну-ка признавайся?

ИНГА. Да ну...

ЭРТА. Неужто не рада? Встретишься там с подружками, с кавалерами.

ИНГА. Разве наши мальчишки кавалеры? А Эльзы не будет: она в Крыму.

ЭРТА. Где?

ИНГА. В Крыму. В каком-то санатории. Там теплее, чем у нас, и воздух чище. Она там лечится.

ЭРТА. В Крыму? Воздух чище? Скажите, пожалуйста. Не Паулс ли ей это насоветовал?

ИНГА. Паулс ее направил к врачам в Ригу, а там сказали, что надо ехать.

ЕКАБС. Паулс знает, что делает...

ЭРТА. Они все немного чокнулись — посылать девочку в Крым. Там, видите ли, воздух чище! Может быть и солнце там другое?

ИНГА. Тетя Эрта, это уже ни для кого не секрет, что у моря воздух особенный, а для некоторых больных он целебный. У нас же, как видишь, моря нет.

ЭРТА. И что же ей теперь, всю жизнь в Крыму торчать, где воздух для нее особенный?

ИНГА. Нет, конечно. Побудет немного — и домой. Осенью ведь в школу надо.

ЭРТА. Ах вот как? Все-таки приедет обратно? Ну что ж, Лидия вечно свою девочку, как куклу, баловала, посмотрим только,

что из этого выйдет. А следующим летом она опять туда поедет? Или может быть теперь куда подальше?

ИНГА. Откуда я знаю? Наверное, она приедет уже совсем здоровая. Я бы тоже от Крыма не отказалась. Там пальмы растут и вода в море совсем теплая...

ЭРТА. Ах вот как?

ИНГА. Почему бы и нет? Просто так, посмотреть.

ЭРТА. Ну что ж, можешь ехать, никто тебя не задерживает! Денег за лето заработала, вот и поезжай! Здесь ведь тебе делать нечего!

ЕКАБС. Не начинай ты только опять, Эрта...

ЭРТА. Я и не начинаю, пусть едет! Разве ее здесь что-нибудь держит? Не нанялась же она у нас служанкой!

ЕКАБС. Прекрати, Эрта, хватит!

ЭРТА. Ты мне, отец, рот не затыкай!

ИНГА. Не волнуйся, тетя Эрта, никуда я не поеду. А на эти деньги куплю себе велосипед.

ЭРТА. Что? Да ведь у тебя один уже есть!

ИНГА. Тот старый, я даже до магазина не могу спокойно доехать.

ЭРТА. А куда тебе еще приспичило?

ИНГА. Как — куда? На танцы!

ЭРТА. Ну-ну...

ИНГА. Сегодня как раз в клубе дискотека!

ЭРТА. Что такое?

ИНГА. Ну танцы! А я не могу туда, мой велосипед такое расстояние не осилит.

ЕКАБС. Возьми велосипед Яниса.

ИНГА. Он не годится, он мужской.

ЭРТА. Ну дела, какая разница?

ИНГА. У мужского есть верхняя рама, а у моего нет. В общем, я куплю себе новый, как только буду в городе. Кришс обещал отвезти.

ЭРТА. Это наш-то Кришс?

ИНГА. Да, на следующей неделе.

ЭРТА. Ну и жизнь у тебя — сплошные развлечения.

ИНГА. Кришс спрашивал, не хочешь ли и ты с нами? Сказал, если с Эртой, в кафе пригласит.

ЭРТА. Не хочу.

ИНГА. Жалко...

ЭРТА. Кому жалко, кому — нет! Картошка, наверное, сварилась. Садитесь обедать! (Уходит.)

ИНГА. Опять рассердилась.

ЕКАБС. Не переживай: поедешь и в город, и на танцы.

ИНГА. Мне-то что. Только у тети Эрты скоро волосы поседеют, если она так часто будет злиться. Кришс тоже так сказал.

ЕКАБС. И что же он собирается делать в городе?

ИНГА. Не знаю, покупать какой-то мотор что ли, не знаю...

ЕКАБС. Надо бы зайти к нему. Ты с Индрой совсем не видишься?

ИНГА. Почему, иногда вижу...

ЕКАБС. Но с Эльзой чаще, правда?

ИНГА. Да. А что, это плохо?

ЕКАБС. Нет-нет, почему же плохо.

(Идет Янис с косой и Кришс, мужчина средних лет, курит трубку.)

А вот и они...

КРИШС. Привет, сосед!

ЕКАБС. Будь здоров, Кришс... А я вот как раз к тебе собирался.

КРИШС. По делу или так просто?

ЕКАБС. Какие у меня могут быть дела. Так просто, поболтать.

КРИШС. Ну тогда тащи закуску. У меня тут есть кое-что, с этим наш разговор повеселее пойдет. Надина выставила меня из дома, чистит там все и переставляет, я у нее, мол, под ногами путаюсь. Нашла тоже занятие в выходной!

ЕКАБС. Вот и я Эрте то же самое — разве нельзя хоть в воскресенье отдохнуть? Нет, воскресенье, видите ли, ничем не отличается. А я вот так совсем не считаю... Янис, принеси чего-нибудь закусить!

КРИШС. И сам с нами садись!

ЯНИС. (Исчезает и появляется с закуской.) Мать будет скандалить...

КРИШС. Пусть только попробует!

ЯНИС. Как только заметит бутылку, так и разорется.

КРИШС. Перетерпим, моя тоже надулась, обе они сумасшедшие.

ЕКАБС. У баб быстрее внутренности двигаются, вот они так часто и сердятся.

КРИШС. Точно! Зато с дочкой мне повезло: что правда, то правда, тихая такая, спокойная, иногда даже думаю — не болеет ли? А нет, просто такой уродилась. Такие ведь тоже должны быть, правда? Ни разу не видел ее злою, вот чудеса!

ЕКАБС. Дай бог, дай бог...

(Все поднимают стаканы. Из дома выходит Эрта.)

ЭРТА. Это еще что такое? Нет, вы только полюбуйтесь! Расселись, как на именинах! Янис, а ты почему пристроился?

КРИШС. Здорово, Эрта!

ЭРТА. Марш домой, Кришс! Или хочешь, чтобы Надина совсем меня с землей смешала?

КРИШС. Подумаешь, Надина! Иди лучше к нам! Да не казни так своими глазами, ничего страшного не случится!

ЭРТА. Совсем спятили! Бутылка среди бела дня! Этого мне только не хватало!

КРИШС. Так сядешь или нет, Эрта? Охота орать недорезанной курицей. Господи, да не будь же такой деревяшкой, неужели и улыбку из себя не выдавишь?

ЭРТА. Клоун! (Уходит в дом.)

ЯНИС. Ничего, обошлось! Теперь уж не прогонит. Только дядя Кришс и может ее уговорить.

КРИШС. Но не без страха, поверь...

(Выходит Эрта с картошкой, за ней Инга, несущая тарелки.)

ЭРТА. Мы тут обедать собрались... Ты ведь тоже не откажешься, Кришс?

КРИШС. Конечно. Ну вот, теперь другой разговор! Привет, Инга!

ИНГА. Здравствуйте!

ЭРТА. Берите, пока не остыла, и чтобы это, Кришс, в последний раз! Повалился сюда с водкой! В этом доме выпивох нет!

КРИШС. Теперь даже и в воскресенье нельзя будет немного расслабиться... И не мечтай, дорогуша, чтобы я наобещал такой вздор! Или мы не соседи! Вся жизнь такими была, правда? Мой отец с Екабсом и воевали вместе, и жен вместе искали, а теперь мне нельзя сюда потому только, что Эрта губки надула? Ну знаешь...

ЭРТА. Не я одна губки дую.

КРИШС. Тоже правда, не ты одна... Да бог с вами! Выпьем, наконец, за здоровье хозяйки, а после и закусить можно! Бери, Эрта, стакан, не пугайся, это не взрывчатка!

ЕКАБС. Значит, за здоровье хозяйки!

(Все пьют.)

ЭРТА. Да вы ешьте, а то напьетесь в стельку. Инга, а где салат? Быстро в дом! (Инга убегает.) Что там у вас нового, Кришс?

КРИШС. Все как обычно. Вот собираюсь мотор для насоса купить.

ЭРТА. Для какого еще насоса?

КРИШС. Водяной такой насос. Наш колодец почти совсем развалился, никак уже с ним не сладить, а тут приехал крестный Надины и стал агитировать за всякие новшества. Сказал, сам все соберет, только мотор нужен. Вот я и решил купить, может, что и выйдет из этого.

ЭРТА. Насос... Слушай, отец, а если и нам такой? Сколько же ведрами таскать?

КРИШС. Ясно, что и вам не помешает! Я этого крестного к вам тоже притащу, думаю, соседям не откажет.

ЭРТА. Это бы хорошо — такой насос. Вода сама в дом течет...

КРИШС. Открой только кран — и, пожалуйста!

ИНГА. Как в городе?

КРИШС. Точь в точь! Если захотите, можете даже душ соорудить и теплый сортир в придачу!

ИНГА. Вот это да!

КРИШС. Думай, Эрта, думай! Если надумаешь, куплю и вам такой мотор.

ЭРТА. Да погоди ты, не подгоняй...

КРИШС. Я и не думаю подгонять! Можно и вечером навестись, когда стемнеет...

ЭРТА. Да помолчи ты!

КРИШС. Екабс, а у тебя что, совсем здесь права голоса не осталось?

ЕКАБС. Я и без теплого сортира свой век неплохо прожил... но насос, думаю, дело стоящее, и с водой больше никаких мучений.

ЭРТА. Ты погоди, погоди, Кришс, не торопи пока!

КРИШС. Ну что, еще по одной? Может, когда бутылка опустеет, Эрта на все согласится!

ЭРТА. Вот сумасброд...

КРИШС. А ты, Янис, как?

ЯНИС. Что тут думать, конечно, «за»!

КРИШС. Вот видишь, кругом «за»! С такими советчиками, Эрта, не пропадешь! с полуслова понимают. Нет, хороший все-таки у нас народ народился! Мужики честные да работающие, а бабы бойкие: палец в рот не клади, всегда бы так! Мирно да по совести. Близо ли человек стоит или на поле спину гнет, все равно видно, что нет у него черных мыслей. Делает свое дело. Однако, попадаете же иногда зтакая bestия, что у него

на уме, черт не разберет! Вроде и шутит и чуть ли не по плечу тебя хлопает, а в глаза заглянешь — пот холодный прошибает. Повстречал сегодня одного такого. Врагу не пожелаю, чтобы смех его кому ночью приснился! А зрачки будто воронки пустые, так и втягивают, так и втягивают...

ЭРТА. О ком это ты, Кришс? Не о том ли, кого наши у реки встретили?

КРИШС. Почему я знаю, кого они встретили, мой дорогу к «Розам» спрашивал. Я объяснил, да только видно, что он и без меня все тут знает. Еще выведывал, жива ли в «Розах» старая хозяйка. Ясно, что жива, разве с Зиле что станется? Скоро восемьдесят и, слава богу, еще бодренькая. А кому из чужих ведомо, что такая Зиле вообще есть? А ему вот ведомо...

ЭРТА. Послушай, Кришс, какой он, этот чужой?

КРИШС. Я же говорил, чудной такой... рыжий...

ЭРТА. Рыжий?

КРИШС. Да, волосы, как пламя. Первый раз такого повстречал.

ЭРТА. И что же он... так и ушел?

КРИШС. Ясно, ушел. В сторону «Роз». Зачем только ему старая Зиле понадобилась?

ЭРТА. Зиле... Там не одна Зиле живет, ты про Эду забыл...

КРИШС. Эда? Ну да, Эда и дети — Виестурс и Микс.

ЭРТА. Да, все это придурковатое семейство из «Роз».

(Пауза.)

КРИШС. Что с тобой, Эрта? Чем же «Розы» провинились? А может, ты знаешь этого рыжего?..

ЭРТА. Нет!

КРИШС. Имени он, конечно, не назвал. Я и не спросил, больно мужик угрюмый. Сразу видно, своим гнездом не обзавелся, болтается, наверное, по свету да ворон считает.

ЭРТА. Как это ты сразу во всем разобрался? Хотя чему удивляться, ты ведь всегда лезешь в умники.

ЕКАБС. Эй, Кришс, может, еще налить?

КРИШС. Ясное дело! Тебе тоже, Эрта, пока ты от злости не лопнула!

ЭРТА. За меня не волнуйся, а налить можно.

КРИШС. Молодчина, Эрта! Всегда бы так — спокойно да мило, без всякого шума, без психов. Здесь ведь все свои, правда, Екабс?

ЕКАБС. Ты светлый мужик, Кришс. Просто смотреть любо, какой светлый!

КРИШС. Ну что ж, и на том спасибо. Если б и Эрта улыбнулась, я бы совсем посветлел, как ангел стал бы. Послушай, Эрта, поедем в город? Девчонке купим велосипед, тебе платок, выпьем лимонаду в кафе, а?..

ЭРТА. Эк разошелся, мне и здесь хорошо.

КРИШС. Как барыню отвезу, туда и обратно.

ЭРТА. Отстань. Не хватит ли с тебя, Янис? Рюмку за рюмкой... Там нескошенный луг не тебя дожидается?

ЯНИС. Иду уже.

ИНГА. И я с тобой!

ЭРТА. Только с косой осторожно!

ИНГА. Подумаешь! (Оба уходят.)

ЭРТА. Самая лучшая пора для работы, а мы здесь развалились...

КРИШС. Перестала бы ныть, Эрта: воскресенье есть воскресенье — тихий святой день.

ЭРТА. Дай волю, у тебя всякий день воскресным станет.

КРИШС. Неправда, я бы только субботу оставил, чтобы баню топить.

ЕКАБС. Я, пожалуй, прилягу. Стар уже пить, только в сон клонит.

КРИШС. Что с тобой, Екабс? Еще пир не окончен!

ЕКАБС. Да много ли мне нужно? (Уходит.)

КРИШС. Ну что, Эрта, начнем посуду бить?

ЭРТА. Меня работа ждет.

КРИШС. Не глупи, Эрта, посиди, ну что тебе стоит! Не так уж часто мы можем друг другу в глаза посмотреть...

ЭРТА. Надо же, опять за свое...

КРИШС. А почему бы и нет? Тоже мне, развела тайну.

ЭРТА. Надина...

КРИШС. Надина — это Надина, а ты — это ты...

ЭРТА. Мог бы и угомониться, Кришс, сколько уж лет прошло...

КРИШС. Для меня эти годы — один миг! Сама подумай, если бы ты тогда не упрячилась, разве я мучил бы тебя сейчас разговорами? Вместе бы жили, привыкли бы уже друг к другу, даже красивые слова успели бы позабыть... И Надины бы не было, все сложилось бы по-другому. (Пауза.) Но разве ты успокоишься, пока не спутаешь все вверх тормашками.

ЭРТА. Хватит, Кришс, вечно напридумываешь!

КРИШС. Неужто мы и вправду уже старики?

ЭРТА. Иногда я чувствую себя такой старой, что и слов нет... Молодость кажется забытым сном. Забытым и ненужным. Хочется быстрее постареть: стать спокойной и равнодушной, а потом умереть...

КРИШС. Да ты что, Эрта? Что за чушь? Посмотри на себя — женщина хоть куда! А молодость сама проглядела, кто тебя заставлял принца дожидаться? И дождалась Освальда! Тоже мне — принц заморский! Разве ты о таком мечтала?

ЭРТА. Оставь хоть Освальда в покое.

КРИШС. А что я о нем плохого сказал? Думаю, и сам он неплохо во всем разобрался. Тогда вся округа следила, как красавица Эрта бесится, как ножами в лесу пропадает, как от людей прячется, как равнодушием своим молодого Мартиньша Розе до петли доводит...

ЭРТА. Ты прекратишь или нет? Судья нашелся.

КРИШС. И что же, ты не считаешь себя виноватой?

ЭРТА. Нет, не считаю! Ничего я Мартиньшу не обещала, слышишь, ни словом, ни жестом! Просто позволяла ему говорить, раз он так хотел. Говорить ведь никому не запретишь! Разве я виновата, что Мартиньш помешался на своих мудреных и сладких речах? Он ведь сам все придумал, такие рано или поздно чокнутся. Я-то тут при чем? Господи, вспомни хилого, бледного Мартиньша! Ничего себе женишок!

КРИШС. Ну да, тебе ведь принца подавай...

ЭРТА. А хоть бы и так, тебе что?

КРИШС. И Освальд был твоим принцем?

ЭРТА. Освальд хоть от чахотки не загибался!

КРИШС. Постыдилась бы, Эрта...

ЭРТА. Отвяжись же наконец, Кришс, и без того всю жизнь ноешь, что не вышло у тебя ничего, поэтому и судить теперь взялся! Конечно, досадно: все девушки на тебя засматривались, та же Надина, как собачонка, прискакала из самой Юрмалы, а вот со мной не получилось. Мало Надины, что ли?

КРИШС. У Надины хоть сердце в груди бьется, твое же сердце будто зверь оцетинилось. Слушай, Эрта, неужели у тебя там всегда холод? Неужели у красивых с сердцами как-то по-другому?

ЭРТА. Далось тебе мое сердце! Оно ведь не про тебя, понятно?

(Пауза.)

ЭРТА. Ладно уж, не хмурься, не хотела я так резко. Ты хороший мужик, Кришс, очень хороший, иногда и мне кажется, что с тобой все было бы иначе. Ты всегда улыбаешься или готов улыбнуться. С такими не унывают, но понимаешь, Кришс, нет в тебе чего-то. Не могу объяснить чего, чертовщинки какой-то, что ли... Чтобы не как к другу к тебе тянуло, понимаешь? Тайны в тебе нет и омута, чтоб и боялась, а все равно за тобой шла, как лягушонка к ужику. Жизнь твоя легкая, да как на ладони, сам сегодня хвастался. Это не плохо, хорошо даже, но не для Эрты. Только не думай, что все это мне самой в радость. Знаешь, как страшно осенью, когда листья шуршат под ногами. Не шорох это, а шепот и зов куда-то, куда, я и сама не знаю, только кровь в жилах стынет, будто кто-то стоит рядом, но до поры хоронится за деревьями...

КРИШС. Вижу, совсем ты не изменилась, все ждешь чего-то, и опять эта смутная тревога, опять страх...

ЭРТА. А вот и не боюсь теперь! На все готова!

КРИШС. На что готова, Эрта?

ЭРТА. Почему мне знать. А ты, неужто совсем ничего не боишься? Только без обиняков!

КРИШС. Зачем же притворяешься? Может, и боюсь...

ЭРТА. Ты? Боишься? Вот еще новости — чего же это наш Кришс боится? Призраков или, может быть, мышей, а? (Смеется.)

КРИШС. Твоих разговоров, Эрта, от них у меня мурашки по коже... (Встает, чтобы уйти.)

Тебе этого не понять, нормальный человек ведь «не про тебя»...

ЭРТА. Успокойся, Кришс, вот Надина бы слышала...

КРИШС. Надина, Надина... (Пауза.) И так все у нас через лень-колоду... А все из-за тебя.

ЭРТА. Ах вот как? Значит, опять я причина? Ну знаешь, моя Надина просто — дура. Сто лет прошло, она все ревнует. Что ж ты ей не доложишь, какая я есть? Только мне мастер голову морочить! Ткни ее в наш камень у поля и скажи, что Эрта этот камень и есть. Скажи, что все во мне умерло, а уж для тебя тем более. Почему же ты все умалчиваешь? Ты ведь у нас честный и правильный! Успокоил бы жену, может быть, та и не сходила б с ума! Что, придется тогда и в другом признаваться? Стыдно? Что же за трусость такая у вас, у честных?

КРИШС. Не кричи так громко, Эрта...

ЭРТА. По-твоему, по углам шушукаться лучше? Свихнуться

можно от твоего шушуканья! Надоело! Шел бы к ней, Кришс, приласкал бы, и все образуется!

КРИШС. Не могу.

ЭРТА. Что?

КРИШС. Не могу приласкать. Хочешь знать почему?

ЭРТА. (Резко.) Нет. (Спокойнее.) Иди домой, Кришс, здесь тебе не место. И хватит болтать: чем дальше в лес, тем больше дров! А обо мне забудь. Наберись сил и забудь! (Кришс стремительно поворачивается и уходит. Эрта про себя улыбается и начинает убирать со стола.)

Во двор входит рыжеволосый мужчина в поношенной одежде. Сначала он следит за Эртой, потом тихо ее окликает: «Эрта!». Эрта поворачивается. Испугалась. Она знает чужака, и от удивления, страха и радости из рук у нее выпадает тарелка. Сама она обессиленно опускается на скамейку.

ИОХАН. Привет, Эрта! Неужто я такой страшный? .. Там что-то разбилось ... Ну, не ждала? Разве ребята не сказали о чужаке у реки? Вряд ли ... Помнится, в этих краях муха незамеченной не пролетала ... А эта девочка, что — тоже твоя? Или родственница? ..

(Пауза.)

ИОХАН. Здравствуй же, Эрта, моя верная жена!

ЭРТА. (Без голоса.) Молчи ты, молчи ...

ИОХАН. Теперь уж молчать незачем, теперь я на месте. Много лет прошло, как мы расстались, но ведь годы еще не век? Я же говорил — жди. И ты, надеюсь, ждала?

ЭРТА. Я? .. Я? Здесь решили, что ты где-то на Севере ...

ИОХАН. Ах вот как решили? Далеко же заслали. А ты и уши развесила, решила, что ждать — гиблое дело, что теперь делай, что хочешь! И Освальда себе нашла. Откуда же ты его выкопала? Хотя, конечно, стыдно ведь в девках сидеть. Ну что ж, не долго он занимал место в твоей постели, а о сердце уж и говорить не приходится ...

ЭРТА. Освальд был хорошим мужем ...

ИОХАН. (Смеется.) Мужем? Сказки про белого бычка! У тебя был только один муж — я! Почему же не споришь?

ЭРТА. Ты ... ты зверь, сам дьявол ...

ИОХАН. Как хочешь зови, пусть зверь, пусть дьявол, значит, ты себе выбрала дьявола! И мне сдается, после смерти Освальда, ты опять принялась ждать ... Разве не угадал, Эрта? И я пришел, и теперь — хочу всего!

ЭРТА. Господи, чего же тебе еще нужно?

ИОХАН. Тебя, Эрта, всю и до капли! Прежде ты была молодой и бурной, как водопад, а страсть плохая советчица, а теперь ты женщина и буйство поутихло. Но это только кажется — слишком долго длилась зима, Эрта! Теперь ты ждешь солнца, рыжего солнца, Эрта!

ЭРТА. Что ты мелешь ... чего тебе надо? Может, денег ... господи. Зачем ты пришел?

ИОХАН. Деньги? Плохо же ты меня знаешь ... Эрта, Эрта, я хочу, чтобы ты опять стала моей женой, чтобы опять глядела эти рыжие волосы. Ты ведь еще та самая сумасшедшая Эрта, с диким криком, когда тебе хорошо. Разве ты не слышала, как я звал тебя, разве не чудился из лесу мой голос, разве ты не бегала в зарослях за тенью своего Иохана? Вспомни, как однажды, споткнувшись о пенек, ты проплакала до полуночи, вспомни свою тоску, Эрта, вспомни, как в забытьи искала мои руки! Вспомни! Я ведь видел те же сны, Эрта ...

ЭРТА. Нет! Нет же! Нет!

(Вскрикивает, как будто только что освободилась от оцепенения.) Нет. Больше нет! Никогда! Это все прошло, никогда это не повторится. И хватит твоих заговоров, ничего не желаю слышать! Ты — рыжеволосый черт! И не ждала я тебя, а проклинала! Самыми последними словами проклинала! Проклинала и себя за то слепое помешательство! Но не ждала! Только не это! Уходи, Иохан, ты мне не нужен.

ИОХАН. Ты хорошо подумала, Эрта?

ЭРТА. Тут и думать нечего! Достаточно я передумала, времени, слава богу, хватило. Все конечно, у меня есть дом, есть покой — ничего другого больше не желаю. Поздно спохватился, Иохан!

ИОХАН. Ох, как говорит твое лицо, как дрожат губы ...

ЭРТА. А тебе-то что? Не твое это теперь дело! Уходи, добродюму тебя прошу! Ты, который все испохабил, когда должно было быть самой счастливой! Молодость — это ведь время счастья! Все смеяться, плясать должны, а я что делала? Бегала по лесу, пряталась от солнечного света, чтобы люди не видели, как у меня распухли губы. Я ведь ни на одного парня глаз поднять не смела, потому что ты за спиной стоял. Ну и жизнь — хуже не придумаешь! А с тебя, как с гуся вода! Ты, посмеиваясь, ломал мою молодость, ты думал только о себе!

ИОХАН. Значит, не ждала?

ЭРТА. Никогда.

ИОХАН. И только недобрим словом вспоминала?

ЭРТА. Только ...

ИОХАН. И Освальд, значит, был тот, кому ты наконец подарила сердце?

ЭРТА. Освальд!

(Пауза.)

ИОХАН. Твой сын ... Он, конечно, ничего не знает?

ЭРТА. Это мой сын, и не смей к нему приближаться! Твой ребенок в лесу закопанный лежит, сам знаешь, туда и иди.

ИОХАН. Вот как ты заговорила, даже нашего малыша сумела забыть. И не плачь больше по нему как в былые времена? Что ж, мне нравится это твоя теперешняя сила. Раньше ты была, как тростинка, которая вздрагивает, только прикоснись, теперь ты будто свежая роза в саду, и пышная, и на крепком колючем стебле. От таких идет сладкий запах, Эрта ...

ЭРТА. Хватит колдовать! Не хочу слышать!

ИОХАН. Ну что ж, я пошел ...

(Уходит. Эрта вся напряглась.)

ЭРТА. Куда ты?

ИОХАН. (Останавливается.) Мне что-то послышалось?

ЭРТА. (Зло.) Иди, иди же быстрее, да так, чтобы духу твоего не осталось. Исчезни с лица земли, мучитель. Век бы тебя не видеть! И не мечтай, не вспомню, от одного твоего голоса стосновить может!

ИОХАН. (Спокойно.) Я уже уйду, Эрта.

(Он уходит. Эрта смотрит ему вслед, потом вскрикивает и начинает истерически смеяться. Появляется Кришс.)

КРИШС. Ты что ли кричала, Эрта? .. Может, этот рыжеволосый тебя ... Я видел, как из вашего двора вышел этот рыжеволосый, и вдруг слышу какой-то визг. Скажи скорей, что случилось!

ЭРТА. Не твоего ума дело! (Холодно.) Разве я звала на помощь? Тебя или домашних? Ступай, Кришс, своей дорогой, и хватит всюду совать нос!

КРИШС. Опять ты, Эрта? .. А может, этот рыжеволосый тебя ...

ЭРТА. Что меня? Защитник нашелся! Что ты вообще можешь? Лучше посмотри в зеркало, клоун да и только! (Смеется.) По тебе ведь цирк давно плачет, Кришс, я это всегда говорила! (Перестает смеяться.) Ступай! И без приглашения не являться! Никого не хочу видеть!

КРИШС. Не слишком ли круто, Эрта? Ты что, заболела?

ЭРТА. Я?

КРИШС. У тебя ведь жар ...

ЭРТА. Да, жар, но это мой жар, и он никого не касается! А тебя и подавно. Да иди же, а то твоя морская килька все глаза проглядит!

КРИШС. Возьми себя в руки, Эрта!

ЭРТА. Еще чего? Я делаю, как мне по нраву, а захочу, так все здесь смету к чертям собачьим!

КРИШС. Ну и баба! Настоящая ведьма!

ЭРТА. (Смеется.) Да, ведьма! Что, страшно стало? Бойся меня, Кришс, бойся, меня, как чумы, надо бояться! (Уходит.) (Появляется Екабс.)

КРИШС. Чего это Эрта так расшумелась? Теперь и мне кажется, что у нее с головой не все в ладах. Еще полчаса назад была Эрта как Эрта, а тут разбушевалась, зубами скрипит ...

ЕКАБС. Я его в окошко видел ... Это Иохан.

КРИШС. Что еще за Иохан? Этот рыжеволосый? Значит, знакомая личность?

ЕКАБС. Знакомая, и Эрта его знает ... даже слишком знает. По-моему ... Да, Кришс, не зря Эрта беды боялась. Вот она и пришла.

КРИШС. Ничего не понимаю! Эрта вся взбеленилась, кричит, кипятилась, а мне вообще сюда запретила ...

ЕКАБС. Ладно, не бери в голову, Кришс. Я верю в ее рассудительность, она ведь не может ...

КРИШС. Чего не может?

ЕКАБС. Да так, ничего ...

КРИШС. Чего не может, Екабс? Бросить все и убежать? Может! Ты бы на нее посмотрел! (Уходит.)

(Появляется Янис.)

ЯНИС. Где мать? Эта дура опять ногу поранила!

ЕКАБС. Инга? Боже мой, и сильно?

ЯНИС. До свадьбы заживет, но перевязать не мешает.

ЕКАБС. Совсем нельзя девочку к косе подпускать.

ЯНИС. А ей хоть бы хны, смеется. Нашла причину: завтра в школу не нужно ехать!

ЕКАБС. Сейчас мать отыщу ... (Уходит. Прихрамывая, появляется Инга. Янис бросается ей навстречу.)

ЯНИС. Дура! Заразу какую занесешь! .. Не тебе было сказано, чтобы там ждала? Зачем притадилась?

ИНГА. Там был тот рыжеволосый, которого мы у реки повстречали ...

Фотоиллюстрации Лаймониса Стипникса

ЯНИС. Ну и что?

ИНГА. Опять говорил непонятно. Он нездешний, наверное, весь свет объездил, все знает...

ЯНИС. А ты и рот раскрыла!

ИНГА. А что? Он сказал, что рана не опасная. (Засмеялась.) Вызвался домой проводить.

ЯНИС. Тоже мне — ухажер выискался! Иди лучше в дом и сиди, пока еще какой кирпич тебя не прихлопнул. Вот мать появится, тогда увидишь ухажеров!

ИНГА. Что ты все ворчишь, пожалел бы лучше.

ЯНИС. Я таких финтифлюшек жалеть не умею: которое лето косишь и опять то же самое!

ИНГА. Значит, неправильно меня учил!

ЯНИС. Пусть тебя рыжеволосый поучит, наверняка глазки ему строила.

ИНГА. Смотри!.. Вон он стоит!

ЯНИС. Чего это он все здесь вертится?

ИНГА. Рукой машет. Янис, он тебя зовет! Ты пойдешь?

ЯНИС. И не собираюсь!

ИНГА. Он тебе машет, Янис!

ЯНИС. Сходить, что ли... Может, ему просто попить. Я ему еще скажу... (Янис уходит. Появляется Эрта.)

ЭРТА. Что с тобой, Инга?

ИНГА. Да так, ничего... и не болит совсем.

ЭРТА. Помолчи лучше. А к косе больше не прикасайся, ясно?

ИНГА. Ясно.

ЭРТА. Такая большая дылда... стыд один! Где Янис?

ИНГА. Сейчас вернется.

ЭРТА. Тот луг хотя бы закончили?

ИНГА. Да.

ЭРТА. Ну, если дождь не хлынет, завтра сено будет под крышей... А может быть, и будет дождь...

ИНГА. Не похоже...

ЭРТА. И пойдет дождь... И будет лить долго-долго, так, что наш двор совсем затопит, как однажды летом... Эх, давно дождя не было, так, чтобы лил не переставая...

ИНГА. Это почему же? Тогда ведь сено пропало!

ЭРТА. Что? Ах да, сено... Ну как, ходить можешь?

ИНГА. Могу! (Встает.) Ау-у!

ЭРТА. Ясно. Ну-ка, обопришь на плечо, пошли в комнату. Будешь сидеть там, милочка, пока снег не выпадет... (Уводит Ингу. Возвращается. Села и больше не двигается. Появляется Екабс.)

ЕКАБС. Намаялась?

ЭРТА. Что?

ЕКАБС. Спрашиваю, не устала ли? Вон воздух какой сегодня тяжелый...

ЭРТА. Да, устала... ужасно устала. Может, пойти искупаться? (Пауза.) А вдруг я утону?

ЕКАБС. С чего бы это? Ведь умеешь плавать.

ЭРТА. Думаешь, вода удержит меня с такими мыслями?

ЕКАБС. Ну ты даешь, Эрта.

ЭРТА. Беда пришла, отец, я ведь все знала. Вот и Инга опять ногу поранила... именно сегодня.

ЕКАБС. Да мало ли разных ранений в летнее время! Не стоит опять выдумывать, Эрта, так и вправду недолго беду накликаешь, не успеешь и опомниться.

ЭРТА. Нет, это чувство меня никогда не обманывало.

ЕКАБС. А ты предствь, что не будет беды, как наши деды делали, вот она и отступит, от тебя все зависит: каждый получает по своей вере.

ЭРТА. Если бы все от меня!.. Старайся не старайся, а беда — вот она, стоит посреди двора и ухмыляется... Глянь, отец, с кем это Янис наш говорит? С кем же он говорит?

ЕКАБС. Где? Да не вижу я так далеко!

ЭРТА. Да ведь это... Янис! (Кричит.) Янис!

ЕКАБС. Тише ты, сам придет...

ЭРТА. Янис, ты слышишь? (Идет Янис.) С кем ты там болтал? Тебе кто позволил идти и болтать? У тебя, что, работы нет, много свободного времени, да?

ЯНИС. Ну зачем ты опять начинаешь, мама? Нельзя уже и с человеком поговорить?

ЭРТА. Нет, нельзя!

ЯНИС. Ну и дела... Знаешь, что, на этот раз я не послушаюсь. Это уж совсем глупо!

ЭРТА. Что?

ЯНИС. Это уж чересчур, мама! На пять минут отлучился, а ты уже панику развела.

ЭРТА. А я тебе говорю, запомни накрепко, с этим человеком — никаких разговоров! Понятно?

ЯНИС. Ладно, будь по-твоему, но хоть объясни, почему. Человек как человек... Или теперь, что, сразу в лес бежать,

как только незнакомый появится. А если он с дороги сбился, почему же не подсказать?

ЭРТА. С какой еще дороги?

ЯНИС. Да он опять про «Розы» спрашивал, видно Криш плохо объяснил. Говорит, Эду давно не видел, боялся, не уехала ли куда.

ЭРТА. Эду?

ЯНИС. Ну я и ответил. Эда здесь и никуда не собирается. А дорога мимо лесочка идет, если он напрямик хочет. Вот и все... А потом ты позвала, ну я и вернулся.

(Пауза.)

А где Инга? В комнате?

ЕКАБС. В комнате, мать перевязала ей ногу и увела. Иди, иди, проведай раненую...

ЯНИС. Да уж ей там скучно...

ЕКАБС. Конечно, скучно, а то как же...

(Янис уходит.)

Эрта, в хлев пора...

ЭРТА. Сейчас... (Снимает с себя передник, приглаживает волосы, секунду раздумывает, бежит в дом, возвращается в накинутом на плечи ярком платке.) Я сейчас вернусь...

ЕКАБС. Одумайся, Эрта!

ЭРТА. Ничего, отец, ничего, я мигом... Иди пока сам начинай, а я скоро...

ЕКАБС. Не унижайся, Эрта, не надо бы этого совсем, ничего хорошего ведь не выйдет.

ЭРТА. (Со смехом.) А вдруг выйдет? Я только посмотрю! (Убегает.)

ЕКАБС. Янис! (Выходит Янис.) Пошли в хлев!

ЯНИС. А мать где?

ЕКАБС. Не знаю, Янис, ее здесь нет!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дорога мимо леса на «Розы». По ней не торопясь идет Иохан. Сзади его догоняет Эрта. Иохан останавливается, поворачивается к ней, смеется. Эрта кидается к нему на шею.

ИОХАН. Вот ты и здесь, моя гордая женщина. Небось всю дорогу бежала... А вот и пестрый платок, смотри-ка, тот самый...

ЭРТА. Не надо слов, не надо, изверг...

ИОХАН. А твой Янис, видать, славный малый.

ЭРТА. Что ты ему наговорил?

ИОХАН. Только то, чтобы услышать твои шаги за спиной. Ты вихрь, Эрта, все еще вихрь, как прежде. Разве это перечеркнешь? Вот и теперь мы вместе...

ЭРТА. Да, вместе, мой хозяин, делай теперь что хочешь — все равно... Господи, я ведь все знала... И эта дрожь в последние дни...

ИОХАН. Годы идут, а женщины все еще не разучились предчувствовать. Разве можно топтать такие сердца? Бедняжка, дыхание перехватило, присядь, потолкуем.

ЭРТА. Сначала скажи, куда это ты направился? Куда тебя потащила твоя бесстыдная головушка, а? Не успел из нашего двора выйти, а уж в другую сторону лыжи наострил. Куда же это?

ИОХАН. Уж и знакомых нельзя проведать...

ЭРТА. Эду? Она и есть твоя знакомая? Ну-ну, ври дальше!

ИОХАН. А хоть бы и Эду! Может, у нее не проклянут, да из дома не выгонят, может, еще и покормят, и напоют, и перинку взбьют, я ведь так долго шел...

ЭРТА. Там? Жди!

ИОХАН. Сомневаешься?

ЭРТА. Не будь дураком, Иохан, нечего тебе там околачиваться!

ИОХАН. А где же? Ты ведь меня прогнала?

ЭРТА. Это... это так, от волнения...

ИОХАН. Значит, прощения просишь? Просишь, чтобы вернулся?

ЭРТА. Прощения, за что?

ИОХАН. За все, Эрта, за все...

ЭРТА. Не за что мне просить.

ИОХАН. Значит, не договорились. Не привык я, чтобы бабы с кулаками на меня накидывались.

ЭРТА. Разве я с кулаками?

ИОХАН. Еще немного и были бы кулаки. У тебя, Эрта, характер,

как кипятик, а у женщин нежность — главное оружие: слабость, нежность и послушание . . .

ЭРТА. Послушание? От меня трудно будет этого добиться, сам знаешь.

ИОХАН. Знаю. Еще хорошо помню те времена, когда работал здесь лесничим.

ЭРТА. Слугой, слугой лесничего ты работал, обыкновенным лесным чернорабочим, на каждый свисток лесничего мчался, каждый камушек с его дороги убирал!

ИОХАН. За это неплохо платили, а кто кому слугой был, еще можно поспорить. Но если тебя забавляет, что твой дружок был слугой — ради бога!

ЭРТА. О чем мы говорим, Иохан? Оставим это. Раньше таких слугами называли. Я-то знала, что ты у лесничего — правая рука, а люди? Разве они знали? Они только и видели, как ты грязный да обросший по лесу шатался. Кем я могла гордиться, скажи на милость? Но все равно, если бы ты хоть заикнулся, что хочешь жениться, ведь ни разу даже не заговорил об этом, ни разу! А я бы пошла, и глазом бы не моргнула! Куда уж! Ребенок родился тайком, умер — тайком. Как грязного крысенка ты, молча, закопал его в лесу, а потом исчез, тоже не сказав ни слова. А сегодня я, видите ли, не встретила его с горящими от счастья глазами! Ох, нет . . . Вдруг все вспомнилось разом . . . Откуда уж тут силы для улыбок? А теперь ты что же . . . опять начинаешь? Опять хочешь высосать меня до последней кровинушки?

ИОХАН. Тебе так только кажется, Эрточка, на самом деле, ты сама этого хочешь. Твоя кровь уже взбунтовалась и только меня недостает, чтобы ее немного утихомирить. Вряд ли Освальд подозревал, что у тебя такая бешеная кровь.

ЭРТА. Я старалась изо всех сил быть ему хорошей женой . . .

ИОХАН. (Холодно.) Возможно.

ЭРТА. Ты ведь не станешь меня упрекать за Освальда?

ИОХАН. За все это ты еще хорошо заплатишь.

ЭРТА. Чего же ты хочешь, Иохан? Вот ты пришел, ладно, оставайся со мной, не прогоню, я ведь и не смогу прогнать: пойдем, будешь мужем, жить на хуторе, работать. Только не требуй от меня невозможного, для невозможного я уже слишком стара.

ИОХАН. Знаю.

ЭРТА. Чего же ты хочешь?

ЭРТА. Ну не томи же!

ИОХАН. А что, Эрта, ты бы пошла со мной, если бы я позвал?

ЭРТА. Как это — с тобой? Ты ведь уже здесь! Вот и оставайся — все, все будет твоим, не говоря уже о моей жизни.

ИОХАН. Нет, Эрта, это не по мне.

ЭРТА. О чем ты? Я ничего не понимаю . . .

ИОХАН. Ну хорошо, раз тебе так не терпится, слушай. У меня есть только одно, но очень веское условие: продай хутор, скот, продай все и уедем отсюда вместе. Не такой я кретин, чтобы на старости лет начинать жизнь в деревенской дыре, эта жизнь не для меня. Особенно теперь, когда я успел глотнуть свежего воздуха. Я влюбился в дорогу, Эрта! То один город, то другой, то просто маленькая железнодорожная станция. Я открыл в себе кочевника, Эрта! Представь, все время что-то новое! Сегодня ты один бредешь по горной дороге, а завтра . . . завтра ты уже окружен такими же полоумными. Напрасно ты думаешь, Эрта, что я вернулся, чтобы похоронить себя в этой глуши, что днями напролет начну махать косой да топором, что я вот мечтаю картошку сажать или запастись сеном для какой-то глупой коровенки. И ведь это круглый год, безвыездно, как белка в колесе! Нет, это не для меня! Свихнуться можно от такой жизни. Подумай, Эрта, неужели и тебя не манит что-нибудь новенькое? Ведь ты здесь, как в колодце: вокруг только лес да еще отрезок дороги, разве тебя не тянет затеряться в толпе, сесть на машину или в поезд, неужели так и хочешь зачахнуть, заглядывая корове под хвост? И никто не узнает, что была такая красавица Эрта, с большими бархатными глазами, и сама ты ничего не узнаешь — ничего, ничего . . .

ЭРТА. Как страшно опять, Иохан.

ИОХАН. Вот мое условие, и я его не поменяю. Я пришел сюда за этим. Не хочешь — оставайся, живи, как жила, бог с тобой, больше я о себе не напомню.

ЭРТА. Но я не могу этого, я никак не могу.

ИОХАН. Что? Ты чего-то не можешь? Неужели ты больше не Эрта, хозяйка в «Грихах»? Тогда я не сюда попал. Я думал — Эрта все может!

ЭРТА. Боже мой, Иохан! Где ты потерял свое сердце?

ИОХАН. Думай, как хочешь!

ЭРТА. Как же ты не понимаешь, что я не могу на такое . . .

Не могу даже ради тебя! Здесь ведь еще и отец, а Янис, а Инга? Продать родной дом — да отец не переживет этого, дом ведь еще дед строил, нет, не могу...

ИОХАН. Как знаешь.

ЭРТА. А ты сейчас повернешься и уйдешь? В «Розы»? Или еще куда? Опять пропадешь на годы? Почему бы тебе не занять свой дом, сколько же можно бродяжничать по свету? А у меня ведь есть все — и молоко, и масло...

ИОХАН. Перестань, Эрта! Молоко, масло... Ешь сама свое масло, я его в любом месте достану! Я уже все сказал — теперь твоя очередь думать. Пойдем со мной или чахни здесь дальше, никто тебя силком не тащит.

ЭРТА. С чего ты взял, что я чахну? Тут каждый кустик мне брат, каждая травинка сестричка, мне и в голову не приходило, что годы уходят ничем не отличаясь. Нужно только увидеть, а ты — «белка в колесе». Надо же, обрисовал... И что я буду с ними делать — с Янисом, отцом, Ингой?

ИОХАН. Не пропадут. Будут жить в городе, на квартире, будут работать, как все работают.

ЭРТА. В городе, на квартире? У тебя нет совести, Иохан. Продать отцовский дом — нет, тебе этого не понять...

ИОХАН. Я понимаю только одно — эта жизнь не для меня! Я приехал за тобой, не хочешь — скатертью дорога! В твоей власти решать.

ЭРТА. Нет, нет, нет...

ИОХАН. (Встает.) Прощай!

ЭРТА. Да подожди ты! Господи, куда же ты так сразу? Иохан? ИОХАН. Нет у меня больше времени.

ЭРТА. Нет времени? И уже собрался? Дал бы хоть минутку подумать. Так сразу... у меня сердце разрывается!

ИОХАН. Твое сердце?

ЭРТА. А ты думал, я из железа? Такой же человек, как другие! Не то, что ты: пришел с бедой, а уходил с еще большей, одумайся, Иохан, мы бы так хорошо зажили, мы ведь не молоденькие, чтобы скитаться по свету. Каждый должен иметь свой дом, без этого разве можно все выдержать? Почему ты всегда требуешь невозможного, на что и рука-то не поднимается?

ИОХАН. Ну и не поднимай, перебьемся! Ты не ждала меня, теперь уж все ясно. Ну что ж, мерзни одна в своей большой постели!

ЭРТА. Иохан!

ИОХАН. Прощай, Эрта! Оставайся тут, пока не окочуриться!

ЭРТА. Если ты сейчас уйдешь, я... я за себя не отвечаю!

ИОХАН. Ничего, переживешь. Дома небось уже корова зажала, иди, она тебя быстро утешит!

ЭРТА. Изверг! Гореть твоему сердцу в вечном пламени!

ИОХАН. Там видно будет, а пока мне никто не указ!

ЭРТА. Да не уходи сразу, слышишь!

ИОХАН. Мне здесь больше делать нечего. Счастливо оставаться!

(Уходит.)

ЭРТА. Да будь ты трижды проклят, подлец! Прочь с земли нашей! Прочь из моей памяти!

ИОХАН. (Смеется.) На это и не надейся, Эрта!

(Уходит, Эрта в отчаянии.)

Большая комната на хуторе «Грики». Екабс сидит в кресле-качалке и просматривает газеты. Эрта сидит у стола и занята рукоделием. За окнами вечер. Из другой комнаты, где находится Инга, звучит тихая музыка. Слышен голос диктора. Инга слушает радио.

ЕКАБС. Янис, наверное, все-таки поехал в центр... Что-то говорил про мотоциклы, они там их чинят... Потом все поедут в город, не разбились бы. (Пауза.) Янис ведь тоже хочет себе такую штуку. Я бы ни за что не сел на мотоцикл, хоть озолоти. В машину еще можно, но на таком... Эрта, мы что, чай сегодня не будем пить?

ЭРТА. Да. (Сидит без движения.)

ЕКАБС. Ты сиди, сиди, я сам все поставлю... Вот и воскресенье кончилось, завтра опять рано вставать. (Из кухни.) Чай заново заваривать или как?

ЭРТА. Да.

ЕКАБС. Из магазинной пачки или ромашкой?

ЭРТА. Как хочешь.

ЕКАБС. Возьму ромашку, хоть запах будет. Липового цвета тоже скоро напьемся... (Возвращается в комнату.) Следующее воскресенье поминальное, так ведь? Надо бы съездить, могилки прибрать, опять же цветы. Спросила бы Кришса, пусть бы и нас подбросил, он ведь машину отремонтировал... Эрта, ты слышишь?

ЭРТА. Что?

ЕКАБС. На кладбище надо съездить.

ЭРТА. Да, езжай, конечно...

ЕКАБС. Как это — езжай? А ты? Следующее воскресенье — день усопших.

ЭРТА. Вот как?

ЕКАБС. Ну совсем одурела. А как насчет мотора? Будем купать или нет?

ЭРТА. Какой мотор?

ЕКАБС. Да тот, о котором Кришс нынче говорил! Насос с мотором! Ты что, уже забыла? Кришс зря болтать не станет, если он говорит надо, то надо...

ЭРТА. Если он скажет, что надо, так мы и в огонь прыгнем? А мне плевать, что он говорит!

ЕКАБС. Что ты, Эрта? Кого же слушать, если не Кришса? Кришс мужик с головой, светлый мужик, таких и нет нынче... А ты вечно с ним, как сова, даже не улыбнешься.

ЭРТА. С чего бы мне это Кришсу улыбаться? Даже смешно. Пусть Надина ему улыбается и заигрывает, я же буду улыбаться, кому сама захочу! А если не захочу, так лучше не улыбаться. Ты, отец, не вмешивайся, не твоего ума это дело.

ЕКАБС. Как я могу не вмешиваться, когда у моей дочери голова набекрень? Когда все это видят и говорят, что Эрта из «Грикей» совсем сдурила?

ЭРТА. А ты меньше других слушай, тем более, если сам только мямлить мастер. А о моем разуме не беспокойся — сама справлюсь!

ЕКАБС. Человек в тяжелые минуты всегда к близким тянется. Я же тебе помочь хочу, чтобы легче было.

ЭРТА. Я не нуждаюсь в помощи.

ЕКАБС. Будто я слепой... А Иохан, в его помощи ты тоже не нуждаешься?

ЭРТА. Не надо о Иохане, отец!

ЕКАБС. С этим я никогда не смирюсь, никогда! Он молодость твою уже растоптал, теперь хочет растоптать и старость!

ЭРТА. Хватит, отец, ты ничего не знаешь!

ЕКАБС. Думаешь, много ума нужно, чтобы допереть, что ты, в твои-то годы, опять мечтаешь под кустами любовь разводить? Стыдно ведь, Эрта...

ЭРТА. Да замолчи же наконец! Чего ты меня терзаешь? Какое твое дело? Как захочу — так и будет, запомни раз и навсегда! А если понадобится — все брошу и побегу за Иоханом, даже назад не оглянусь! Поэтому лучше помалкивай, отец, не лезь не в свои дела, чтобы потом не пожалеть.

ЕКАБС. Ах вот как, значит, ты уже решила все бросить, вот что у тебя на уме? Будь проклят этот рыжеволосый!

ЭРТА. Нет, не будь! Я тебя предупреждаю еще раз, не трогай Иохана, пожалеешь!

ЕКАБС. Еще чего, стану я бояться этого рыжего, да я его как клопа раздавлю, подумаешь, Иохан...

ЭРТА. Не его, меня нужно бояться!

(Пауза.)

ЕКАБС. Не бесись, Эрта, ох не бесись, доч.

ЭРТА. (Смеется.) Ну что — испугался все-таки? А я еще вот что скажу, что б ты окончательно успокоился — я здесь все продать хочу, дом, скот — все! Хочу в город податься!

ЕКАБС. Что? (Покачнулся и схватился за стенку, чтобы избежать падения.)

ЭРТА. Отец! (Кидается к нему). Отец, ну что ты, отец. (Роется в аптечке.) Подожди, я сейчас, сейчас... Теперь лучше стало. Да? Ну как, отец, отвечай же!

ЕКАБС. Да, да.

ЭРТА. Разве можно так близко к сердцу?

ЕКАБС. (Очнулся, опять приходит в гнев.) Нет, ты лучше об этом не спрашивай, дочка! Теперь уж я тебя спрошу — разве это по-людски? У тебя сердце в груди есть? Ты соображаешь, что делаешь?

ЭРТА. Успокойся, отец.

ЕКАБС. Ты хочешь, чтобы я был спокоен?

ЭРТА. Еще ведь ничего не случилось.

ЕКАБС. Но может случиться? Может, я спрашиваю?

ЭРТА. Не знаю... ничего не знаю.

ЕКАБС. Зато я знаю! Если ты это сделаешь, то нет у меня дочери, не хочу о ней ничего слышать! И только труп ты отсюда вынесешь, сам я не сдвинусь с места!

ЭРТА. Будет тебе, отец, будет...

ЕКАБС. Ты это помни, когда начнешь все продавать... Наш дом, дом, который строил мой отец, боже мой, Эрта, ты плохо кончишь, если на такое способна.

ЭРТА. Я и сама знаю...

ЕКАБС. Неужто тебе здесь так невоготу, неужто мы тебя не любим, если ты собираешься все пустить по ветру? Да бог с ним, с этим имуществом, не его мне жаль — жаль больше эти тихие, спокойные вечера, эти ночи с небом полным звезд и лесные тропинки, и луга, где мы силу и радость черпаем. А разве твоя мать была бы такой певуньей, если бы не наши

ЛЕЛДЕ

СТУМБРЕ

леса, которые голос ее взлелеяли? Разве у Кришса была бы такая добрая улыбка, если б не луга, где можно растянуться, укрывшись травой, и заглянуть в небо? Да кому я это все говорю? Небось сама лучше меня знаешь... Как же так получилось, Эрта, что один бродяга с черной душой милее всего тебе пришелся? Да гони его, и несчастье, которого ты так боялась, пройдет мимо...

ЭРТА. Все совсем не так, как ты думаешь.
ЕКАБС. Нет, все именно так! Из-за него здесь начался переполох и не кончится, пока он не сгинет!

ЭРТА. Не говори этого, отец! Может быть... может быть... он сюда придет. Я еще не знаю, но, возможно, что он придет...

ЕКАБС. Не дай бог!

ЭРТА. Тебе-то что? Почему я вечно должна мучиться без мужской помощи? Ты уже стар, Янис — молод, у... ветер в голове, а мне нужен помощник!

ЕКАБС. Ты считаешь, что Иохан может быть помощником?

ЭРТА. А других мне и не нужно!

ЕКАБС. Сумасшедшая, ей-богу, сумасшедшая! А если он откажется? Побежишь за ним?

ЭРТА. Не знаю... Я не могу этого, но я хочу. И теперь, если он опять уйдет... у меня не хватит сил это пережить, честное слово, не хватит! Уже теперь его нет, уже теперь! Где он? Куда пошел? Может быть, к Эде? Чего это он все дорогу в «Розы» выпрашивал? Я ведь знаю, Эда тоже его любила, любила так, как только девушка любить может... Погоди-ка! (Кидается за одеждой.)

ЕКАБС. Эрта, ты куда?

ЭРТА. Я сейчас вернусь... я только поговорю... сбегаю в «Розы», я сама хочу это увидеть... Ты здесь сиди, смотри за Ингой, ужинайте... меня не ждите! (Убегает.)

(Прихрамывая, входит Инга.)

ИНГА. Что здесь такое происходит? Куда это тетя Эрта побежала? Что-нибудь случилось?

ЕКАБС. Не знаю, дочка, не знаю... Хочешь чайку?

ИНГА. С ней что-то неладное, верно?

ЕКАБС. Да, может быть... Был бы хоть Янис здесь... Погоди-ка, я тоже сбегаю... (Одевается.)

ИНГА. Куда?

ЕКАБС. К Кришсу. Я, видишь ли, один тут не управляюсь... Сейчас мы вместе вернемся. (Уходит.)

(Инга в удивлении остается одна. Стук в дверь.)

ИНГА. Входите, открыто!

(Появляется Иохан, Инга в испуге отступает.)

ИОХАН. Добрый вечер!..

ИНГА. Добрый вечер! А дома никого нет. (Спохватившись.) Но дед с Кришсом сейчас вернется!

ИОХАН. Да?

ИНГА. Дед так обещал.

ИОХАН. Вот и хорошо. Могу я присесть?

ИНГА. Вы их ждать будете?

ИОХАН. Если вы позволите.

ИНГА. Я?.. (Растерялась.)

ИОХАН. Без вашего позволения я не могу переступить порог этого дома, Инга.

ИНГА. Да сидите, мне-то что!

(Иохан входит, садится. Смотрит на Ингу и улыбается.)

ИОХАН. Ну как, страх немного прошел?

ИНГА. Страх?..

ИОХАН. Я ведь похож на разбойника с большой дороги, в? Не хватает только черной повязки через один глаз и развевающегося плаща.

ИНГА. (Засмеялась.) Вы не такой страшный.

ИОХАН. А знаете, я бы с удовольствием поиграл бы в такого разбойника. Помните, как в старом романе — бродит грустный, одинокий разбойник по лесным дорогам и пугает молоденьких девушек... Только у нашего разбойника нет дурных мыслей, он просто несчастный сын своего грозного и богатого отца, его когда-то оклеветали и выбросили из дома, и теперь он бродит по свету в поисках справедливости...

ИНГА. Вам бы пошло все такое...

ИОХАН. Но вот однажды юная девушка сжалась над ним и пустила в свой дом согреться и отдохнуть, потому что устал он смертельно.

ИНГА. Может, вы хотите чаю? Дед только что приготовил!

ИОХАН. Если вы мне нальете — с удовольствием.

ИНГА. Я сейчас... (Хромая, устремляется на кухню, Иохан пытается ее поддержать.)

ИОХАН. Поспокойнее... Как с ногой?

ИНГА. Да не болит уже совсем, пустяки!

ИОХАН. Садитесь здесь... (Усаживает Ингу за стол.)

Я за вами поухаживаю. В конце концов, в глубине души я все-таки кавалер. А чай — вот он, стоит уже на столе. (Приносит чашки.) Я в этом доме бывал и раньше, знаю что и куда обычно кладут.

ИНГА. Да? Когда же вы здесь бывали?

ИОХАН. О, очень давно... очень, очень давно... Это моя тайна. Вы любите тайны?

ИНГА. Иногда люблю. А иногда и боюсь, и люблю.

ИОХАН. Так и нужно! Со мной тоже такое было, когда я впервые увидел Черное море — черное, пенистое, с каменистым берегом и неожиданной глубиной. Вот это была тайна — тайна, которая и тянет к себе, и пугает.

ИНГА. Вы были у Черного моря? В Крыму?

ИОХАН. Там и еще во многих местах — среди бесконечных снегов Севера, на Украине, нежной и хлебосольной, в бесшабашной Молдавии, в Казахстане и, конечно, в Крыму. Каждый человек должен хотя бы раз в жизни увидеть живые пальмы, не так ли? И дотронуться до них ладонями...

ИНГА. Пальмы... Недавно у меня подружка туда поехала. По правде говоря, я тоже бы посмотрела на все это, да куда уж! Надо помогать тете Эрте. Здесь работы всегда навалом.

ИОХАН. Да? И совсем нет свободной минутки?

ИНГА. Не совсем, конечно, но... Иногда я езжу на танцы.
ИОХАН. Да только там все уже надоело? Парни все знакомые, все одинаковые...

ИНГА. (Смеется.) Вы правы!

ИОХАН. Можно я сам налью вам чаю? Сколько сахара?

ИНГА. Да что вы... я что ли маленькая?.. Два, пожалуйста.
(Иохан ухаживает за Ингой.)

ИОХАН. Может быть, усадить вас в большом кресле? Там ведь удобнее?

ИНГА. Нет-нет, что вы! Это кресло деда!

ИОХАН. Подумаешь? Вы же больны!

ИНГА. Лучше не надо...

ИОХАН. Обязательно надо! Я не могу смотреть, когда молодая дама на моих глазах испытывает неудобства. (Приносит кресло.) Здесь будет гораздо удобнее. (Усаживает Ингу.) Не так ли?

ИНГА. (Растерянно.) Да спасибо, если честно, я не такая уж больная... самой стыдно, даже косу не умею в руках держать.

ИОХАН. К черту косу! Стоит ли из-за этого переживать? (Пауза. Задумчиво.) Дико вы здесь живете — как-будто на краю света, а ведь до станции всего полчаса езды, а оттуда поездом до Риги — два часа. В Риге ведь все дороги открыты, весь белый свет у твоих ног! Вас никогда не манили неведомые страны?

ИНГА. Я бы побоялась ехать куда-то одна...

ИОХАН. А если не одна?

ИНГА. Может быть... Это, наверное, интересно. Эльза прислала мне письмо — чего там только нет, в этом Крыму! (Решительно.) Знаете, я бы поехала, если б смогла! Хоть сейчас!

ИОХАН. (Спокойно.) Тогда поехали.

ИНГА. Как?

ИОХАН. Я предлагаю вам путешествие в теплые края. У Черного моря есть одна высокая, одинокая скала, а на этой скале стоит чудесный замок — Ласточкино гнездо. Хотите быть там принцессой? Я стану вашим шутом?

ИНГА. Почему шутом?

ИОХАН. Шуты самые надежные спутники. И, конечно, самые веселые. Они все знают, и я тоже покажу вам все, что сами бы вы, может, и не заметили — нежный ветер, который поцелует ваши губы, бушующее море и звонкое эхо в горах, в настоящих горах, совсем настоящих...

ИНГА. Вы так говорите... Разве можно?

ИОХАН. Почему бы и нет? Думаете, лучше, если бы я сейчас рассуждал о дырявой крыше или болезнях поросенка? Но, может быть, я ошибаюсь, и вы как раз этого и ждете?

ИНГА. Нет-нет, так интересней! И там действительно есть такой замок?

ИОХАН. Действительно.

ИНГА. Ласточкино гнездо — как красиво это звучит! Но вряд ли бы я сумела стать там принцессой — я ведь совсем не знаю манер.

ИОХАН. А их и не нужно знать — нужно только сильно захотеть! И не забывайте — я ваш шут, а значит, всемогущ. Нередко именно шуты были настоящими правителями в королевстве...

ИНГА. А знаете — я вам верю. Хотя...

ИОХАН. Хотя?

ИНГА. Там, у реки, вы меня испугали.

ИОХАН. Я был зол.

ИНГА. Почему?

ИОХАН. Я хотел показаться вам с лучшей стороны, но ничего не вышло. Вы ушли.

ИНГА. Да это не так уж важно...

ИОХАН. Еще как важно! Я ведь знал, что мы еще встретимся. Вы, возможно, даже ожидали меня.

ИНГА. Я?

ИОХАН. Неужели совсем нет?

ИНГА. Не знаю... здесь все о вас что-то говорили, тетя Эрта волновалась, ей не нравятся чужие... У меня было вроде какое-то любопытство.

ИОХАН. Значит, было?

ИНГА. Да. Из-за всех этих разговоров.

ИОХАН. А теперь. Поедете со мной в Ласточкино гнездо?

ИНГА. (Засмеялась.) Это ведь только шутка!

ИОХАН. Совсем нет!

ИНГА. Да нет же, шутка!

ИОХАН. Сама серьезность. Нога ведь больше не болит, правда? Завтра я буду ждать вас на станции, поедем?

ИНГА. Да нет же, так нельзя... (Испытывающе смотрит на Иохана.)

ИОХАН. А почему нет? Разве вы не свободный человек? Разве покидаете здесь отца или мать? Или, может быть, свой

родной дом? Насколько я понимаю, вы здесь в роли бедной родственницы, моя маленькая Золушка... А если я вас сумею похитить?

ИНГА. Как это — похитить?

ИОХАН. Как раньше это делали грустные разбойники с большой дороги — они кладут шелковую шаль на плечи девушки (Иохан кладет шаль на плечи Инги), берут ее на руки (Берет Ингу на руки) и убегают с ней через леса, через луга, туда, далеко-далеко, за тридевять земель...

ИНГА. Нет... Мне страшно.

ИОХАН. Разве я недостаточно сильный?

ИНГА. Достаточно... Такой сильный, что и дыхание захватывает...

ИОХАН. Может быть, ты мне не веришь, может, здесь какая-то хитрость?

ИНГА. Нет... но все-таки я боюсь. Это как сон.

ИОХАН. Это и есть сон. Твой самый чудесный сон, девочка, только ты не спишь и от этого он еще красивее...

ИНГА. Завтра я буду на станции, завтра я там буду!

ИОХАН. (Усаживает Ингу на прежнее место.) Я буду тебя ждать. Не бойся никого, никого не слушай, посмотри в мои глаза, там сила твоя и воля, там, быть может, и твое счастье. Разве ты не юная красавица? Разве у меня не хватит ума и сил, чтобы доставить тебе радость? Видишь, как мы дополняем друг друга?.. Не бойся никого, никого не слушай, смотри в мои глаза, там вся твоя жизнь, вся твоя жизнь... (Иохан незаметно уходит. Инга как загнипнотизированная остается в кресле. Входят Екабс и Кришс.)

ЕКАБС. Заходи, Кришс... Инга! Эрта не появлялась? Садись, Кришс, подождем. Еще некуда спешить, подождем.

(Замечает, что Инга сидит в его кресле.) Инга!

ИНГА. Да.

ЕКАБС. Не случилось ли чего? У тебя такой странный вид.

ИНГА. Я иду, иду... (Встает и направляется к выходу.)

ЕКАБС. Ты куда?

(Инга в растерянности останавливается.)

КРИШС. Она, по-моему, больна. Всякое ведь бывает с такими ранами.

ЕКАБС. (Ведет Ингу назад.) Ты что, заболела? Сиди, сиди в кресле, раз тебе нравится. И Янис куда-то запропастился... Сумасшедший дом, да и только!

КРИШС. Инга, что с тобой? Сюда кто-нибудь заходил?

ИНГА. Не знаю... Мне кажется, что все это было во сне... Так ведь только во сне бывает, правда?

КРИШС. Что бывает?

ИНГА. Но завтра я все проверю... мне так хочется.

ЕКАБС. Что ты завтра проверишь, дочка? У тебя горячка, милая, тебе бы побыстрее в постель и выпить каких-нибудь таблеток.

ИНГА. Нет, нет, еще рано...

ЕКАБС. Ладно-ладно, сиди, никто тебя силой не заставляет. Ох, господи, вот все несчастья разом и навалились! Вот такие у нас здесь дела, Кришс, и когда все это только кончится... И Надина тоже, ну и злюка, ну и наговорила нам!

КРИШС. Перебеситесь.

ЕКАБС. Казалась такой разумной бабой, а теперь, когда наговорила...

КРИШС. Не нравится мне, что Эрты так долго нет... Может, пойти поискать?

ЕКАБС. Кого ты там в темноте отыщешь. А свою дочь я хорошо знаю — все полетит вверх тормашками, если она так уж решила. И как же мы будем жить, если все у нас из-под ног выбьют?

КРИШС. Все еще образуется, иначе и быть не может. А того рыжего я еще отыщу, уж он мимо меня не проскочит!

ИНГА. Не надо, Кришс.

КРИШС. Чего-чего?

ИНГА. У тебя глаза глупеют, когда ты сердисься. В них нет искорки.

ЕКАБС. Ты думаешь, что говоришь, Инга?

КРИШС. Нет, это интересно, а почему ты так считаешь, девочка?

ИНГА. Ты ведь не сильнее и не умнее шута, правда?

ЕКАБС. Вот и бред начался. Девочка действительно заболела. Пойдем-ка лучше в постель, Инга.

КРИШС. Нет, подожди! О чем ты говорила, Инга?

ИНГА. Ни о чем, так просто... Я ни на кого не смотрю...

ЕКАБС. Завтра врача вызовем. Хоть бы Эрта пришла!

(Входит Янис.)

Где ты так долго шатался, Янис?

ЯНИС. Я что, вечно должен отчитываться?

ЕКАБС. Да не сердись ты, у нас и так беда — Инга заболела!
ЯНИС. С чего бы это?

ЕКАБС. Вроде горячка. Может, тебе сейчас за доктором сбежать, а вдруг ей хуже станет?

ЯНИС. Среди ночи? Неужто до утра не продержится? Я вам что? Пес? Мальчишка на побегушках, да?

КРИШС. Да ты-то чего разошелся?

ЯНИС. Надоело, вот что! Надоело! Вечно одно и то же — Янис, сделай то, Янис — сделай это! Как дурачок! А теперь — хватит! Я в Ригу уезжаю!

ЕКАБС. И что же ты там собираешься делать?

ЯНИС. Что-нибудь... Учиться буду! Или это уже запрещено? Вас послушать лучше? Остаться здесь и сгнить? Отец, говорят, оставил мне деньги — теперь настала пора их забрать!

КРИШС. Да погоди ты, это еще надо обдумать и обсудить в спокойной обстановке.

ЯНИС. У вас здесь один разговор, слава богу, с детства наслышан! Янис — сено косить, Янис — крыша потекла! Нечего мне с вами обговаривать — надумал и все тут! Вечно за меня решаете — теперь с этим покончено! У меня своя голова на плечах есть!

КРИШС. И кто же тебя надоумил?

ЯНИС. Не все ли равно! Я сам! Что захочу — то и сделаю! Так маме и передайте! (Уходит в свою комнату. Тишина.)

ЕКАБС. Ну разве здесь все не околдованы, а?.. Янис, Янис-то каков, словно его подменили! Что же теперь будет, что будет...

КРИШС. Эта дурость у Яниса быстро пройдет. Думаю, что мы сейчас слышали не его мысли. С Эрттой, надеюсь, то же самое. Разве легко оставить все, что с детства было дорого и близко?

ЕКАБС. Это нам с тобой нелегко оставить, а им?.. Они молодые, их ноги сами уносят, для этого много ума не нужно, а сердце, что сердце... для него всегда найдется оправдание. (Входит Эрта.)

Эрта! Наконец-то вернулась! Мы здесь тебя ждали, с Ингой плохо, доктора бы! Может, ты ей найдешь сейчас каких-нибудь таблеток...

КРИШС. Я думаю, не съездить ли и вправду за врачом, Эрта? С Ингой что-то неладно...

ЭРТА. Неладно? (Подходит к Инге.) Что с тобой еще стряслось?

ИНГА. Я не больна, им только кажется...

ЭРТА. Это почему же им кажется...

ИНГА. Им кажется, что я в бреду.

ЭРТА. Ты что-то не так сказала?

ИНГА. Больше себе, чем им... Я должна быть здорова, я это знаю. И я буду...

ЭРТА. Да? Тогда почему ты сидишь в кресле деда? Отправляйся-ка спать!

ИНГА. Не хочу!

ЭРТА. А я хочу, чтобы ты шла спать и не путалась тут под ногами! Ты что, совсем разучилась понимать, чего от тебя ждут?

ИНГА. Я бы хотела с вами посидеть в этот... в этот последний вечер. Все-таки вы мои родственники.

ЭРТА. Что?

ИНГА. Ты, тетя Эрта, самая добрая, я знаю: когда мама умерла, ты взяла меня к себе. Все говорят, что это очень хороший поступок. Так, наверное, и есть. Спасибо, вот я уже выросла и не могу ни на что пожаловаться.

ЭРТА. Что ты хочешь этим сказать? Тебе у нас больше не нравится? Тебя кто-нибудь обидел или выгоняет?

ИНГА. Нет, я сама уйду.

ЕКАБС. Инга, Инга, что же ты такое говоришь...

ИНГА. Понимаешь, меня зовут... Меня приглашают. И я уезжаю, тетя Эрта, завтра.

ЭРТА. Куда же это?

ИНГА. В замок, который называется Ласточкино гнездо. Мне кажется, что давным-давно я его уже видела во сне, а сегодня вечером я его видела совсем отчетливо — он стоит на высокой скале у берега моря.

ЭРТА. Кто это тебе все рассказал? Нет, это не бред, это ей кто-то рассказал. Отец, здесь был кто-нибудь?

ЕКАБС. Не знаю я. Я был у Кришса и...

ЭРТА. (Инге.) Сюда кто-нибудь заходил? Да отвечай же! Здесь кто-то был, сидел у стола, разговаривал, ну?

КРИШС. Подожди, Эрта, ты совсем запугаешь девочку.

ЭРТА. Не вмешивайся! (Инге.) Видишь ли, я бежала в одно место сквозь темноту, сквозь туман, в общем, почти заблудилась, даже растерялась, а все оказалось зря, и теперь мне кажется — пока я там бегала, кое-кто преспокойно сидел здесь и разговаривал с нашей Ингой. Что? Разве не так, Инга?

ИНГА. А если и так — мое дело с кем говорить!

ЭРТА. Нет, милая, не только твое! И поэтому я хочу знать, чего же вы здесь такого наделали, что ты теперь так гордо воссе-

даешь в дедовском кресле и отказываешься меня слушаться. У вас, наверное, был интересный разговор?

ИНГА. И все-таки — это только мое дело.

ЭРТА. Я тебя спрашиваю, Инга!

ИНГА. Если бы ты, тетя Эрта, была моей мамой, может быть я и рассказала бы, но ты ведь не моя мама. Помнишь, ты никогда не позволяла называть себя мамой? И я давно уже с этим смирилась, а теперь я чувствую себя совсем свободной, потому что терять мне здесь нечего.

ЕКАБС. Зачем ты так, Инга? Неужели мы были для тебя совсем чужими?

ИНГА. О тебе, дедушка, я не говорю. Ты всегда был самым лучшим, наверное, когда-то добрый волшебник долго кружил возле твоей колыбели. Таких как ты теперь и не сыщешь, поэтому ты здесь, дедушка, как будто пришелец с другой планеты...

ЭРТА. Хватит трепаться, Инга! Скажи лучше, чего надумала, уйди?

ИНГА. Может быть, да. Может, и вправду насовсем. А пока... (Улыбается.) Меня просто приглашают в теплые края, где я увижу Черное море и замок на скале и...

ЭРТА. Подожди, ты ведь не одна поедешь? Ты? С Иоханом? Ну? С Иоханом?

ЕКАБС. С Иоханом? Инга, неужели?

ИНГА. (Смеется.) Да, да, да! Только с ним! С кем же еще? Вам и не снилось, какой он, вы никогда не смотрели в такие глаза!

ЭРТА. Хватит! Хватит, Инга! Помолчи...

ИНГА. (Лихорадочно.) И никто меня не отговорит, никто... Я никого не слушаю, Иохан, я поеду... уже завтра... я здорова, а здесь мне терять нечего... Вот вы еще увидите... (Спотыкаясь, она бросается к двери. Кришс ее подхватывает и опять усаживает в кресло, Инга плачет.)

ЭРТА. Ты не в своем уме.

ИНГА. (Кричит.) Нет, я в своем уме, и я так сделаю! Ты не сможешь мне запретить, никто не сможет!

(Входит Янис. Он все слышал.)

ЯНИС. (Инге.) Попробуй только уехать.

ИНГА. Вот еще один запретитель нашелся! Лучше заведи свой мопед да попугай зайцев в лесу, не меня!

ЯНИС. Я этого рыжего болвана просто в порошок сотру.

ИНГА. Ты? Ты, дурак! Дурак! Тебя посадят в тюрьму, таким там и место!

ЕКАБС. Дети, дети... одумайтесь, о чем вы спорите?..

ЭРТА. Отправляйся-ка лучше спать, отец, все это не для твоих ушей.

ЕКАБС. И ты думаешь, что я спокойно усну?

ЭРТА. Иди, иди, хотя бы попробуй, выпей чего-нибудь успокоительного...

ЕКАБС. Хорошо, я пойду, но ваши разговоры до добра не доведут, в этом уж сомневаться не приходится.

ЭРТА. А ты, Кришс?

КРИШС. Я остаюсь, прогонять не советую — бесполезно.

ЭРТА. Как хочешь. (Садится.) Ладно. Теперь давайте-ка разберемся, дети, кто здесь свихнулся. Наверное, я? Или может быть ты, Инга? Такой я тебя еще не видела!

ЯНИС. Да она всегда была цокнутой! Нашла время выпендриваться. И куда же ты поедешь, глупышка, где жить собираешься? Кому ты такая коза нужна, а? Без копейки в кармане.

ИНГА. Можно подумать, ты миллионер.

ЯНИС. У меня-то есть деньги. Правда, мама? Я в любой момент могу их взять и пойти куда душе угодно.

ЭРТА. Кто тебе их даст?

ЯНИС. Сама и дашь. Я совершеннолетний, кому как не тебе это знать. У меня ведь тоже права есть.

ЭРТА. Что ты мелешь, Янис?

ЯНИС. Знаю что. Это мои деньги, и я с ними могу поступать по своему усмотрению.

ЭРТА. Кто тебе это сказал? Кто тебя надоумил?

ЯНИС. Какая разница?

ЭРТА. Есть разница, сынок! Это и меня касается, и не рассчитывай, что все эти разговоры так легко тебе обойдутся!

ЯНИС. Если ты не дашь добровольно, я потребую через суд.

(Пауза.)

ЯНИС. Как? Через суд?

ЯНИС. Конечно, у меня ведь есть права.

ЭРТА. И ты... ты это сделаешь?

ЯНИС. А что мне еще остается? Я ведь и не хочу судиться, я говорю, если ты откажешься добровольно. А мне эти деньги нужны уже сейчас.

КРИШС. Похоже, что и Яниса укусила эта рыжая муха.

ЯНИС. От этого никому ни жарко, ни холодно, правда?

ЭРТА. Господи, господи, мой мальчик... (Устремляется к Кришсу.) Кришс, Кришс, сделай же что-нибудь, образумь их, ты же видишь, что все у нас рушится, а я не знаю больше, как быть!

КРИШС. Я сделаю все что в моих силах, Эрта.

ИНГА. (Вскакивает и показывает в окно.) Вон! Вон! Вон — смотрите!...

ЭРТА. Это Иохан... (Кришс резко встает и направляется к двери.) Нет, нет, Кришс, не надо, не прикасайся к нему, я не хочу!... Кришс, вернись! (Кришс выскакивает на улицу. Тишина. Входят Иохан и Кришс.)

КРИШС. Вот вам еще один гость.

ИОХАН. Здравствуйте, люди добрые! Решил вот прогуляться на сон грядущий, а Кришс поймал меня, как какого-то прощелыгу... Ну и неприветливый у тебя дом, Эрта.

ЭРТА. (Торопливо, как бы опасаясь, что кто-нибудь ее опередит.) Иохан, я тебя искала... Я была там, в «Розах», но никого не встретила, я блуждала в темноте, а ты, ты... Иохан, я согласна, ты слышишь? Я на все согласна, только скажи, что нужно делать?

КРИШС. Эрта, да ты ли это? Не смей... Хотя бы при детях!

ЭРТА. (Кричит.) Уходи прочь! Видеть тебя не могу! Прочь!

КРИШС. Дай бог, чтобы не слишком дорого пришлось за все это заплатить...

ЭРТА. Вон, я говорю!

(Кришс уходит, Янис растерянно забивается в угол, Инга начинает тихо всхлипывать.) Иохан, ты слышал, что я сказала?

ИОХАН. Я хожу своими дорогами, Эрта, и не привик перед кем-либо отчитываться. Два раза ты меня оттолкнула, зато дети твои во всем разобрались, как полагаются, слава богу, в них нет ничего от твоего взбалмошного характера.

ЭРТА. Разве я не просила — детей не трогать? Я не позволю...

ИОХАН. Дети сами решат, как лучше, я их не подталкиваю.

ЭРТА. Это еще большее зло, чем если бы ты потащил их за руку. Иохан, не будь зверем, не будь жестоким, ведь жестоким ты никогда не был, правда? Я всегда верила...

ИОХАН. Годы идут, и люди меняются...

ЭРТА. Оставь детей, Иохан, зачем они тебе? Я ведь все готова отдать, все, что у меня есть!...

ИОХАН. Поздно, Эрта, поздно... У гордости свои законы: ты сама меня оттолкнула, на себя пеняй!

ЭРТА. Иохан, Иохан, ты ведь не захочешь, чтобы из-за тебя я возненавидела своих детей? Этого ведь ты не захочешь? Неужели я уж так провинилась, что не нашлось для меня другой местности? Неужто ты лучше уйдешь с этой бледной девчонкой? Я ведь уже на все готова, на все! Есть у меня дом — продам, есть скот, деньги — все пушу по ветру, если захочешь. Подумай, во что превратится твоя жизнь с этой девчонкой! Разве она сможет согреть тебя так, как только я умела? Да посмотри же сюда, или ты уже ослеп?

ИНГА. Нет, нет, так нельзя! Так ведь нельзя!

(Иохан обнимает Эрту.)

ИОХАН. Вижу, Эрта, все вижу. Нет, я еще не ослеп! Ты все еще красавица, Эрта, а теперь, может быть, даже красивее, чем прежде. Поэтому, наверное, у тебя нашлись-таки силы два раза прогнать своего дружка. Да, мне пришлось туго... Шутка сказать — сломить такую красавицу! А я-то, глупец, ожидал, что мне здесь сразу кинутся на шею. Но ты оттолкнула, бросила в лицо тяжелые слова, такое долго не забывается. Я и не собираюсь забывать. Впрочем, хватит упреков, теперь мы уже не увидимся, Эрта, и я рад, что своего добился — ты все-таки побежала за Иоханом среди ночи, плюнув на все на свете. За это я тебя поцелую, Эрта. В последний раз поцелую, да так, что ты надолго запомнишь. Это и будет моей платой за все, что ты для меня сегодня сделала... (Иохан целует Эрту.) Помни меня, Эрта, помни, сколько сможешь, помни только меня... (Тихим голосом.) И еще пару слов, Эрта... это я тебе на ушко шепну, чтобы лучше расслышала. Мне вовсе не понравилась, что ты так быстро прыгнула к Освальду на колени. Я ведь следил за каждым твоим шагом, и вот она, твоя верность! (Показывает на Яниса.) И вдруг Освальд умер! Упавшее дерево задело беднягу, да так, что голова почему-то оказалась в овраге. Плавала там, как миленькая, в тухлой, грязной воде... Разве это не чудовищная смерть? Но не случайно так все вышло, в жизни не так уж много совпадений, верно? (Иохан отпускает Эрту, она вскрикивает и убегает.)

ИОХАН. (Янису и Инге.) Ну что, дети, бегите за ней, мало ли что может случиться. Ты, Янис, скорей становись мужчиной, у тебя ведь есть деньги — с ними многое можно успеть. А ты, Инга, не огорчайся, твой шут в прекрасном замке еще ожидает тебя впереди. Ну а мне пора, в людской толпе я чувствую себя лучше.

(Уходит.)

ИНГА. Он что, он был негодяем?...

ЯНИС. А ты думала?...

ИНГА. Да. Настоящий негодяй, как пишут в романах. Я так и знала... (Плачет.) И никуда, никуда я теперь не поеду, никуда...

ЯНИС. Да помолчи ты, дура! Теперь что же, плакать начнешь, страдать о нем будешь? Нашла принца, нечего сказать! А ему, видишь, на все наплевать! И на меня наплевать. Понимаешь, мы для него просто детишки. Букашки, дурачки, ясно? Просто игрушки, надоели — и выбросил! Ясно? Да перестань реветь, слышишь! Пошли мать найдем, ее назад нужно вернуть, кому как не нам это сделать... (Янис хватая Ингу за руку, и оба уходят.)

Большая комната на хуторе «Грики». На дворе день. В большом кресле-качалке сидит Эрта, укутанная одеялами. У нее под рукой карандаш и бумага. Она сидит неподвижно, только руки и голова двигаются. Входит Екабс.)

ЕКАБС. Как, ты здесь Эрта? Не нужно ли чего-нибудь? Наверное, нет, бумага чистая... На улице дождь прошел и еще будет. Это земле давно нужно, да и дети таскать воду для огорода утомились. Вот бы нам тот насос, о котором Кришс говорил... Слышишь? Кажется, гроза? Пусть льет, теперь это только к добру. Инга на кухне что-то стряпает, нога не болит больше... Как ты себя чувствуешь, дочка? Вот видишь, теперь и слова не вымолвишь — ох, и тяжелое наказание послал нам бог, ох, и тяжелое... Но ничего, справимся как-нибудь все вместе, на следующей неделе Кришс зовет тебя в Ригу, докторам покажет. Паулс сразу сказал — только в Ригу, может, там вылечат. Ох, господи, хотя бы говорить начала, ох, ты господи, господи... Зато этот красноволосый черт наконец исчез, хоть это прошло мимо. (Эрта пишет на бумаге, Екабс читает. «О нем, чтобы больше ни слова!») Ладно, ладно, не буду, чего уж теперь говорить, хорошо, что пронесло.

(Входит Янис.)

ЯНИС. Как мать?

ЕКАБС. Да так. Вот видишь, сидим, болтаем.

ЯНИС. Я пойду пока дров наколю. Кришс тоже обещал помочь.

ЕКАБС. И я помогу.

ЯНИС. Лучше уж здесь сиди, а то маме, наверное, скучно. Где Инга?

ЕКАБС. На кухне стряпает. Она теперь у нас вроде хозяйки, все заботы на плечах девочки, ты береги ее, Янис, а то нам таяжко придется.

ЯНИС. Да будет тебе, дед! Мать вот к докторам поедет, все еще образуется: и ноги отойдут, и заговорит она, вот увидишь!

ЕКАБС. Дай-то бог, дай-то бог... Ступай, ступай Янис, будет обед, позovem. На улице опять дождь?

ЯНИС. Нет еще, но по всему видать, скоро. Гром, слышишь, совсем рядом. (Уходит.)

ЕКАБС. Ну вот, дочка, все надеются на лучшее. И Янис говорит, что рижские врачи помогут. Янис у нас большим помощником стал. Вот увидишь — не поедет он никуда, не исчезнет, как ты боялась. Оба с Ингой здесь жить останутся. Кто знает, может, еще и свадьбу сыграем да детей понанчим. А что, чем черт не шутит? (Стук в дверь.) Кто там стучится, входите! (Входит Кришс. Садится. Молчит.) Что-нибудь стряслось, Кришс?

КРИШС. Ничего, Екабс. Как Эрта?

ЕКАБС. Сидит. Что ж ей еще делать? (Выходит.)

КРИШС. (Подходит к Эрте.) Ну, как ты? (Эрта пишет на листке. «Это правда, что Иохан исчез?») Точно я не знаю, но никто его больше не видел. Пропал, как злой дух. Если хочешь, я могу разузнать.

(Пауза.)

Ну что ж, Эрта, вот мы и вдвоем. Моя Надина тоже — сбросила вещички и уехала к отцу. Длинное письмо оставила... Начал читать — не могу... Надо будет поехать, поговорить, но вряд ли там что-то изменится. (Пауза.) Теперь, мы, Эрта, вроде как вместе, а? Берешь меня к себе? (Эрта пишет. «Скажи Янису, пусть едет учиться осенью, пусть едет в Ригу, а Инге, пусть скот продаст — оставит только корову, поросенка и курицу, я еще долго жить буду, ей и так работы хватит». Кришс смеется.) Ну и Эрта! Ох, ты ведь не изменишься, если даже десять несчастий на тебя обрушатся, нет, ты не пропадешь, честное слово, не пропадешь. И я ведь вовсе тебе не нужен, а? Ты ведь со всем одна справишься!

КОНЕЦ

Перевел с латышского
СЕРГЕЙ СТАНКЕВИЧ

ОЛЕГ ЗОЛотов

К ВИОЛОНЧЕЛИ

Ах, как же нам теперь — бог весть . . .
— О нет, малыш,

Печально и легко: ведь в танце лепрозерки
Пластаются снега на прошлогодних листьях,
И сладкой тишины
в оранжерейной зелени

Свиваются шаги — всё медленные, как
Панбархат ли, муслин несчастной Айседоры,
И столь привычна дрожь на шее
пиччикато,

Напавшие со спины!
Любовь комками в горло
Так к сердцу холодна — как наготове губ
Муслиновых печаль,
Как в камере побелка:
У иневых стен бессмысленность в судьбе . . .

. . . и первой — скрипке все ж,
захлебываясь, стать
В измятых кружевах поэзией левкоев,
А здесь — всё об одном: вольно ж Вам руки класть
На кринолины в пятнах канифоли,
Поэзия моя,
Мой нарыск в грязный наст!

Как в листьях хорошо, как прятать в невесомых —
То в кучи соберут, то ветер разнесет . . .
Не так ли и душе — когда срывают с нар,
И окна — настезь в лед,
И шушают изнанки,
Ни хлеба не найдя, ни слоников с комода —
Не так ли и душе, свернувшейся в комочек
на сквозняке,
Пред балом — ленты вить? . . .

. . . Все, глупый зверь, наврал. За пригоршню монет
У душеньки самой и ветры, и приливы,
И капли на снегу — так метит сыпь перины,
Все чаще и темней,
За кругом круг — темней.

Ах, как же нам теперь? Пастелью за постель
Одарена, лежит виолончель в инфаркте,
Подагрик-дирижер! Ну что же — вишней харкать,
И девушек пускать, напутавши, в метель?
Уславливались, что
снег — холоден, наст — жгуч,
Кровь дымная легка,
Мой пес, мой тяжкий ворон!
Но трудно соблюдать,
Но трудно дымным горлом
Не подхватить за леденящим воем,
за карканьем:
Как трудно соблюдать!

Когорты тесен шаг,
Клочки кровавой пены
На высохших губах, как
имена, дрожат.
И вот, и вот, и вот:
елейный, как кинжал,
Тремя толчками в грудь
мотив войдет, хмелея,
Раздвинув ребра,
как три слога разделив,
И, брошенный на щит, я не шепну: Елена . . .

С бессонницей моей не скучно нам:
От крестиков на тонких шеях —
к шеям

На тонких позвонках шаров аптечных
Беседе течь . . .

а ветер выжиг наст,
Где тушки фонарей гниют к рассвету . . .
Пойдем в тепло, душа моя!
Вот здесь,
У зеркала, где столько ждал и плакал,
Стыл циферблат в шероховатых лапах
Бессонницы — мой крохотный удел,
Едва вместивший тьму и половицы.

— Что зеркало . . . Оправив так легко
твою печаль —

Года мои минует,
Лишь воротник, в котором — карнавал . . .

Пойдем, я покажу тебе
Витрин
Уродливое с вождельнем сходство . . .

Дом выстужен, но все не разойтись
Гостям моим . . .

Велеть огня и перьев
В терновнике похолодевших птиц —
Я Рим поджег.
А город так неспешен . . .

Он — куст сирени: пенится у рта,
И тьмы бежит, как ласковый истерик
В свои шероховатые постели —
на площади,
где мах вороной так
Пронзителен,
Где все пернатый снег
На лисьи шубы валится снопами,
И мир горит за кладбищем Моне
То озером, то сном, то листопадом,
И смерть светла . . .

Успеем же и мы
К аукциону века-скопидома:
Здесь розовые потроха зимы
И розовые лампы с Купидоном,

Поэтам — страсть! Как расточителен
Сей голый мальчик, сей пожар в часовне —
Всё лучшее!

Как по странице соли —
Всё лучшее из чащи красных чисел . . .

Небесный мой,
алеющий верхом,
Неразличим в аллеях от Матфея —
Столь тонок век!
Так светляку в траве
Не объяснишь: убийство что такое,

Так поздних стай над станциями лёт
Свивается, бессмысленный, на горле
У пригородных первых куполов . . .
Я Рим поджег,
а так неспешен город.

ГРИГОРИЙ ГОНДЕЛЬМАН

Говорят, что при царе Горохе
Совершались странные дела:
Скоморохи урывали крохи,
Страшно думать, с царского стола.

И откушав, глупый скоморошек
Всем потом про это пел куплет...
Только после этих царских крошек
Трудно перейти на черный хлеб.

В часы любви, отпущенные в долг,
С тобою мы вытряхиваем души,
Как медаков шершавый холодок,
На смятые квитанции подушек.

И тайники, так гулко опустев,
Пополнили размеры наших ставок,
Ты посмотри на трещины вдоль стен
И стоптанные задники у тапок.

Немного причитается с меня.
И мы роняем ласку друг на друга,
Как крупную купюру разменяв,
Роняют на пол гривенник упруго.

И будто мы в шелках, а не в долгах,
И, кажется, ослепнем в блеске шелка,
Но, поздней антоновкой полна,
Ночь рвется, как набитая кошелка.

Моя вина, во всем моя вина,
Что пред любовью нашей пали ниц мы,
О, два необмолоченных зерна
На поле человеческой пшеницы.

И как бы страстно не любили мы,
Как два зерна, на суд любви нагими
Мы ляжем в землю. Мы обречены
на смерть — тянуться в небо из могилы.

А талый склон постыл, как западня,
Как горек сок земельного надела,
Которым три свинцовых страшных дня
Поила нас прошедшая неделя.

И был, как чудо, луч, что приласкал
Два в вечности замерзших колоска.

ПРИНЦ ГАУТАМА

— Царевич, дворец окружен, и весь город захвачен врагом,
И вся перебита охрана, и пламя бушует кругом.
— Царевич, шафранное платье зарделось от множества искр,
Царевич, скорее бежим, я последний ваш верный министр.

Но пляшет огонь по дворцу многорукой
в экстазе богиней,
Оглуший царевич играет на флейте
подобие гимна,
И в грохоте танков
подняв опаленные пыльные веки,
Ослепший царевич любит ветром,
колышущим ветви.

Душа моя, как темный низкий хлеб,
Но втайне верю — упадет завеса,
И ты войдешь, от жажды охмелев,
Испить вино последнего завета.

Как прежде, преломля пресный хлеб,
Ты освятишь начало утоленья.
Прошу, не оставляй меня во мгле,
В ночной и одинокой мгле столетья.

Душа и так познала, овдовев,
Чуму и мор, пожары и набеги,
Но словно рыба, поймана навеки,
Любовь колеблет пульсом невод вен.

Когда б я смог укрыть тебя под кровлей
В ненастный вечер вешних капель крови.

КУКОЛКА ЗОЛОТОГО ЖУКА

Не смотри на меня таким пристальным взглядом,
Я, пришествие Солнца боготворя,
Лишь красивая кукла на стебле измятом,
И не знаю корней твоего словаря.

Не касайся меня даже чуткой рукою,
Мне еще предстоит неподвижною быть
Может миг, может век,
Чтоб лишиться покоя
В ослепительный час появления на свет.

Я впитаю в себя твои чувства и краски,
Задыхав твоим миром часы напролет,
Буду радостным, ярким и хрупким, но разве
Не отважусь на вспыхнувший крыльями лет.

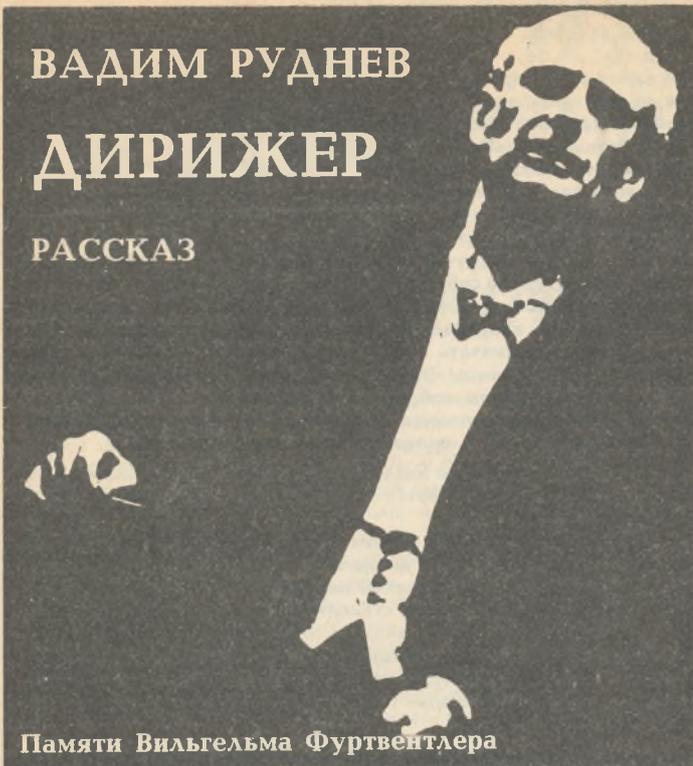
Я, хмелея, хлебну, будто крови из раны,
Отравы полета над скатертью трав,
И сквозь смех нам обоим покажется странным,
Что я был только куклой, а ты был неправ.

ВАДИМ РУДНЕВ

ДИРИЖЕР

РАССКАЗ

Памяти Вильгельма Фуртвенглера

Я его никогда не видел. Ни на репетиции, ни на концерте. Я могу только попытаться понять, каков он и нужен ли. Нет, мы прекрасно понимаем, что он необходим, но каков он, каков? Я вижу его, я ощущаю, как он идет, никогда мною раньше не встречаемый, по темному коридору, в котором я никогда не бывал, такому внепространственному. Он идет по нему, нервный, напряженный, и даже кажется, что от досады плюнул в стенку и оглянулся на плевок сердито (Кто смеет здесь плевать?) и идет дальше еще быстрее, злобно подергивая щекой. Это он думает о той глуповатой даме, которая ему трусливо перебежала дорогу. Тьфу, опять плюнул, не замечая, что коридор, по которому он раздраженно переходил из одного состояния в другое, не видя ни пола, ни потолка, а лишь одни стены с тусклыми канделябрами и зеркалом, в котором он, быстро проходя, увидел свое отражение (каким оно было? изможденное лицо с раздраженными худыми глазами, дергающаяся левая щека, рот, искаженный злобой, подбородок выпячен, из-за него, несмотря на худобу, торчит второй, и правая рука, которую он досадливо поднял, как будто уже взялся за свое), этот коридор с невидимым полом и потолком уже кончился, и он увидел перед собой неожиданно для самого себя, выходя справа к свету в оркестр, застывшую физиономию ударника Сиббса Торнтона, и от этого его совсем перекосило. Он злобно скривил рот на сторону, но плевать было уже некуда, разве Сиббсу на литавры, но это было даже для него невозможно, и он только стрельнул искривленным ртом, как вот уже двадцать пятый год подряд, мол, здорово, Сиббс, как дела, не робей, малыш, хотя Сиббс Торнтон был такой же малыш, как и он сам. И уже продираясь с внутренним раздраженным ревом сквозь легкомысленных кларнетистов, которых он пять лет назад подобрал на свою голову в Сан-Франциско, нет, парни были ничего, дуть они умели здорово, ничего не скажешь, услышал своею скрюченной спиной, хлопнув по лысине полой фрака Джин Маккаслин, лучшую гобоистку и первую сплетницу, свою несостоявшуюся невесту образца 1946 года, что, мол, привет, старина, ты остался такой же злощещей скотиной, как и двадцать четыре года назад, когда ты купил старика Сиббса в полную свою собственность, того Сиббса, который на все руки мастер: и в тимпаны

стучать лбом и замечательно исполнять соло на китайских тарелках, балда этот Сиббс, старая безвкусная обтянутая свиной кожей задница. Но больше всех на свете он ненавидел свою первую скрипку, этого улыбающегося льстивого Серёна, который уже раззявил свою напوماженную пасть ему навстречу. Ну закрой ты рот, пожалуйста, думал он, делая вид, что пожимает Серёну его потливую ручонку. И, кланяясь зрителям, опять вспомнил эту курицу в кимоно, которая перебежала ему дорогу. Увидев же пульт с партитурой, он задрожал, изнемогая от ярости, и ему захотелось закричать, как на репетиции — дико и истерично: какая паршивая скотина поставила сюда эту поганую двустолвку. Но он, только злобно сверкнув на толстозадую концертмейстершу виолончелей, отпихнув пульт ей на голову, или сделал вид, что хочет отпихнуть ей его на голову, уже вынимая из кармана одиозный носовой платок и издав безобразный звук, вызывающий отвращение у оркестра и приводящий в содрогание зрительный зал.

Неужели он таков, и неужели таковым он необходим?

Да, он необходим. Это знают все; и более всех плевший Сиббс Торнтон, хотя ему, Сиббсу, ничего не стоит исполнить соло на китайских тарелках, занимающее целых восемь минут и три секунды. Но таков ли он, этот безобразный манекен в пронафталиненном фраке?

Вот он высморкался и злобно закричал, как будто свершил акт зверского насилия над оркестром, давая понять, что он один здесь хозяин и может плевать музыке в рожу, сколько ему заблагорассудится.

Но вот все это проделано, и когда он тянет руку без платка из кармана, старику Сиббсу как никому виден и понятен и в то же время непостижим момент, когда эта рука, которая комкала платок и раздраженно запихивала его в карман, куда подальше, превращается в совсем другую руку, красивую и безжалостную, и весь он как будто вытягивается, и щека, перестав дергаться, оставляет рот чуть приоткрытым. И после этого и старый Сиббс, который, когда напьется, приходит к нему ночью в полпятого и будит его только ради того, чтобы, ткнув ему толстым пальцем в халат, дыхнув перегаром, сказать с пьяной задумчивостью по-дружески: Ты старый пустозвон, Вилли, понимаешь, ты старый пустозвон и больше ты никто. И даже льстивый и педерастически улыбающийся Серён, и толстозадая Берта Крикман, концертмейстерша виолончелей, у которой племянник в Новом Орлеане, как говорят, выиграл в лотерею стиральную машину, и двое сомнительных кларнетистов из Сан-Франциско — все они после этого момента и, может быть, ради него, ради того, чтобы еще и еще раз видеть недоступную зрительскому глазу метаморфозу: как из наглого раздражительного старика, который хладнокровно может позволить плешивому Сиббсу заблевать весь свой ореховый кабинет, сказал только: Давай, давай, Сиббс, у тебя это неплохо получается, малыш, попробуем еще раз, ну-ка, сосредоточься, сынок, только следи за нотами; и добавив добродушно: Я не против того, чтобы блевали у меня в кабинете, я только не выношу, когда это делают фальшиво; и засмеявшись простодушным смешком зажиточного фермера из Южной Каролины; как из этого охальника и грубияна, который называет их всех паршивыми свиньями и безмозглыми тупоголовыми болванами, он превращается в нечто — неподдающееся описанию, нечто, что заставляет их прирастать задками к стульям и доставать откуда-то, неизменно откуда, музыку по кусочкам и отдавать ему; все они после этого момента уже не принадлежат себе, и каждый из них становится необходимой частью того, что не написано ни в каких партитурах; каков он? что он и зачем? и почему нам надо жить в нашем свиарнике, в нашем нечистоплотном и горестном мире?

Фото Гунерса Янйтиса

Регина Эзера — из тех, кто пишет много, она работает неустанно и серьезно, без длительных периодов отдыха и размышлений, считая, что — «В плане времени напряженная работа не станет основанием для поверхностности, а совсем, наоборот, будет залогом успеха. Пустое сидение с рассуждениями пользы не принесут, хотя и не все, что написано, удалось и многое вообще не дойдет до типографии». В наше время трудно постичь напряженность и интенсивность работы, скажем, Бальзака или Андрея Упитиса. Достаточно взглянуть на собрание сочинений Андрея Упитиса в двадцати двух томах — каждый толщиной в 1000 страниц, и вообразить себе, будто сидишь и старательно переписываешь (даже не сочиняешь сам!) все это — страницу за страницей, том за томом. Станет сразу ясно, что писательский труд нелегок даже чисто физически. Но в эти двадцать два тома не вошло и половины того, что написал А. Упитис.

Вклад Р. Эзеры в литературу не так велик, но и она пишет необычайно много для нашего времени. В читательской памяти в первую очередь остаются масштабные произведения — повести и романы. И те, кто знаком с творчеством Регины Эзеры, прежде всего, наверно, вспоминают «Отблеск солнца» [1969], «Ночь без луны» [1971], «Колодец» [1972], «Гарь» [1977], две первые части тетралогии романов «Сама со своим ветром», «Насилие» [1982] и «Предательство» [1984], может быть, еще какой-то роман.

Но так же регулярно писательница работает и в жанре рассказа и новеллы. «Этот жанр привлекает меня возможностью искать и находить новые ключики и интонации», — признается она. «Сейчас меня особенно пленила новелла — королева рассказов. Ей достаточно одного лучика, чтобы все перевернуть вверх ногами, хотя подача материала неожиданным образом требует, разумеется, от писателя большого мастерства. Трудно, но интересно! Разумеется, не всякий материал можно подать как новеллу —

стремление к этому любой ценой было бы донкихотством. И впредь, наверно, я буду писать спокойные, акварельные рассказы...»

И здесь опять приходит на ум признание А. Упитиса, что, начиная новое произведение, он думал не только о новом содержании и идеях, а ставил перед собой какое-то новое задание в чисто художественном отношении. Так же и Регина Эзера — ее «пугает штампование рассказов по одному образу и подобию».

В рассказах все же чувствуется ее характер романистки, по сути, это не отдельные, обособленные повествования, они повсюду связаны друг с дружкой, один цепляется за другой и тянет за собой следующий. Один рассказанный писательницей эпизод жизни сам по себе завершился, но для автора осталось что-то недосказанное, и кажется, что следовало бы это высветить с какой-то другой стороны. И появляется следующий рассказ, но и он не в силах высказать все — жизнь так ярка и разнообразна. В результате у Регины Эзеры выходит не очередной сборник рассказов, где просто собраны все написанные произведения, а КНИГА рассказов, цельное произведение, не объединяющее различные эпизоды, а предлагающее картину жизни.

И наоборот — романы писательница строит по принципу мозаики, в которой объединяются истории жизни нескольких героев, например, «Гарь».

Очень интересно, даже увлекательно наблюдать, как автор находит все новые приемы циклизации. В сборнике «Даугавские рассказы» [1965] эпизодический персонаж одного рассказа, едва различимый в общей толпе, становится главным героем следующего рассказа. Это, надо признать, очень справедливый и демократичный принцип: действительно, неужели те люди, которых мы замечаем вокруг «центральной фигуры», сами по себе менее интересны, чем избранный герой! В этой книге внимание писательницы отдано всем.

Сборник «Шальное время боровиков» [1978] объединен общим героем всех рассказов — шофером автобуса из небольшого районного городка Спрогисом, хотя речь в основном идет о пассажирах, с которыми ему доводилось встречаться.

Весь сборник «У тихих вод» [1987] рассказывает лишь о том, как небольшая компания друзей и знакомых проводит конец недели на берегу тихого лесного озера. Но одно и то же событие (в котором, к тому же, нет ничего интригующего), одни и те же разговоры и занятия пять раз подряд излагают пять героинь рассказов — и каждый раз перед нами предстает совсем иная картина, иное понимание и объяснение событий. Мы вновь убеждаемся в том, что каждый человек — неповторимый мир, и видит жизнь не так, как остальные.

Другой способ, используемый Региной Эзерой, это — циклизация рассказов по выбранному художественному приему или тематике. Так, например, объединены «Десять шалых рассказов в двух циклах» (в сборнике «Ловушка», 1979), в которых привлекают уже сами заголовки: «Пятеро мужчин в бане, или Рассказы об инфаркте миокарда» и «Все о женщине и кое-что о мужчинах, или Пять рассказов о суггестии».

И публикуемый здесь рассказ взят из обширного цикла «Зоологические новеллы». О том, как возник замысел этого цикла, писательница немножко несерьезно рассказывает в предисловии к изданию «Зоологических новелл» на эстонском языке: «Несколько лет назад мне в руки попала довольно старая книга по орнитологии. Там я вычитала и кое-что о лесном селезне, о котором раньше почти ничего не знала. Селезень ревниво охраняет свою подругу от возможных соперников и, защищая ее честь, рыцарски устремляется на поединок с конкурентом и дерется не на жизнь, а на смерть. В то же время он никогда не упустит возможности полюбезничать с чужими утками и потому вечно у него всякие неприятности и противоречия с братьями по роду. Прочитав об этом, я невольно воскликнула: «Ах, как это похоже на мужчин!». Не исключено, что это и был первый стимул для написания «Зоологических новелл».

Как и положено в литературе, а изображение животных в ней вообще-то очень распространено, но биологическая сторона дела важна в этих рассказах, и ни зоотехник, ни ветеринар совет в них не найдут. А читатель — возможно. Как объясняет автор — в «Зоологических новеллах», разумеется, есть, соответственно названию, что-то зоологическое, что-то про животных, да. Но не только про них. Аллегории! Да, но не только аллегории. Это параллели, но это и противопоставления. Это — сближение, но это — и парадоксы. Здесь — поведение, психика, судьба, борьба за существование животного, а также деятельность, характер, быт, противоречия и даже политические столкновения человека. И эти линии в новеллах то идут параллельно, то перекрещиваются, сталкиваются, чтобы, высветивая друг дружку, выделить главное — проблемы человеческого общества».

РЕГИНА ЭЗЕРА

Феномен принцессы, или конец одной ослепительной карьеры

Ее судьба была так противоречива, что могла бы послужить примером для подтверждения своих воззрений как оптимистам, так и пессимистам, при этом оптимисты сказали бы, что она лучшее доказательство возможности высоко взлететь, будучи и в бедственном положении, и даже в условиях, грозящих самому существованию, выбиться наверх, доказывая тем самым торжество добра над злом и победу жизни над обреченностью, тогда как пессимисты столь же обоснованно возразили бы, что история ее жизни — о да! — действительно позволяет сделать некоторые выводы, однако совсем иного рода, чем представляется легковверным оптимистам, которым иллюзия всегда заслоняет действительность, ибо ее библиография лишь подтверждает испокон веку известную истину — как несовершенно и изменчиво решительно все под солнцем и как капризно и непрочно особенно счастье в, казалось бы, самых обнадеживающих случаях: разве ее взлет в конце концов не кончился только пшиком и разве ее не постиг в итоге жалкий конец?

Это может показаться несколько вызывающим и может быть даже нелогичным, и все же правы были бы вопреки логике обе стороны, ведь ее карьера началась в тот момент, когда по правилам должна была начаться ее гибель, и только самой малости не хватило ей, чтобы дотянуть до сияющей вершины славы, где она стала бы в ряд самых ярких звезд своего вида, обогатив науку новым знанием и, возможно, даже удостоившись бессмертия. Она поднялась очень высоко, однако вознестись на самый верх ей так и не удалось. Более того, к глубокому сожалению, ей не удалось и сохранить *status quo*, и она стремительно покатила вниз, пока не скатилась на самое дно, куда и до нее скатились многие не оправдавшие надежд (и продолжали скатываться и после нее).

Вырванные из контекста, эти слова могут показаться не совсем понятными и, упаси бог, даже вызывающими, так что во избежание недоразумений надо сразу объяснить, что речь в рассказе идет о приключениях и полной драматической коллизии судьбе не представительницы людского племени, но о серой полосатой кошке. Как особь своего вида она не претерпела никаких превращений и по воле или прихоти автора не преобразилась в какое-то другое существо, до последнего дня жизни оставаясь всего лишь кошкой.

Как явствует из заглавия, официально она звалась Принцессой, если мы согласны держаться взгляда, что дать ей настоящее имя в праве был только Имантс К., и принимать в расчет другие прозвища не следует, ведь в юности она, хоть и не по своей воле, пошла по рукам, и всякий, кто лу она долго или коротко принадлежала, нарекал ее по-своему, так что кличек с окончанием и женского рода, и мужского, и с несклоняемой флексией у нее под конец набралось несколько. Перечень их художественно расцветил бы повествование, эмоциональной высветив крутые и причудливые зигзаги ее жизни, но — увы — создал бы в рассказе и ненужную путаницу. Так что в тексте ограничимся всюду именем Принцесса.

Она родилась в семье пенсионеров совхоза «Даугава» Цецилии и Яниса А., вернее говоря, на чердаке над клетью, где окотилась ее мать, пестрая кошка, каких много в латвийской деревне, с одним черным ухом, другим — белым. В помете, кроме нее, было три брата и одна сестра. И если мы не страдаем наивностью представлений, то пойдем с очевидностью, что при такой конкуренции у нее было не слишком-то много шансов выжить. Однако же вопреки этому она волею судеб осталась в живых. И в то время как ее братья и сестра в холщовом мешке совершали путешествие в богатые мышиные угодья, она теплым ртом сосала мать. Все решило то, что и впоследствии, делая ее желанной, не раз сыграло роль в ее жизни, а именно — ее красота. Не особенно и преувеличивая, можно сказать, что жизнь ей спасла ее шкура.

Одному богу известно, откуда взялась в ее жилах кровь ангорской кошки, которая в них несомненно текла, о чем говорила необычайная пышность шерсти и, когда открывались глаза, также небесно-голубые радужины. Из-за этих глаз и шерсти Цецилия А.

иной раз опаздывала и подоить корову, и сварить поесть: она могла часами наблюдать, как (по ее словам) «это ненаглядное создание играет со своим хвостом».

— Теперь нам и телевизора не надо, — сказала она.

— Может, скоро не понадобится и радио, — полушутя ответил Янис.

Назавтра же ночью они в этом убедились. Цецилия встрепенулась ото сна первая и, поскольку Янис еще храпел, его окликнула:

— Тсс! Что там за вопли такие? Не душат ли кого?

И когда проснулся Янис и перестал храпеть, они поняли, что радио им действительно без надобности, так как снаружи доносились звуки поп-музыки.

— М-да... — с тоской проговорила Цецилия, почему-то вспомнив молодость.

— М-да! — сердито буркнул Янис, слушая, как ночную тишину заполняют сладострастные саксофоны котов.

— И вдобавок еще у нас теперь будут две кошки, — сказала Цецилия и, покоряясь судьбе, только вздохнула, так как была фаталисткой.

— К чертям собачьим! — отвечал Янис. — Даже по ночам не дают спать! — И, стукнув кулаком по одеялу, помянул некий дом, пользовавшийся не особенно доброй славой.

— Ну, Яаан... — жалобно протянула Цецилия.

Однако, будучи волевым человеком, Янис не отступился, напротив — воинственно вознамерился (как он сам выразился) «принять меры», пока еще (опять по его словам) «эти вши не расплодятся и не заполнили весь дом», потому что ему «уже опротивело быть тут вечным палачом».

— Ну, Яаан... — еще жалобней протянула Цецилия.

Поскольку тарарам за окном затянулся и уснуть все равно не удавалось, супруги стали совещаться, обсуждать пути и средства, как без применения насилия выйти из положения, которое в не слишком далеком будущем грозило еще большим беспокойством и хлопотами. Под утро они договорились Принцессу (которую тогда еще так не звали) кому-нибудь подарить, притом лицу с соответствующим красоте животного общественным положением и (как выразилась Цецилия) «человеку с душой». Этим требованиям отвечал Имантс К.: во-первых, он работал в научном институте и, во-вторых, страстный любитель природы, он проводил лето в усадьбе семейства А., где снимал комнату, чтобы (по его словам) «в сельской тиши бороться со стрессом».

Для подарка требуется повод, поэтому после завтрака Цецилия принесла «Народный календарь» и стала листать в поисках подходящей даты.

— День советской молодежи, — читала она вслух Янису, — Виестурс, Петерс, да ты слушаешь, Янис? Паулс, Таливалдис, не спи, Янис! День работников морского и речного флота, Имантс, ага, вот оно! Первого июля Иманты именинники!

И так с небесно-голубой (в цвет глаз) лентой на шее первого июля кошка перешла в законную собственность Имантса К. и тогда же была названа Принцессой. Кстати говоря, день собственной именин помнил потом Имантсу К. туманно. Вначале он как будто расчувствовался и был тронут и сердечной атмосферой, и чудесным котенком (отнюдь не только потому, что любить животных теперь модно), а потом совершенно умилил хозяев (сперва Цецилию, потом и Яниса) и научным прогнозированием, и поляризацией атомов и молекул в магнитном поле, и еще какими-то теориями и гипотезами, которые пытался доказать и которые потом он не мог вспомнить. Под конец он вроде пел по-французски и целовал котенка, но так ли оно было или не так, он и этого не мог сказать со стопроцентной уверенностью. Назавтра утром, открыв глаза в уединении снятой комнаты, он вместо того, чтобы делать, как обыкновенно, утреннюю зарядку, устало предался депрессии; увидев в изножье кровати Принцессу (которая уже счастливо освободилась от голубой ленты), почувствовал первые смутные опасения за будущее, которым мужественно решил не поддаваться по крайней мере

до конца отпуска, поэтому, собравшись с духом, вымылся, взял у хозяина велосипед и поехал в магазин за пивом.

Это описание именин может навести на мысль, что в лице Имманса К. мы имеем дело с человеком легкомысленным и неуравновешенным и, кто знает, может быть, даже кутилой, который, предаваясь пьянству и плотским уладам, сжигает свечу своей жизни с обоих концов. Однако это, боже сохрани, не так! Назвать его бражником и тем более донжуаном было бы грубой ошибкой. Он пил редко (и два упомянутых в этом рассказе случая похмелья были почти что единственными на протяжении примерно четырех лет). И оба бездетных брака были расторгнуты только из-за «несходства характеров» (а не предсудительного поведения). В институте его считали исполнительным работником, хотя за глаза называли «человеком без будущего»: в том возрасте, когда другие уже защитили кандидатскую и руковожат лабораторией, Имманс К. был всего-навсего лаборантом.

— Я не карьерист! — часто повторял он, и это звучало так благородно, что, произнося эти слова, он сам им верил, и верить было сладко, ведь кое-кто из коллег опускал при этом глаза, невольно заглядывая себе в душу. Свое презрение (как он выражался) к «карабканию наверх» Имманс К. носил в петлице пиджака, как иной носит красную гвоздику. И лишь наедине с собой он отбрасывал эту бумажную мишуру, снимал грим и оставался лицом к лицу с собой и своей бездарностью, ощущая себя лишь жалким статистом в великом спектакле жизни.

— Кто я? Никто! — в отчаянии вздыхал он в минуты слабости, рвал на себе уже жидкие волосы, сквозь которые стали проступать очертания темени.

Если мужчина в сорокапятилетнем возрасте плачет, что он никто, это уже явление не только психологическое, но и социальное, ибо комплекс неполноценности в критический момент может дать взрыв, подвергая опасности современников и окружающую среду. К Иммансу К. это, само собой, не относится. Его дальнейшее поведение хоть и может показаться несколько необычным, ни на единый миг все же не стало антиобщественным. И прежде чем подтрунивать над его стремлениями или осуждать его поступки, давайте попробуем его просто по-человечески понять. Когда Принцесса неожиданно открыла перед ним возможность возвыситься, он воспыпал такой жадной самоутверждения, что...

Но не будем забегать вперед. В рассказе еще не кончилось лето, которое Имманс К. прожил у Цецилии и Яниса А. и которое было самым первым в невероятной судьбе Принцессы, судьбе опьяняющего успеха и тошнотворного падения.

О самом лете, по правде сказать, распространяться особенно нечего, и сюжетное значение, строго говоря, имеет лишь его заключительный аккорд (на котором мы остановимся подробнее). Что же до самого лета, стоит сообщить лишь, что, когда у Имманса К. кончился отпуск и в усадьбе на берегу Даугавы он стал проводить только субботы и воскресенья, Принцесса пока оставалась у Цецилии и Яниса А. (так как в Риге у Имманса была одна комната в коммунальной квартире, и было решено до осени Принцессу в город не забирать). Зато конец недели они по-прежнему проводили вместе. Удивительно быстро Принцесса усвоила день и час, когда Имманс К. являлся из Риги, и к тому времени она сидела у дороги в кустах, чтобы его встретить, и радостно приветствовала. Пока он рыбачил, она, сидя с ним бок о бок, терпеливо ждала какую-нибудь рыбешку, однако, если он ничего не поймает, не выказывала досады и, неся пышный хвост, как знамя, бежала впереди него домой. Когда он растягивался на тахте, она, свернувшись у него на груди, мурлыкала от удовольствия и лежала легкая, как птица. И на него снисходил тогда глубокий покой и нечто вроде ощущения счастья, ведь жизнь не очень его баловала любовью.

Похоже проходило и последнее воскресенье. Был уже конец сентября, и Имманс К. собирался переехать в Ригу окончательно. Он проснулся еще до рассвета. Небо было полно осенних звезд, и Принцесса тихо лежала у него на груди. Он почти не чувствовал ее веса. Шерсть кошки пахла, как женские волосы. От его прикосновения Принцесса замурлыкала.

Тут неожиданно Имманс К. уловил не то раскаты грома, не то треск ломающегося льда. Он поднял с подушки голову и вслушался, но темнота была прохладной и мирной. Он не понял, что услышал гул близкого будущего, докатившийся сквозь расстояние времени в ночной тишине, когда другие звуки спали. Он этого не знал, и все-таки у него закралось беспокойство и стало вибрировать в нервах со все большей амплитудой.

И вдруг его пронзило предчувствие скорой разлуки. На поверхность сознания всплыло то, что все время таилось в сумерках души. Он совершенно отчетливо понял, что Принцессу с собой не возьмет. Куда он ее денет? Кому она в Риге нужна? Будь у него семья и дети, он повязал бы сегодня Принцессе голубую ленту и повез бы своей дочке. С удивлением он подумал, что

у него даже нет близкой женщины, которая бы согласилась принять его любимицу. На свете не было существа, готового принести ради него даже столь малую жертву. И, чувствуя себя как никогда одиноким, он обнял Принцессу и стал целовать. Он тискал ее в руках, шепча бессвязные слова, предназначенные ей и не ей, он клялся в вечной любви и униженно просил прощения, называя себя грешником и подлецом, и Принцесса, не догадываясь о своей участи, все урчала и урчала.

Но нервы человека не выдерживают долго состояния аффекта. Отрезвел и Имманс К. и, опомнившись, стал обдумывать (как он сам это назвал) «план действий». Конечно, он мог просто сбегать и здесь больше не появляться. Не все ли равно в таком случае, что о нем будут думать Цецилия и Янис А.? Да, теоретически это так. Однако практически никому не безразлично, что о нем думают — и даже после смерти! Имманс К. тоже хотел, уезжая, оставить о себе добрую память (ведь это так приятно!). И, обмозговывая проблему так и этак, он под конец решил (цитирую мысли) «избавиться от нее сегодня же вечером» и затем для осуществления этого замысла провел и кое-какие оргмероприятия.

Вечером он выждал, пока хозяева лягут спать, и даже лишний раз сходил в домик с сердечком, чтобы своими глазами убедиться, что окна уже темные. Потом, несколько меняя первоначальный замысел, не стал совать Принцессу в мешок сразу, чтобы та не подняла шум, а взял на руки, прижал к груди, мешок сунул под мышку, перекинул ноги за подоконник и соскочил вниз.

Восью светила луна. В тот момент, когда Имманс К. мягко прыгнул в сад, такое сияние, конечно, было ни к чему, однако же весьма пригодились потом, ибо хорошо освещало лесную дорожку. До первого хутора колхоза «Липовый цвет» было километров пять или чуть больше, и значит, целый час ходу. Час туда, час обратно. И тогда очень заметна разница — шагать ли по сколько-то видной местности или брести в полной темноте, где ничего не стоит споткнуться о корни, упасть и, чего доброго, сломать ногу.

Принцесса сидела у него на руках и время от времени мурлыкала. Однако, войдя в лес, Имманс К. решил, что надежней нести ее в мешке, и пытался ее туда запихнуть. Тут и начались разногласия. Кошка в жизни еще не испытывала физического принуждения и сперва даже не поняла, чего от нее хотят. А поняв, она разозлилась, возмущенно вцепилась когтями в холст мешка и в него не шла. Тут разозлился и Имманс К. — ведь кошка могла выскочить и ударить. И в законном возмущении он схватил Принцессу за шкуру и стал толкать ее вниз. Но чем больше он толкал ее вниз, тем сильнее она рвалась вверх, с каждой минутой все зверея, и впервые проявила скверный характер, который до поры таился в ласковом красивом теле.

Несколько минут они молча единоборствовали при лунном свете, однако силы были слишком неравные, чтобы схватка кончилась иначе, чем она завершилась, а именно — стенаниями Принцессы в мешке, который Имманс К. тащил за конец, держа на расстоянии от икр (как будто нес дикобраз). Время от времени он подносил ко рту и сосал палец, выплевывая вместе с кровью и крепкие слова на двух языках (какие обычно не употреблял, так как по праву считал себя интеллигентом). Принцесса впервые слушала вульгаризмы. До сих пор ей приходилось слушать только деминутивы.

Не совсем ясно, устала ли просто Принцесса мяукать или же стала смиряться со своей участью, но мало-помалу она затихла и молча сидела на дне мешка. Иммансу К. все больше и чаще казалось, что он тащит бесформенный неживой предмет. И только когда он остановился и поднял ношу к лунному свету, на ярком фоне месяца в мешке, точно в животе беременной, слабо зашевелилась жизнь.

Наконец Имманс К. вышел к другому концу леса и увидел группу строений, что и было целью его путешествия. В окнах мерцал лишь отсвет ночного неба. Он развязал мешок, однако вылезать Принцесса не желала. Тогда он кошку вытряс и положил перед ней двух окунчиков, которых они вдвоем несколько часов тому назад втудили, сидя бок о бок на берегу Даугавы. Принцесса рыбу не тронула, а только сидела и смотрела, и ее огромные глаза блеснули при лунном свете туманными фарами. Так продолжалось несколько минут. Принцесса не предпринимала ничего и, потеряв терпение, Имманс К. быстрым движением помахал мешком прямо у нее перед носом. Она с испуга чихнула, гибким прыжком метнулась вбок и скрылась в тени. Тогда Имманс К. зачем-то побежал. Сделав первые два десятка шагов, при полной луне он видел, что Принцесса за ним не следует, и все же, по-прежнему оглядываясь, бежал и бежал, как будто за ним гнались с криком «Держи вора!».

Когда он наутро собрался в Ригу, Принцессу не могли найти. — Небось с котами шляется, где же еще, — рассудил Янис А.

1.6.1903 28

Рисунок Индулиса Гайланса

— Ты спятил, что ли? — возмутилась Цецилия. — Она же еще подросток!

— Акселерация! — проговорил Янис: он недавно читал про это в газете и потому знал, что теперь все по-другому, чем было в их молодые годы.

Поскольку в автобусе возить животных не разрешается, было заранее обговорено и решено, что Имантс К. (по словам Яниса А.) выйдет на шоссе и будет голосовать, авось, какая-то попутка подбросит к поезду. Теперь ничто не мешало ему ехать автобусом, однако он, выйдя с чемоданом к шоссе и увидав грузовик, его остановил. Шоферу было как раз по дороге, только в кабине места не было.

— Если не боишься замерзнуть, — крикнул ему шофер, — полезай наверх и садись на свои манатки.

Как и всех людей, не достигших в жизни того, о чем мечталось, Имантс К. больно задело как обращение на «ты», так и «манатки», однако сейчас было вовсе не время выказывать обиду, и он ее проглотил, поставив вещи в кузов, взобрался сам, сел на чемодан спиной к кабине, и они тронулись.

Было уже совсем светло. Небо зажглось утренней зарей. Все время пути чувствовалась Даугава. С высоты кузова она нет-нет и открывалась. Он не видел воды — один белый туман, который курил, струился и в утреннем безветрии прятал сам своим внутренним движением, как воспоминания. Над побеленным заморозками простором восточный край неба играл таким сиянием, что у Имантса К. защипало веки. Вот-вот должно было взойти солнце. Он непрерывно туда смотрел так напряженно, что глаза наполнились слезами, и две горошины покатались по лицу. Он не стал их вытирать. Солнце уже тронуло горизонт, когда машина свернула на повороте, и раскрытый восходом веер лучей быстро сложился и потонул за лесом, сразу как бы отдалившись. Имантс К. по-прежнему смотрел туда, но солнце не появлялось. По щекам, на которых время уже прочертило морщины, сползли еще две слезы. Их тоже он не вытер.

Пока грузовик прибыл на станцию, слезы успели высохнуть. Ничто больше не выдавало минуты слабости. И все же он зашел в туалет и привел себя в порядок, и в поезд сел такой бесстрастный и хладнокровный, что мы со спокойной душой можем его оставить, чтобы заняться Принцессой.

Как раз в то время, когда Имантс К. вошел в вагон и поезд тронулся, из дома на территории колхоза «Липовый цвет» вышел восьмилетний сынишка скотины Айны З. Гунарс и отправился на автобусную остановку — ехать в школу, где он учился во втором классе. Мальчика провожали собачонки Джин и Тобик, которые на полдороге его бросили и с лаем кинулись по живью вдогонку за каким-то фыркающим и шипящим клубком, катящимся на большой скорости. Гунарс разглядел, что это серый молоденький кот, который на скошенном поле, наверно, охотился на мышей. Преследователи, гнавшие жертву, достигли конца поля, и вся троица скрылась из виду.

Когда он вернулся из школы, котенок сидел на березе недалеко от дома и мяукал. Шерсть на нем от холода встопорчилась (отчего казалась еще пышнее), глаза от голода расширились (отчего казались еще больше), одним словом, он околдовал Гунарса своей красотой, и тот ласково позвал: «Кис-кис-кис!» Однако киска только вякала и вниз не спускалась. Когда и повторные усилия заставить ее спуститься ни к чему не привели, Гунарс помчался на ферму.

— Мама, на дереве сидит котенок и не может сойти, — сообщил он.

— Ну и пускай сидит, — отвечала Айна З.

— Но он так мяукает, — жалобно сказал Гунарс.

— Ну и пускай мяукает, — отозвалась Айна З.

— Но он такой хорошенький, — еще жалобней сказал Гунарс.

— Ну и пускай хорошенький, — отрезала Айна З.

Тогда Гунарс заревел.

— Ты заткнешься или нет?! — прикрикнула Айна З.

Однако Гунарс ревел еще пуще. Он ревел все сильнее и сильнее, ревел до тех пор, пока Айна З. не согласилась пойти с ним хотя бы посмотреть. И когда она увидела котенка, то с восторгом выдохнула:

— Да он же такой хорошенький!

— А я что говорил?! — ликуяще вскрикнул Гунарс.

Но котенок спускаться не пожелал и на призывные крики Айны З., тогда она принесла приставную лестницу и сняла кошку с дерева.

— Возьмем ее к себе! — сияя, сказал Гунарс, протягивая нетерпеливые руки к котенку.

Айна З. вздохнула. Во-первых, потому, что держать кота вовсе не собиралась (и подавно уж кошку). Во-вторых, потому, что прекрасно знала, как быстро Гунарсу все надоедает («Весь в отца!» — подумала она) и как быстро надоеет и этот найденыш. Но она не могла Гунарсу отказать, так как любила сына сильно

и горячо, как любят сыновей только разведенные женщины. А, да пусть себе мальчишка потискает и потаскает, не бог весть какое добро, таких брысек каждую весну топят дюжинами!

Вечером кошка получила имя. Само собой разумеется, не Принцесса, и в ее дальнейшей судьбе оно не играло никакой роли. Впоследствии она его даже не помнила, так что от жизни у Айны и Гунарса З. у нее осталась на память только грыжа. Когда Айна З. прощупала на животе кошки этот плод пылкой любви сына, она снова вздохнула и опять подумала: «Ну весь в отца, вот ей-богу!», а насчет жилы поговорила с колхозным ветфельдшером, когда тот приехал на ферму лечить телят от диспепсии. И фельдшер сказал, что малочленных животных с грыжей ликвидируют, а ценным можно сделать операцию.

— А платить мне за нее надо? — опасливо спросила Айна З.

— А ты, Айна, как думала? Это же не колхозный теленок, которого я должен врачевать на зарплату, — ответил ветеринар.

— Небось дорого? — спросила Айна З. еще опасливей.

— Ну и прижимистая ты! А сама деньги гребешь лопатой! — воскликнул ветеринар.

— Я еще подумаю, — сказала она.

Дома она действительно стала думать, что делать, в то время как кошка, сидя против нее и никак не влияя на ход ее мыслей, только глядела, пока не начала под ее пристальным взглядом мурлыкать. Ценное она животное или не ценное? И чем ее, ценность, измерить? Да рублем, чем же еще!

«Этот сквалыга сдерет будь здоров! — вдруг подумала Айна З., с нарастающим гневом вспоминая разговор с фельдшером, и почему-то особенно зловещий казалась ей фраза: «Сама деньги лопатой гребешь!» Чем больше она над этим размышляла, тем сильнее злилась на ветеринара, как будто бы он (именно он) был виноват, что ей теперь приходится ломать себе голову над этой хворобой. «Фигу он у меня получит! — наконец категорически решила она. — Ликвидирую, и дело с концом!»

Но когда она снова взглянула на Принцессу, которая по-прежнему вполне урчала, время от времени поднимая на нее огромные глаза с удивительно синими радужками, в Айне З. разрушилась вся ее решимость. В своей жизни она резала кроликов и кур и однажды (когда поблизости не было мужика) заколола и ягненка. Однако сейчас она поняла, что убить этого чудного зверька выше ее сил, что она себе этого никогда не простит, что до гробовой доски на ней будет лежать убийство, и надо искать другой выход, чтобы душа не вступила в разлад с разумом.

— Сынок, — сказала она Гунарсу, — поразведай в школе, не надо ли кому ангорскую кошечку.

— О'кэй! — отвечал Гунарс, так как (вполне оправдав предвидение матери) к котенку уже охладел.

За два дня он (с умом то повышая, то понижая цену) продал Принцессу, выдавая ее за кота, своей однокласснице Инаре Р. за три рубля деньгами и пять пачек жевательной резинки (получив две пачки заранее — в задаток).

— Только сам мне его привези! — поставила условие Инара.

«За доставку на дом» (как назвал это Гунарс), он выклянчил у нее (тоже по его словам) «один стержень к импортному шарик».

— Все будет о'кэй! — пообещал он.

Вечером они с матерью отыскивали на чердаке старую брезентовую сумку с еще достаточно крепкой «молнией» и на другое утро совместными усилиями заключили в нее Принцессу.

— Только не тревожь ее, чтоб не кричала, — наказала Айна З.

— Что я — пентюх какой-нибудь?! — задетый, отвечал Гунарс. — Видишь, сидит как смирно.

Принцесса действительно сидела спокойно. Сердце Айны З. так спокойно не было.

— Ну тогда с богом! — сказала она на прощание.

— Чао! — оптимистически ответил Гунарс и матери подмигнул.

И все-таки Айна З. вышла во двор и какое-то время смотрела сыну вслед, но, насколько хватал глаз, ничего такого, что вселяло бы беспокойство, видно не было.

«Ничего, обойдется. Доставит как миленькую!» — подумала она.

Но увы — не обошлось. Отчасти виноват тут был Гунарс, отчасти сама Принцесса. Хотя ее умственные способности (как покажет будущее), видимо, следует оценить выше, чем у подавляющего большинства ее соплеменников, она была всего лишь кошка и так же, как подавляющее большинство ее соплеменников, боялась громкого шума. Когда еще автобус только приближался, Гунарс почувствовал, что сумка в его руке дернулась и заколебалась, и чем ближе подходил автобус, тем сильнее она колебалась. А когда он вошел и шофер дал газ, кошка не ограничилась качанием сумки и в брезентовой тюрьме замаякала. Принцесса мяукала достаточно тихо, чтобы ее не слышала большая часть пассажиров, однако и достаточно громко, чтобы ее

услыхала одноклассница Гунрса Байба З., с которой он сел рядом.

— А я знаю, что ты везешь, знаю, что ты везешь, знаю! — воскликнула Байба и коварно захихикала.

— Тш-ш-ш! — зашипел на нее Гунарс, полами пальто маскируя живую сумку, так как он знал и то, что возить в автобусе кошек запрещается.

— А она красивая? — только движением губ спросила Байба.
— Как картинка! — похвастал Гунарс. — Чистокровная ангорская.

— А пока-аа-жи! — зажужжала Байба.

— И не проси! — отвечал Гунарс.

— А если покажешь — что? Кусок я от нее откушу, что ли? — поддразнивала Байба.

— Удрать может, — важно заметил Гунарс. — Я договорился с Инарой.

— Ах, так теперь Инара, да? А я для тебя уже ничто. да? Я тебя насквозь вижу — ты меня больше не любишь! — обиженно воскликнула Байба (ибо официально в классе считалась невестой Гунарса).

— Я, конечно, тебя люблю, ну а если она убежит? — все еще опасался Гунарс, уже начиная немножко колебаться (ведь и самая красивая вещь две копейки стоит, если никто ее не видит).

— Куда она тут может сбежать? В закрытом автобусе! Если выскочит, сразу поймает. Ну, приоткрой щелочку! Вот такую-енькую! Ну пожалуйста... ну пожа-а-а-луйста... ну пожа-а-а-луйста... Мне ужасно хочется посмотреть! Показки хотя бы одно ушко, одну лапку! Ну пожа-а-а-луйста! — уламывала его Байба, испробуя извечную власть Евы над Адамом.

И Гунарс сдался. Он слегка потянул «молнию». Принцесса выснула из сумки голову и удивленно повела вокруг синим сияющим взглядом.

— Какая чудесная! — вырвалось у Байбы.

— А я что говорил? — отвечал Гунарс.

Принцессу заметила и женщина на соседнем сиденье.

— Смотрите, какой у мальчика котенок! — воскликнула она, тем самым привлекая к Принцессе внимание и других пассажиров. — Ну надо же, какой раскрасавец! Чего ты томишь его в этой торбе? Вынь и держи вольно на коленях!

И когда Гунарс увидел, что никто не собирается его с кошкой выкидывать из автобуса, а совсем напротив — весь салон тянет шею и не спускает с него и с Принцессы улыбчивых глаз, то и он заулыбался, вынул пленицу из сумки и гордо держал на коленях, позволяя любоваться ею всем, кто хочет, и испытывая несказанное минутное торжество.

С Принцессой на руках Гунарс и вышел, а Байба тащила все три сумки. Таким образом котенок, наверное, благополучно прибыл бы к новой хозяйке, то есть к Инаре Р., если бы шоферу не вздумалось погудеть. Он сделал это без злого умысла, он хотел просто пошутить, но таких шуток Принцесса не понимала. Она внезапно рванулась, перемахнула Гунарсу через плечо, в несколько прыжков достигла живой изгороди из елей и скрылась в чужом саду.

— Кис, кис, кис! — кликали ее Гунарс с Байбой, но Принцесса не показывалась и не отзывалась.

— Вот они, твои советы! — раздраженно проговорил Гунарс. — Только свяжись с женщинами, тыфу!

— Ага! Мои советы?! Я, что ли, тебе велела вынимать ее из сумки?! — отрубил Байба.

— Ладно, не будем ругаться. Давай прочесывать массив! — предложил Гунарс (так как читал книжки про войну и знал соответствующую терминологию).

Сквозь живую изгородь они проползли в сад и излазили его вдоль и поперек, заглянули даже в дровяной сарай, однако Принцессы не было следа.

— Тогда попробуем взять в кольцо! Ты заходи той стороной, а я этой, — еще не теряя надежды, предложил Гунарс.

Немного погодя до него донеслись крики Байбы:

— Живей иди! Он ужас как царапается! Я его держу! Гунарс, он вырывается!

Однако, подбежав, Гунарс увидел, что Байба поймала правда чем-то похожую, но гораздо крупнее, одним словом, совсем неизвестную кошку. Они исходили все кругом, докричались до хрипоты, пропустили первый урок, а беглянку так и не нашли. Принцесса как в воду канула.

Это происшествие привело к Клавдии Х. Вновь забегая вперед, надо сказать — это было счастливой случайностью, так как Клавдия была женщина добрая, больше того, она работала в кафе, и сумка у нее на обратном пути домой (как у всякого нормального работника общепита) никогда не бывала пустой. В тот роковой вечер, когда Принцесса стала собственностью Клавдии, эта сумка вместе с Клавдией уже успела скрыться в двери дома, а в воздухе еще витали такие дразнящие, аппетитные запахи, что

Принцесса закричала в голос, поскольку весь день не ела.

«Стучите, и отворят вам», сказано еще в Библии, и стародавнее это речение (если только понимать его не буквально) не утратило своей справедливости и по сегодня, а именно — Принцесса мяукала, и ей отворили. Больше того, когда Клавдия кошку увидела, она пришла в неопишуемый восторг, на какой способны только светлые люди.

— Боже мой! — вскричала она, собираясь заключить Принцессу в объятия.

Однако же после хоть и кратковременной, но темпераментной любви Гунарса З. Принцесса к ласкам охладела и больше внимания, чем особе самой Клавдии, уделила ее сумке.

— Ты голодная, моя родная? — догадалась Клавдия, и на глаза ей навернулись слезы сострадания, ведь ее профессия и ее призвание состояли в том, чтобы кормить проголодавшихся.

И она поставила перед Принцессой не только то, что было в сумке, но и содержимое своего холодильника и кладовки. То была одна из самых роскошных трапез в жизни Принцессы. В то время как кошка, подрагивая кончиком хвоста от удовольствия, ела и ела как не в себя, Клавдия с улыбкой смотрела и думала, какое бы имя дать этому ну невозможно милому животному. И под конец придумала (однако пусть это имя по упомянутым уже соображениям останется за пределами рассказа).

Одним словом, у Клавдии для Принцессы был просто рай. Как известно, даже классический Эдем не обошелся без змея. И в Клавдином раю таким змеем был Емельян У. Принцесса (по крайней мере вначале), конечно, не знала, что он змей, как этого не знала и Клавдия, более того (и в данном случае это самое удивительное) — о том не ведал и сам Емельян, который считал себя только неотразимым мужчиной и стал ударять за Клавдией, находя ее (как однажды выразился в кругу друзей) «ценной женщиной».

Первое время Принцесса относилась к Емельяну безразлично и обращала на него не больше внимания, чем на почтальоншу, носившую Клавдии письма от других ухажеров. Чего нельзя к сожалению сказать про Емельяна. С первых же дней он относился к Принцессе с предубеждением, и потом его неприязнь росла и росла, когда он широко раскрытыми, угольными зрачками наблюдал, как Клавдия обнимала Принцессу и гладила, шепча ей нежные слова и тем самым расточая сокровища, на которые все права, как венец творения, имел по сравнению с «этой шлюхой» (как он мысленно обзывал кошку) Емельян. У Принцессы слишком хорошо была развита интуиция, чтобы она долго не замечала его недружелюбия, и в отношениях их родилось высокое напряжение, которое рано или поздно должно было привести к короткому замыканию.

Что под конец и произошло.

Емельян У. явился к Принцессе хозяйке малость выпивши и после недолгого обмена мнениями (смысла и характера которого кошка не поняла) повалил Клавдию на тахту и стал целовать в шею и мять одежду, в то время как Клавдия только брыкалась и визжала. Что это означает в человеческих отношениях, для Принцессы было темное дело. Она принадлежала к роду Felidae, кошачьих хищников, а для всех представителей этого рода такой налет с хватаньем за горло означает одно, а именно — нападение на жертву, угрожающее ее жизни. И, готовая защищать свою кормилицу, Принцесса с горящими глазами стала сзади подкрадываться к Емельяну, который, увы, этого не видел, ибо в тот момент (как он сам потом поэтично оправдывался) «запутался в себе» и (как потом описала его душевное состояние Клавдия) «вышел из себя», когда кошка прыгнула ему на плечи и впилась в шею недалеко от сонной артерии.

— Есус! — не по-латышски и не по-русски выдохнул Емельян, вскопчил на ноги и запрыгал по комнате, стараясь сбросить с себя чертовку, тогда как Клавдия, откинувшись на тахте, только победительно хохотала, не соображая даже, что надо одернуть задранную юбку, чтоб из-под нее не маячил пояс для чулок, и застегнуть блузку, чтоб закрыть неприлично белую грудь. Однако, видя, что Емельяну самому никак не справиться, Клавдия сжалилась, поспешила на помощь и, освободив его от кошки, орудовала йодом, ватой и стерильным бинтом до тех пор, пока Емельян мог ступить за порог в таком виде, который бы не ронял достоинства сильного пола.

Но вопреки этому, он ушел порядком обозленный, больше того, настроенный весьма враждебно.

— Ну погоди, ну погоди, ну погоди... — повторял он на прощанье с такой черной жаждой мести, на какую только способен неудовлетворенный мужчина.

— Что ты мне можешь сделать?! — отрезала Клавдия и опять весьма легкомысленно засмеялась.

Конечно, Клавдию охраняла Конституция и Уголовный кодекс.

Однако и у нее можно было найти ахиллесову пяту, и то была любимая Принцесса, которую, если не считать когтей и зубов, не охраняло ничто. Емельян ломал себе голову, как (привожу мысли) «с этим вампиром найти общий язык». Нелегко было придумать, чем кошку прельстить, ведь у Клавдии для нее всего было вдоволь. Наконец его интуиция, не умевшая найти путь к Клавдиному сердцу, нащупала-таки дорожку к желудку Принцессы. Он оседлал мопед и рванул на Даугаву, где у одного старика насилиу выпросил три только что выловленные, совсем живые и шустрые рыбешки.

Когда Принцесса ткнулась носом в полосатый упругий бокал рыбы, знакомый запах пронзил ее пулей, и пороховым дымом обволокли воспоминания. Она даже устало прикрыла глаза, неосознанно стремясь продлить то мгновение, когда зубы еще не коснулись крепкого и сочного тела рыбы, но и для свершения уже нет препятствий.

Это мгновение ей дорого стоило. Так же, как несколько дней назад она подкрадывалась к Емельяну с тыла, теперь Емельян подбирался к ней сзади, и в точности так же, как он не почувствовал ее приближения, так теперь и она не заметила, как он крадся, пока не стала жертвой насилия: Емельян схватил ее за шкуру, ловко кинул в мешок и длинными прыжками бросился наутек (пока кошачьи крики не услышали Клавдины соседи). Он направился напрямик к речке, где лежали пригодные для проведения тайной акции, удобные в эксплуатации камни среднего размера. И путь от смородиновых кустов в Клавдином саду к живописному берегу речушки стал бы для Принцессы последним путем на этой земле, если бы в тот момент, когда Емельян, пыхтя и отдуваясь, перешел с бега на шаг, ему не вспомнился Август О.

— Ха, разрази меня гром! — обрадованно вскрикнул Емельян в тишине сельского вечера и, тут же изменив направление, свернул от речушки на большак, где перехватил машину, ехавшую в нужном направлении. Мешок с запиханной в него кошкой он положил у ног на пол кабины, который все время прыгал и трясся от вибраций и рева мотора, так что Принцесса, с каждой минутой все больше пугаясь, орала все громче и силнее, пока не перешла на баритон, действуя на нервы Емельяну, который от этого становился с каждой минутой все злее, мысленно кроя на все лады сначала Принцессу, а потом Августа О.

По желчной злости Емельяна У. нетрудно догадаться, что между ним и Августом О. существовали серьезные разногласия. Ей-богу же, никого на всем белом свете Емельян не ненавидел больше, чем ненавидел Августа: как общественный автоинспектор тот задержал Емельяна за рулем потребсоюзовского грузовика (как выразился сам Емельян) «ну просто чуть навеселе», что в милиции (несмотря на протесты) раздули в «опьянение средней степени», одним словом, он на целый год лишился прав и был (как жаловался всем) «из-за этой сволочи разжалован в грузчики». Так что Емельян своим друзьям торжественно поклялся во что бы то ни стало Августу отплатить, «пусть даже и самому, ядрена вошь, придется сложить голову» (как он сгоряча клялся).

Эти слова звучат страшно, зловеще, от них пресно пахнет кровью и мороз бежит по коже. И чтобы напрасно не страдать тех, кого кровопролитие пугает, надо сразу сказать, что предприятие, на которое отправился Емельян с Принцессой в мешке не могло угрожать жизни ни Августу, ни его самого: добравшись до дома своего врага, Емельян развязал мешок, выпустил кошку, глянул на светлые окна темным взглядом и вернулся на большак, доставив тем разочарование людям, которые, напротив, душегубства как раз ждали. Однако атмосфера, царившая за двумя освещенными окнами, за которыми жили Мудите и Август О., была хуже, чем убийство, так как убийство (как оно ни ужасно) имеет начало и конец, тогда как распри супругов конца не имеют.

Первое время они цапались так просто, поскольку у них не совпадали биоритмы, то есть когда один вставал, другой ложился, а потом стали не совпадать и барометры, то есть когда у одного он поднимался, у другого падал, когда у одного показывал на «ясно», у другого ломило кости на дождь. Все это кончилось тем, что когда один ел, другой шел в нужник. И дойдя до такого состояния, они поняли, что надо разводиться, поскольку жить вместе невозможно. Однако, придя к такому выводу, они тут же сообразили, что развестись еще невозможней, и решили все-таки жить вместе.

После этого Мудите завела в доме кошек. В то время как Емельян У. вытряс из мешка под ее дверью Принцессу, у нее уже было три кота (Микси, Пецик и Фестиваль), которых она любила всей душой, потому что любить ей больше было некого, и которых Август просто терпеть не мог, называя «продуктивными bestиями», способными на все», и особенно взевшись на них после того как Мудите сказала:

— Они единственная радость, какая у меня еще осталась в нашей семейной жизни.

И то, что Август прав и коты действительно способны на все, подтвердилось назавтра же утром, когда Мудите услышала жалобные зовы о помощи и, выбежав за дверь, увидела, что три ее резвых любимца окружили молоденькую, трогательно невинную кошечку и следят за ней сверкающими сладострастными взглядами.

— А ну брысь, распутники! — крикнула Мудите на котов, подхватила Принцессу, тепло прижала к груди и внесла в дом.

Вечером, когда Август О. вернулся из гаража, Мудите сказала мужу:

— Ты только не бойся, Густ, я в твою комнату пустила маленькую милую кошечку. Мне больше некуда ее деть. Микси, Пецик и Фестиваль ее обижают. Пусть она какое-то время побудет у тебя, пока они все четверо друг к другу не привыкнут.

— Ну знаешь! — сварливо пробурчал Август (как делал всегда, когда ему не доставало слов).

Август О. работал и, привыкнув подниматься чуть свет, нередко просыпался еще до того, как зазвенит будильник. Так было и в то утро. Он лежал с открытыми глазами, наслаждаясь минуткой ленивой праздности, и без определенной цели смотрел в комнатный сумрак. Совершенно случайно взгляд его упал на секцию у противоположной стены. И вдруг он увидел, что из-под секции выполз вроде бы толстый темный червь и побежал извиваясь по полу. Сперва Август, только оторопел, глядел, пока не догадался зажечь ночник. И при свете увидел: то, что показалось ему червяком, на самом деле ручеек.

— Ну знаешь! — в очередной раз судорожно вздохнул Август и с боевым кличем: — Где эта стерва?! — вскочил с кровати и в одних кальсонах кинулся к секции, в пылу гнева уже приговорив виновницу к высшей мере наказания, так как человек он был горячий.

Однако эта (как он позволил себе выразиться) «стерва», чувствуя опасность, уже переметнулась под кровать и из полутьмы смотрела широко открытыми глазами, в которых горел смертельный страх.

— Кис-кис-кис! — став на четвереньки, подманивал Август и тянулся за кошкой, однако Принцесса не вылезала и, забившись в угол, сидела там серой тенью.

— Черт бы тебя побрал! — наконец плюнул он и взялся за брюки и, одеваясь, понемножку остыл и уже засомневался, так ли уж кошка заслуживает смерти, ведь человек он был горячий, но справедливый, и потому решил ограничиться трепкой. Однако же, выйдя на кухню — поставить на газовую плиту чайник, — он махнул рукой и на это намерение, так как вполне логично рассудил, что проблему это не решает. От кошки надо избавиться — и навсегда! Но так как ему (привожу мысли) «пачкать руки кровью не хотелось», он придумал выход, казавшийся ему самому оригинальным, и разыскал под стрехой крепкий суровый мешок, в котором кошке предстояло (опять привожу мысли) «отправиться на поиски счастья».

Август О., конечно, не знал, что таким способом Принцесса путешествовала уже дважды, и еще меньше мог он предвидеть, что и третий вояж не будет в ее жизни последним. Знай это Август в то утро, очень возможно, он бы над кошкой сжалился и в конце концов примирился бы с тем, чтобы существовать с ней под одной крышей, так же, как он постепенно примирился с наличием Микси, Пецика и Фестиваля. Впоследствии он искренне сожалел о содеянном, с мучительными укорами вспоминая подробности происшествия, которых, помимо него самого и Принцессы, никогда не узнала ни одна живая душа и которых он тем не менее стыдился. Вновь и вновь себя мучая и терзая, он восстанавливал в памяти, как он пыхтя выуживал из-под кровати кошку половой щеткой, заранее включив радио, точно (привожу мысли) «в стенах пыток в итальянских фильмах». В какой именно момент в нем проснулась жалость? Когда он с мешком в руке рысцой кинулся в калитку и через плечо оглянулся на темное женино окно (ведь Мудите, само собой, еще спала)? Нет, в тот момент еще нет — тогда в нем еще бурлило торжество победы. Или в гараже, когда он отпер машину и положил в нее мешок? Нет, и тогда еще нет — тогда в нем тлел страх: не увидел бы кто из знакомых да не стал бы расспрашивать.

Да, началось это еще на шоссе, когда случившегося уже было не вернуть и когда каждая минута отдаляла его от дома на целый километр. Время от времени бросая взгляд на сидение с собой рядом, он видел в мешке овальный горб, который чуть шевелился. И нежный голосок кошки по временам мяукал, робко вопрошая судьбу, что ее ожидает. И странная нежность закралась в сердце Августа. Он подумал, что (цитирую) «бедную тварь надо выпустить хотя бы в таком месте, где у нее больше шансов найти хорошего хозяина». И по пути предъявляя все

более высокие требования, он отвел одно за другим несколько населенных мест и все ехал мимо, пока на горизонте не показались огни самой Риги. Тут он подумал, что на базу стройматериалов везти кошку нельзя и что с ней так и так надо расстаться в одном из окраинных микрорайонов города, однако вскоре отверг и этот вариант, решив (по его словам) «найти что-нибудь посиднее».

Наконец он подрулил к какому-то тихому скверу и вышел из кабины. Час был ранний. Осенний день еще не начался. В нескольких окнах горел свет, и пока он стоял, сине, оранжево и розово зажглось еще несколько прямоугольных проемов, словно тускло озаренных пещер в серых утесах домов.

Завалив назад голову, он провел по ним вопросительным взглядом, тщетно пытаясь заглянуть в окна, и тяжело вздохнул. Потом опять сел в кабину, развязал мешок и дал Принцессе вылезти.

Она выкарабкалась из темницы, спрыгнула на тротуар, пробежала несколько шагов и зачем-то посмотрела назад, на Августа. В мешке она помялась. Пишная шубка выглядела свалявшейся и обсосанной. И когда она оглянулась, свет падал так странно, что Августу вдруг почудилось, будто у нее только один глаз. Он захлопнул дверцу и, вбрав голову в плечи, уехал.

Когда Имантс К. между восемью и девятью часами вышел из коммунальной квартиры на четвертом этаже дома и, сбегав по лестнице, торопливо шагал к троллейбусной остановке — ехать в институт — недалеке от сквера к нему приблизилась молодая кошка с пушистой шерстью и, мяукая, за ним какое-то время тащилась пока, вспугнутая проезжающим «Жигулем», не сиганула в сторону и исчезла. Под вечер, возвращаясь с работы, Имантс увидел кошку вновь, и она снова за ним увязалась, причем стала ластиться к его ногам, совсем некстати испачкав брюки шерстью. И вдруг его осенила догадка, пронзило странное ощущение (нечто среднее между испугом и ликованием) — ведь это Принцесса! И они оба, забыв в совместном прошлом то, что не хотели вспоминать, и ярко воскресив в памяти то, что не смогли забыть, тут прямо на улице, заключили друг друга в объятия.

— Что такое? Что-нибудь случилось? — останавливаясь, спрашивали Имантса прохожие.

— Она меня разыскала, пройдя больше пятидесяти километров, — взволнованно говорил Имантс.

— Эта маленькая кошечка?! — поражались люди, которые их обступили (и приходили все новые).

— Невероятно, но это факт! — отвечал Имантс К., и от растроганности у него перехватило горло. — Боже мой, и как она нашла дорогу!

— Любовь всегда найдет дорогу, Имантс Индрикович! — сказала в толпе соседка по квартире Ольга Ш.: именно в этот момент Принцесса, не обращая внимания ни на кого и ни на что, мурлыкала, тыкалась ему в подбородок. — Что же вы стоите на улице? Пойдемте в дом. Я как знала, выстояла в магазине свежую салаку. Господи, это что-то необыкновенное! Можно мне ее поглядеть? Какая чудная! И не качайте головой, Имантс Индрикович, честное слово!

— Ну, ну, ну! — смущенно возразил Имантс К., сияя как луна. — К тому же боюсь, Ольга Дмитриевна, что нашим соседям она придется не по вкусу. Некоторые, насколько мне известно, терпеть не могут животных.

— Что вы говорите, Имантс Индрикович! — воскликнула Ольга Ш. — Ведь наши соседи — друзья природы. Стопроцентно, вы слышите? Все будет ею очарованы. Да она и не просто животное. Это же вундеркинд!

— Ну, ну, ну! — снова робко забормотал Имантс К., впервые в жизни удостоившись всеобщего внимания публики.

Втроем они поднялись на четвертый этаж, и для Принцессы это был путь наверх как в физическом, так и в философском отношении, ибо она шествовала к апогею — к высшей точке в своей жизни.

Назавтра вечером в дверь коммунальной квартиры позвонил незнакомый мужчина, неисповедимым путем уже узнавший имя и фамилию Имантса К., и спросил именно его. Когда Имантс вышел в переднюю, незнакомец представился как журналист Илгонис О., который готовит в субботний номер полосу «Пестрая смесь». Накануне вечером «по счастливой случайности» (как выразился газетчик) он слышал, поскольку живет всего через две улицы, о какой-то необыкновенной кошке, которая, проделав свыше пятидесяти километров, разыскала своего хозяина. Этот факт в наше время, когда (по словам Илгониса О.) «экологический кризис и проблемы охраны природы всколыхнули широкие слои общественности», может вызвать у читателей интерес. Так что он попросил бы Имантса К. ответить на несколько вопросов, а также чтобы тот позволил сфотографировать кошку по имени

Принцесса и не возражал против того, что редакция пригласит прокомментировать информацию специалиста; он необходим, разумеется, не для того, чтобы подвергнуть сомнению высказывания Имантса К., а для того, чтобы (цитирую) «придать им научный вес».

Статька вместе с фотографией Принцессы появилась в субботнем номере на полосе «Пестрая смесь», и прокомментировал ее кандидат наук Освальд Ж., пояснив, что некоторым домашним животным, то есть домашним животным, помимо широко известных инстинктов, как инстинкт самосохранения и сохранения вида, присущи и такие, которые популярно называют «инстинкт дома» и «инстинкт хозяина». Инстинкт дома, то есть чутье направления к дому, свойственно и собакам, и кошкам, и лошадям, которые на дистанции, исключающей поставляемому органам чувств информацию, «чувствуют» направление, в каком следует двигаться, чтобы возвратиться домой. Так называемый инстинкт хозяина — и в жизненной практике, и экспериментально — установлен пока только у собаки, которая «чувствует» местонахождение своего хозяина и находит его на столь значительном расстоянии, какое не допускает вероятности, что ориентироваться в пространстве ей помог даже выдающийся нюх. Весьма возможно, что случай с кошкой по кличке Принцесса (как писал кандидат наук) «заставит взглянуть новыми глазами на некоторые старые положения, ибо тот факт, что она искала и за сорок два дня нашла отнюдь не прежний дом на территории совхоза «Даугава», а именно своего хозяина, наводит на предположение, что и у домашних кошек — если не у всего вида в целом, то, по крайней мере, у отдельных особей — такая способность может иметь место».

Помещенный в газете портрет Принцессы свидетельствовал еще и о другом. Она обладала и тем, что необходимо, чтобы сделать карьеру, а именно — была фотогенична. Она и в жизни, как мы знаем, была наделена броской красотой, ну а в газете выглядела чарующей, просто неотразимой.

Это был первый случай, когда имя Имантса К. появилось в печати тиражом во много тысяч экземпляров. Как владелец знаменитой кошки он через редакцию стал получать письма от любителей кошек, особенно женщин, невольно и сам становясь знаменитым. Очень возможно, что эта слава была подобна смешной дамской шляпке, которая слабо греет голову, зато многих потешает, однако, бесспорно, привлекает внимание общества (а разве это, в конце концов, не главная функция шляпки?).

Писем набралось под три десятка. В большей их части выражалось желание купить от Принцессы котенка. Но более глубокое удовлетворение доставили Имантсу К. корреспондентки, послания которых носили романтический характер. Так, например, некая Аусма Б. из Айзпите предлагала своего ангорского кота Гекльберри с тем, чтобы (цитирую) «положить начало новой, абсолютно гениальной линии кошек», тогда как Надин Д. из Кемери писала, что (опять цитирую) «мужчину, которого так безумно любит кошка, еще больше оснований полюбить у женщины». Это, насколько мог припомнить Имантс К., было самое прекрасное письмо в его жизни и произвело на него неизгладимое впечатление, ведь в душе он чувствовал себя мечтателем.

И все же сильнее всего его взволновал один телефонный звонок. Звонил будущий ученый Дзинтарс И., он собирался писать диссертацию об инстинктах и проявил живой интерес (как он произнес в трубку) к «феномену Принцессы». В восторженном тоне он возвестил Имантсу К., что решил в диссертации посвятить Принцессе отдельную главу, просил разрешения побеспокоить еще раз, когда возникнет необходимость (по его словам) «в дополнительном материале», и на всякий случай назвал и свой номер.

Теперь Принцесса достигла вершины своей жизни и валялась на диване среди расписных подушек. И все же иногда Имантс улавливал в ее глазах глубоко грусть, словно там отражались какие-то неизгладимые и только ей ведомые страдания.

— Где ты была и что ты делала? — вполголоса спрашивал ее он, стараясь проникнуть в ее сокрытую печать молчания тайну.

Но Принцесса опускала тяжелые веки, закрывая ими глаза и свою душу.

На его груди она больше не лежала.

Глядя Принцессу, Имантс К. довольно скоро нащупал в ее животе комочек и, перетрусив, что это может быть (как он воскликнул) «новообразование», спешно показал кошку ветеринару. Доктор его успокоил, сказав, что это всего лишь грыжа, и один из лучших хирургов республики ее и прооперировал, мастерски неложив ровный и гладкий шов, который потом был почти незаметен, никогда и ничем Принцессу не беспокоил и не мог быть причиной ее смерти даже в том случае, если бы она прожила долго.

Потом Принцессе подобрали (как теперь принято выражаться) «партнера для вязки» с выдающимися экстерьерными данными,

и в результате этой связи через два месяца появились на свет четыре киски, две гладкошерстные и две пушистые, которые строго по списку были распределены среди желающих, заблаговременно вставших на очередь и с нетерпением ожидавших родов. Спрос, разумеется, превышал предложение: многие жаждали получить потомство от кошки, обладающей каким-то совершенно необычайным и некошачьим инстинктом. Очевидный дефицит еще больше повысил ценность котят. Предлагались весьма солидные суммы, ибо кое-кто видел в этой покупке заманчивую возможность вложения свободных средств, где рискуешь не больше, чем приобретая картину неизвестного художника.

К чести Имантса К. будет сказано, что денег он не брал, отговариваясь эстетическими принципами, которые (в его формулировке) «запрещают продавать живое существо — пусть это и сто раз будет глупостью!». Самое большое, что он согласился принять, не превышало (как он сам обозначил) «бутылку армянского коньяка и два билета на Раймондса Паулса». И лишь в одном случае он поддался искушению — взял элегантные итальянские туфли, каких ни в одном магазине не достать, однако потом переживал (по его собственным словам) свое «прагматическое падение». Искреннее сожаление явно подтверждает, что в так называемом «феномене Принцессы» он видел не низменный бизнес — для него это было скорее из области искусства.

Прошло полгода, и письма через редакцию к нему уже не приходили, и когда иссяк интерес широкой общественности к Принцессе, — уважение к ней и самому Имантсу К. потеряли и соседи по коммунальной квартире. Так, уже упомянутая Ольга Ш., правда, не употребляя оскорбительных выражений, тем не менее не без желчи выразила пожелание, «чтобы оставленную на столе колбасу можно было там же на столе и найти», а миску с песком в кухонном углу назвала «бытовым бескультурьем», находящимся «в вопиющем противоречии с нормами гигиены». Когда Имантс К. деликатно напомнил, что «в лице Принцессы мы имеем дело не с обыкновенным животным, но с особью, пробуждающей интерес у ученых», Ольга Ш. только прыснула и с вполне прозрачным подтекстом пропела:

— О-ля-ля!

Тогда Имантс К. спохватился, что не звонит и не звонит Дзинтарс И., решил больше не ждать и набрал его номер. Трубку взял сам исследователь, он помнил разговор, однако холодно сообщил, что тему диссертации он переменил, поскольку прежняя оказалась неперспективной.

— Как?! — воскликнул Имантс К. — Неперспективной? В наши дни, когда во всем мире инстинкты в моде?

На что Дзинтарс И. с обезоруживающей любезностью заметил — он не уверен, достаточно ли компетентен в этих вопросах Имантс К., потом очень вежливо попрощался и положил трубку. Когда Имантс К., бросив на рычаг трубку, обернулся, Принцесса, валяясь на диване среди расписных подушек, на него смотрела. В глазах кошки была ирония.

— Брысь! — сонная ее с дивана, крикнул он с такой лютой злостью, что заставил вздрогнуть не только кошку, но и вздрогнул сам.

Принцесса спрыгнула на пол, спряталась под стол и оттуда выжидательно глядела на Имантса, еще не понимая, что произошло и что ее династия пала.

С этого дня он неохотно пускал ее в комнату, а так как из-за соседей ее нельзя было держать и на кухне, то он частенько просто выбрасывал ее на лестницу, где Принцесса вступила в случайную связь и окотилась целой шестеркой котят, как на подбор гладкошерстных и все — женского пола. Когда это сделалось достоянием гласности, Имантс К. стал мишенью бесконечных острот, превратившись из звезды в шута горохового.

Словом, атмосфера стала нестерпимой.

У Имантса К., как и у всякого из нас, конечно же, были свои недостатки, однако его никоим образом нельзя было называть человеком склочным. И, услышав, что на него уже написана жалоба в исполком, он, несколько варьируя предпринятую в прошлом авантюрную акцию, под покровом темноты отнес в мешке Принцессу с ее последним пометом в соседней микро-

район и там в каком-то мрачном дворе выпустил. Здесь надо добавить, что он не думал тут останавливаться, но хотел, пожертвовав хотя бы и целую ночь, оттащить всю семерку как можно дальше, однако содержимое мешка пищало и визжало так громко, что он стал опасаться привлечь внимание дружинников, и зашел в первые же подходящие ворота.

Шестерку малышей в тот же вечер он видел в последний раз, а встретиться с Принцессой было ему суждено. Осенней порой она вновь увязалась за ним недалеко от сквера, и опять сначала он ее совсем не узнал. Ее шубка выглядела свалаящейся и грязной, и в том месте, где еще недавно был синий сияющий левый глаз, в залипшей шерсти гноилась только дырка. Когда кошка стала молча ластиться к ногам Имантса К., опять извозив ему брюки, он шарахнулся от нее как от чумы, ибо в душе был эстетом.

— Где ты была и что ты делала? — спросил он, в ужасе глядя на то, что сам некогда назвал Принцессой.

Но веко над единственным глазом кошки, оберегая ее прошлое и ее мир, не опустилось. Взгляд был насмешливо устремлен прямо в лицо Имантсу К.

Она прожила еще три года, каждый год не менее двух раз принося потомство, ее дети были такими же подвальными грязнулями и дворовым сбродом, как она, и большей частью становились жертвой очередных кампаний санэпидемстанции, из которых она сама (лишний раз доказывая свои умственные способности) всякий раз выходила целой и невредимой. И в жизни Имантса К. за эти три года произошли две перемены, а именно: он получил повышение — старшего лаборанта, и женился в третий раз, на той самой Надин Д. из Кемери, которая прислала ему письмо после публикации в печати так называемого «Феномена Принцессы» и с которой у Имантса К. завязалась сперва переписка, а потом и роман. Однако же сразу надо сказать, что ни та перемена, ни другая настоящего удовлетворения Имантсу, увы, не принесли. Повышение в должности не повысило его мнения о себе (ведь талантливые в его годы были уже докторами наук и возглавляли кафедры).

Брак с Надин тоже продолжался недолго и через четырнадцать месяцев без шума был расторгнут. Бывшие супруги говорили о нем впоследствии неохотно, никогда не останавливаясь на деталях, и даже вспоминали лишь изредка, при этом Надин насмешливо, а Имантс довольно кисло.

Когда Принцесса погибла, он уже давно был один. Судьбе, этой шельме, которая дважды уже подшутила, сведя их вместе (когда казалось — свидеться им совсем не было повода), заблагорассудилось и в третий раз, то есть первым нашел Принцессу не кто иной, как Имантс, воскресным утром шагая с порожней тарой в молочный магазин купить свежего кефира.

По дороге Имантсу К. вдруг показалось, что на него кто-то смотрит. Он поглядел в одну сторону, потом в другую. Но улочка из конца в конец была пустыня. Он заметил только задвленную кошку. По тому, как тело было впечатано в асфальт, можно было заключить, что виной тому грузовая машина. Голова не была задета. Утренняя заря розово отражалась в единственном глазу, в котором застыли ужас и обвинение. Но на что, собственно, ей было жаловаться? Прожила она довольно долго, к тому же в ее жизни было все, чего от жизни можно желать: путешествия и приключения, слава и восхищение, незаурядная красота и романтическая загадочность. Жизнь ее была нелегкой. Однако самым главным она должна быть довольна — ее жизнь была яркой. А разве это не главное, чего можно от жизни желать?

Имантс К. стоял со своими бутылками в сетке и смотрел. На востоке горел веер огненных лучей. За домами уже вставало солнце. И тут он его увидел. Светило лило такое сияние, что Принцессин глаз ожил и зажегся, а у Имантса К. защипало веки и по щекам скатились две слезы. Он не стал их вытирать.

«А что, если это когда-то уже было?» — вдруг подумал он, нащупывая в тумане памяти какие-то неясные контуры, однако не мог вспомнить, было ли это когда-то и когда могло быть.

Перевела **ВИКА ДОРОШЕНКО**

ВЛАДИМИР ГИППИУС

«Хаотическим неудачником» назвал Д. Святополк-Мирский одного из первых русских декадентов Владимира Васильевича Гиппиуса (1876-1941). Если имелась в виду не встреча этого поэта, в безвестности ушедшего из жизни с первой блокадной зимой, и широкой славы, то сам он высказал свои мысли по этому поводу в сонете, открывающемся реминисценцией из «Ярославны» Случевского:

Я не гонюсь за славой своенравной:
Мне Пушкиным уж было внушено,
Что слава — дым, что лишь стезей бесславной
Достигнуть нам величья суждено.

Уж Боратынский мне твердил давно,
Что музой увлекаться нам не должно, —
И Тютчев думал, что душе возможно
Спускаться лишь на собственное дно;

И Лермонтовым было решено,
Что ближние бросают лишь каменья;
И Фету было чувственно равно,
Томятся ли в надеждах поколения...

Но как Некрасов — я в тоске родной
Рыдал, — и как Кольцов — ей отдал пенью!

Учеником петербургской гимназии Владимир Гиппиус попал под властное женственное обаяние своего одноклассника с призрачно-расширенными глазами, боролся с этой притягательной волей и спустя два десятилетия признал одной из вех своей жизни:

Я повстречал — но в утре дней — в начале
Унылости, — тебя, мой друг, мой брат,
Мой Добролюбов! Да! ты — мой водитель, —
В кругах тоски. Тебе ли я солгу?
Года сожгли сухую чепуху, —
Я не стыжусь признать, что ты — учитель,
Я — ученик. На твском берегу
Я отдался словам твоих наитий...

Судьба Александра Добролюбова не менее, чем предостережения великих поэтов, утверждала Гиппиуса в неприязни к поэтической славе:

Твой девственный, твой дерзновенный стих
Средь многих книг других — в одной из книг, —
В библиотечной потонул могиле, —
И — чьи стихи кого-нибудь смутили?

Он рано самоопределился как поэт, и Брюсов писал ему в 1897 году: «Верю в Вас и в Добролюбова, в которого Вы не верите. Убеден, конечно, что Вы оба идете вперед, несомненно вперед, к поэзии души. Пути разные и нет цели, но небо — единое всем». Но вскоре Гиппиус «отрекся от декадентства», затем резко и едва ли не вероломно порвал со своим другом Иваном Коневским, а потом на десяток лет вообще ушел из литературы. Он стал преподавателем Тенишевского училища и Стоюнинской женской гимназии. Среди его учеников — будущие поэты. Мать Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой (монахини Марии) вспоминала о гимназической компании своей дочери: «Из преподавателей они любили Гиппиуса. Он в это время увлекался Новалисом, и давал его им читать. Лиза перевела ему несколько стихотворений Новалиса стихами». Запомнилась мемуаристке и одна из предложенных Гиппиусом тем для сочинения: сравнить царя Федора Иоанновича А. К. Толстого с Идиотом Достоевского и Иванушкой-дурачком народной сказки. Художник Н. Н. Купреянов рассказывал: «С самых первых его уроков оказалось, что они — не одна частность школьного расписания, а разговор о самом главном, единственно важном, и так это продолжалось до конца его занятий с нами. Может быть, он был плохой педагог, потому что увлечение его уроками влекло за собой пренебрежение ко всем остальным. Но зато литература в сознании его учеников перестала быть «литературой»... Он преподавал литературу — от «Слова о полку Игореве» до Герцена так, что отношение к ней вырабатывалось одновременно и в полном соответствии с отношением к живой современной литературе, ни в какие школьные планы еще не включенной. Это делало его курс увлекательным, и всем нам, его ученикам, вкус к литературе оказался привитым накрепко». Гиппиус-педагог основной задачей образования считал «индивидуализирование» молодого человека. Его отталкивал уже сложившийся тип русского интеллигента: чисто умственное внутреннее возбуждение без привычки проявляться вовне, светский аскетизм, «религия прогресса». Гиппиус считал, что чтение должно породить «остроту и чуткость непосредственного восприятия жизни, а только такое восприятие ее и составляет сущность индивидуального отношения»

(и это должно быть не «многочтение», это может быть перечитывание всего нескольких книг, как у старинных «начетчиков», в чем и проявлялся бессознательный инстинкт культуры). Личная оценка и личный вкус развиваются только на основе интереса к литературному произведению как к проявлению писательской личности — «приблизить учащегося к индивидуальности писателя — это значит развить его собственную личность на другой, сложной, тонкой, углубленной». Владимир Васильевич был близок конституционно-демократической общественности, и когда ученик Тенишевского училища Владимир Набоков представил в 1917 году равнодушное и надменное сочинение о февральских событиях, разгневанный Гиппиус презрительно бросил: «Ты — не тенишевец!» Но цену либерализма он знал и писал в 1918 году: «В либеральной (вернее всего выразиться — пустынно-либеральной) борьбе с реакцией, попросту — с петербургским самодержавием, мы ничего не изучили, ничем в себе не пленились, и вот — сейчас все прогадали! Что уж было говорить о пророческой страсти нашей литературы, когда мы ее просто не полюбили со страстью великой нации, когда мы относились к ней как к мелкопоместной, туземной словесности, преклоняясь перед самой жалкой европейской стряпней, — до тех пор, пока сами иностранцы не указали нам на нас же самих...»

Отчетливый портрет Гиппиуса оставил тенишевец Осип Мандельштам: «У него было звериное отношение к литературе как к единственному источнику животного тепла. Он грелся о литературу, терся о нее шерстью, рыжей щетиной волос и небритых щек...»

Я приходил к нему разбудить зверя литературы. Послушать, как он рычит, посмотреть, как он ворочается: приходил на дом к учителю «русского языка». Вся соль заключалась именно в хождении «на дом», и сейчас мне трудно отделаться от ощущения, что тогда я бывал на дому у самой литературы. Никогда после литература не была уже домом, квартирой, семьей, где рядом спят рыжие мальчики в сетчатых кроватках.

Это резко, колючее обаяние отмечали все современники — Блок, с одобрением записавший в дневник о «вольчей челюсти» Гиппиуса, Набоков («Был он большой хищник, этот рыбебородый огненный господин, в странно узком двубортном жилете под всегда расстегнутым пиджаком...»), Сергей Городецкий (Гиппиус в юности был товарищем его старшего брата): «Поэзия юный причастник, знаток шоколадной халвы, Вы к нам приходили под праздник, таинственной всех были Вы. Вас нянька, как беса, боялась и прятала нас от греха. А сердце так сладко металось от взлетов ритмичных стихов!»

В 1910-е годы он вернулся в литературу, издал несколько сборников под псевдонимами. Петербургская молодежь, заранее предрасположенная к автору, находила в «невпуклой задумчивости» (как сказал по другому поводу Пастернак) его стихов подспудную сообщительность. «Заслуга их, — писала, например, Лариса Рейснер, — в душевной бессоннице, постоянном неудовлетворении. За торопливыми, громоздкими и нерусскими словами часто не видно художника, его вкуса и таланта, но всюду заметны жадно-простертые руки, кого-то притягивающие, о ком-то просиющие».

Эти призывы и мольбы окрасили весь строй написанной в 1922 году поэмы «Лик человеческий». По поводу внезапного появления этой эпической книги в шестистихиях, составивших двадцать глав, критик Р. В. Иванов-Разумник вспомнил былинных богатырей, сидевших до своих подвигов сиднем тридцать лет и три года. Критик предсказывал: «О поэме этой будут, конечно, еще написаны не строки, но страницы». Предсказание это пока не сбылось. Во всяком случае, если поэма

и вошла в память русской культуры, то не общей панорамой русской и европейской духовной жизни нового времени, а узко-биографическими и скорее лирическими своими моментами. Набоков говорит в своих мемуарах, что его учитель словесности писал «стихи, мне тогда казавшиеся гениальными (да и теперь по спине проходит трепет от некоторых запомнившихся строк в его удивительной поэме о сыне)». Сын — один из двух рыжих мальчиков, о которых упомянул Мандельштам, — умер от скарлатины в 1911 году в Эстонии на даче. Печатаемая ниже часть седьмой песни поэмы перебирает все предвещения смерти шестилетнего человека — коллекцио-

нирование календарей и созерцание похоронных процессий, мертвых птиц и могилу бунтарей, погибших в 1905 году, или, как пишет Владимир Гиппиус, «в дни революции латышской». Полный голос набирает автор, когда проклинает смерть и тех, кто славословит ее по старым декадентским прописям. В этой главе почти физически ощущаются и внезапное постарение напряженного и настороженного тайного поэта, и тот роковой миг, когда ему было дано, как говорил Заболоцкий, «сердцем понять то, что могут понять только старые люди и дети».

РОМАН ТИМЕНЧИК

ВЛАДИМИР ГИППИУС

Последний год... И все тебе дарили,
Кто ни придет, — то новый календарь.
«Алеша, для чего это?» — «Я — царь
Календарей!» — А смерть — уж шелестила, —
За каждым листиком, что отрывал
Ты по утрам, — и каждый — целовал...

Предчувствовал ли — смерть свою? Почти
Или — наверно? Все твои мечты
Такие звонкие, как будто к смерти
Неслись порывисто, — как с высоты...
С постельки ночью вскочишь, — черти, черти...
«Алеша, что с тобой?» — «Черты, черты!..»

И — все пытал: воскреснем или нет?
Наверно ли? и — что же с нами будет?
И — почему ж — бояться смерти люди,
Коли — прелестней тот, чем этот свет?
И — как сердился, если бы в ответ
Кто пошутил: «Я не люблю пошуток!»

От похорон, при встречах, уводила
Тебя в сторонку няня, зная, как
Ты к ним тянулся, — словно бы — могильный
Испытывал заранее душу мрак...
Но разве мы — решились бы, — могли бы
Сказать, что ты — уже в лучах сверкала?

Была весна. Мерцало воскресенье —
С прогулки возвращались мы домой;
Навстречу дроги... Словно — в изумленье, —
И — словно крылышком, — взмахнув рукой:
«Я скоро ведь умру» — и ни одной
В глазенках ясных тени омраченья!

Все совершились тайные приметы
Въявь — над твоей заведомой судьбой, —
В то знойное — таинственное — лето...
Мы шли по берегу. Вдруг — как шальной —
Откуда-то, — уж не с того ли света? —
Пронесся заяц — чуть не под ногой;

Среди купален — заяц!.. Только что —
Испуганный зверюшка в лес умчался, —
Глядим: как на смех — прямо под ногой, —
С отвиснувшим крылом — с раскрытым ртом —
Ворона дряхлая дух испускала, —
От жажды задыхаясь. — За водой

Со звонким ведром ты вниз понесся, —
Воды набрав — вливал вороне в рот, —
Чуть дышит — и воды уж не берет.
«Ну, Бог же с ней! пойдём домой, Алеша!»
И Женя тянет за собой, — нейдет;
Стоит над ней и смотрит, — как приросший...

Пошли купаться за версту, где мельче
Морское дно. На берегу бревно
Валяется. С подстреленным крылом
На нем — ворона! Тот же зрак зловеший!..
Смерть — нагло обступала нас кругом,
И с каждым шагом — все наглей и резче. —

Да — все наглей! Путем кружным — домой,
Не торопясь, мы молча возвращались, —
Вы оба — грустные, я — сам не свой;
Ты отставал, тихонько нагибаясь, —
Морские раковинки выгребая...
И вдруг — опять! уж с голой — головой!

Меж раковинок розовых твоих —
Какой-то темно-желтенький кусочек, —
Весь остренький — как клюв вороний... Точно!
Вороний черепок — водой обточен —
Как раковина скользкий. — С глаз моих —
Долой! Блуждай себе — в волнах морских!...

И — бросил в море, — черепок вороний...
(Чудно? Не так ли гоним мы в окно —
Седую муху? двери на запоре —
Наверняка, не нам ведь суждено!..
А и придет — когда еще? — не скоро!..
Знай — не зевай, — и проживешь лет сто!)

Два дня прошло. Опять с купанья идя —
Уже другой дорожкой — лесной, —
Как клад нашли, — наткнулись: две могилы...
В дни революции латышской — двое
Борцов отважных здесь слегли в покое, —
Подстреленные царскою стрелой...

Ты нес цветы в руках (всегда — с цветами, —
С ромашками своими)... Сам прочел
Надгробие немецкое, — потом —
Как будто давней грустью отуманен:
«Я положу цветочки им на память», —
Чуть прошептал и — грустный шел домой.

Так! Здесь она — упряталась! В тумане —
О, наглая! — почти сантиментальном, —
А там, — всё — и чувствительней, и злей...
Играй точней! ведь все равно — обманешь,
Мелькнешь соблазнами полусетей, —
Толкнешь — оттянешь — и в силоч затянешь!..

Был милый день, июльский знойный день —
Еще не душный — но уже горячий, —
И пленная еще вздыхала тень,
И пенились еще под солнцем тучи, —
Жасмин пьянел, — а томная сирень —
Напоминала чей-то сон — певучий.

Ты утром познакомился, гуляя,
С веселой девочкой — соседкой с нами —
Твоей же однолеткой и кокеткой —
С такими же, как и твои, глазами
И золотисто-русыми кудрями, —
И с именем таким же — как у мамы...

Как подружиться, как к себе назвать?
Туда пойти? немножко стыдно взрослых,
И Женя высмеет — насмешник острый...
Придумал! Взлез на тонкую березку
И — песню звонкую стал распевать, —
Не очень громко: могут услышать! —

Не знал, что мы за шторой притаились
И слушали — предсмертную твою
Улыбку... Звуки песни перевились —
С заветным именем... И сны в могиле, —
Но все — ее и слышу, и пою:
«Приди же, Элленька!.. приди!.. приди же!..»

Был предпоследний день — певучий день —
Пахучий — тающий голубизною,
Шмель на веранду нашу залетел, —
Ты не давал прогнать его... «Постой же!..»
И все дотронуться хотел рукою —
И называл «безвинною душою»...

Стучался шмель — и бился об стекло,
Как будто бился в воздух головою, —
И выпорхнул! тревожно-золотой,
Довольный волей — волей голубой, —
За той пылающей голубизною, —
Позванивая тонкою струною!..

А смерть уже совсем и не таилась —
В глаза смеялась нежно и умильно:
Твоей последней — помнишь ли, «мечтой» —
Почти навязчивою, — был будильник!
— Что календарик! Вот — тебе, родной, —
Значок мой: звонкий маятник — могильный! —

«Купите мне будильничек! простой, —
Совсем обыкновененький, такой,
Какой на столике у бабы Лёли!
Ну, что вам стоит?..» Ничего не стоит!
Вот — почему и мама, — спешно в город —
Тебя везла, сказав, что я — позволил...

В больнице — и просторно, и светло,
Все по-немецки, — чинно и опрятно;
Смотрелось в сад открытое окно,
Впивая знойный воздух — благодатный...
Укутанный — тяжелой, душистой ватой, —
Клеенкой липкой, — ты лежал и плакал;

И — бился головенкой золотой
О стенки скользкие своей кровати, —
И смерти, смерти не хотел — треклятой!..
Вошла — вонзилась, — растеклась рекой, —
И напилась-таки — воды живой...
Кто — злец — сказал, что имя ада свято?

Кто смерть — хвалил? кто ей — сейчас кадит?
Да будет ад ему за то — расплатой!..
«Лишь точка одна — болит — болит...»
«Лишь точка одна!..» и — дергал вату...
Не вата ль — душу до-кости томит?
Не вата ли — в рыданьи виновата?

Метался — и роптал — и утихал, —
Меня в порыве смертном обнимал,
И целовал, как раньше, — прямо в губы, —
И приникал, всем тельцем приникал, —
Как будто говорил, что любит, — любит...
А я боялся — я не целовал, —

Боялся заразиться сам и — Женю
Твоей заразою околдовать,
Как нагло околдован был ты ею, —
И только с краю губ твоих ласкать
Тебя — дерзал!.. Еще дерзал — шептать
В твое дыхание — все, во что верил...

И я шептал: «мой мальчик, мы воскреснем —
Наверное, наверное — с тобой!
Мы встретимся! душа — с душой — с душой!
Мы будем жить вдвоем еще телесней, —
Неслыханней, невиданней, прелестней —
Всей прелести, всей прелести — земной!..»

И — тише, тише, под рукой,
Моей рукой — вот этой, — этой самой —
Которою сейчас пишу — вдвоем —
С тобой, — все тише... Мальчик!.. мальчик — мой!..
Алеша — мой, Алеша — золотой!..
О, Господи, — младенца — упокой!

ИНЕСЕ ЗАНДЕРЕ

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Х. А. Б.

Столетняя сеньора, дочь героя Сьерроальто,
даже в мыслях уже не вышивает подушечки.
Впрочем, она никогда этого и не делала.
В комнате сумрачно: свет
с пылью вместе скопился в углу;
в седой косе у сеньоры спрятан микрофон.
Беззвучная беседа с умершими
записывается слово за словом
на пленку дней, что движется за окном у сеньоры.
Завтрашний день с глазами, как незабудки,
будет грезить снами цвета пурпурных маков.
Коричневые руки завтрашнего дня,
все в трещинах, словно сухая земля, потемневшие,
как черенок мотыги,
будут лежать на лоне, покрытом золототканым шелком.
Щелчок: другая кассета.
От усталости лицо завтрашнего дня будет свинцовым
и серым, как пыль за бычьей упряжкой...
По коленям седой сеньоры только что мышь прошмыгнула.
Выпала из пальцев у сеньоры игла.
Завтрашний день останется незавершенным...

БАБЬЕ ЛЕТО

В августе с мостков этих скользких нырни.
Жди, не дыши: может, с той стороны
ты, словно остров, вдруг вынырнешь где-то?

Осень,
что примет из глубины
хлеб этот, в корочку лавы одетый,
осень, что плавным качаньем волны
пепел отмоет, омочит рассветом —

осень подходит медленно с той стороны
скользких мостков, конца у которых нету...

Прочти по губам, по мыслям,
что в облачных тают узорах:
секундный антракт — ролями
меняются два актера.

Все та же сцена — лицо,
все то же — с небес — освещенье,
все на местах ветра,
все длится дерев круженье.

Но птицы собрались в стаи —
куда их ляжет дорожка?
И отчего полусонный
ясень внезапно вздрогнул?

Прочти по губам, по мыслям,
что в облачных тают узорах:
не прерван спектакль, но ролями
уже поменялись актеры...

Туда,
где не будет
меня,
дозоры стремятся птички.

Весна и осень... Они
жизни моей обличья.

Перевел Иван Русецкий

ОХОТА

Мельканье лиса на рыжих лапах
На грани неба и рельсовых троп,
Трамвай по следу все ловит запах,
Вечер с трудом переводит вздох.

Вечер-Стрелок! Ты теперь бессилен,
И лисий след сумрак унес...
Роняй ружье в травы синие
На бледные ворохи прелых звезд.

Ну, полно, день! В последний раз
Горишь из норы светом лисьих глаз.

Перевела Анна Киреева

СОМНЕНИЕ

Как скатерть белая лежу я на столе,
Как мирт в горшке цветочном зеленею —
Чуть солнце выглянет — я дома и могу
Здесь жизнь прожить и здесь проститься с нею.

И всех вокруг простить, едва его лучи
Из бесконечности вернутся снова,
Я вновь любить хочу, лишь навестит оно
Меня, как друга тяжело больного.

И дети льнут ко мне, и руки горячи,
И голубя я вижу из оконца,
И лишь на краткий миг сквозь облака мелькнет
Сомнение на светлом лике солнца.

Перевел Иван Русецкий

Памяти хорового дирижера
Николая Видулейса

Если знаешь, что вертят судьбою твоей,
если знаешь, что где-то за пультом сидят,
разве медленнее в тебе копится яд,
разве тесный башмак давит ногу слабей?

Если видишь: в глазах отражается ген,
если видишь: упавшее яблоко — вот,
разве больше железа уже не грызет
справедливости твой автоген?

А в степи, когда поливает дождем
покрытые дерном кости,
оседлав березовый крест верхом,
к тебе ведьма несется в гости.

Поезда там тьму лакают, скулят,
вспоминают вину трусливо,
и у ног хозяйских юлой юлят,
а тот кроет их в хвост и в гриву.

И на миг затопают память твою
день грядущий и степь — все вместе,
и кресты березовые поют,
и какой-то призрак — хормейстер.

И ты видишь: шпал между вами не счесть,
и ты слышишь: смерть однажды придет,
и поешь ты: беззвучно — так плоть гниет,
и ты знаешь: душа в тебе есть.

Это август. Ночь. Почему-то
окна открыты у многих.
На остриях календарных
спят графиков мысли, как йоги,

словно в Тракае, спят в луже
доходного дома окошки,
там бродят вечные духи —
дамы и пьяницы. Кошки...

Иду: ни самой меня нету,
ни горя, ни сумочки синей.
Шаги мой тьму шатают,
но нет отраженья в витрине,

если нежные губы остались,
пускай они ощущают
с Даугавы ветер, но только
без криков людей и чаек.

Я этой ночью стала
ямой — огромной, темнеющей,
в глубине на рояле играет
еврей, по-латышски умеющий.

Зарыть во мне смело можно
жизни птичьи, людские,
остаются в небесной стене
расстрела следы золотые.

Мне на уши, губы, глаза
пусть лопаты мрака обрушатся.
Меня нет нигде. А любовь —
это слушать. Слышать. И слушаться.

Перевел Иван Русецкий

НОЯБРЬ

В кармане хранимая тайна, —
никто не искал ее, — спит там
вместе со стянутым сахаром.

Неслышно, в утреннем кофе,
размешай, хлебни — и постигнешь
строптивость мою неяснейшую.

Беру как ведунья всего я:
льда Даугавы обломок,
асфальта, мелка, кирпича,

Там дальше, за Кипсолой — дым,
солнце прыгает рынку на горб,
в серых тапках понтонный мост.

Но глубже еще — и слаще
Нетаяющие осколки:
Над оградами — небо. Поездов
голоса — — —

Перевел Григорий Гондельман

ул. БОЛЬШАЯ НОМЕТНЮ

Хватаясь рукой за забор,
походкой урода бредет.
Денег достанет чуть-чуть —
в своей подворотне пьет.

Глядит костяным зрачком,
моргает стенным рубцом:
«да, мол, подохну!»
Но и у меня —
есть наследник — двойник, родня».

Я — на улице этой, как пес,
у которого зуб еще остр.
Без надежд не ползет он на торг,
по песчаной базарной пыли.

А вверху — решетом небеса,
И, когда захочу я туда,
то мне улица Нометню — кол,
и ошейник, и цепь — навсегда.

Перевела Ольга Доренская

ВАЗА

В перекрещении линий
Открыто врублены грани,
Ручки — вонзенные шпоры,
Две золотые улыбки.

Робко вслед за губами
Слезы — как линии вазы —
Чертят дорожки прозрачные...
Взгляд — как удар о бампер:

Вспыхнут пылинки.
Осколки.
Да, я нарочно так с нею —
Чтобы не жертвовать вазе
Новый цветок белоснежный.

Перевел Олег Золотов

«...и тут кончается искусство и дышит почва и судьба»

Предлагаем вашему вниманию интервью с московским критиком, доктором искусствоведческих наук, заведующим кафедрой истории советского искусства МГУ, председателем секции критики МОСХ Александром Морозовым о сложных путях развития советского искусства.

— Годы революции были настолько плодотворны для искусства, что его направления, сформировавшиеся именно в Советской России, оказались авангардом мировой культуры. Пример тому — конструктивизм. Как бы вы оценили его дальнейшую судьбу?

— Конструктивизм действительно одно из самых ярких явлений в истории советского искусства. Его судьбу определяли многие факторы. Вот три самых существенных. **Во-первых:** борьба группировок в двадцатые годы носила совершенно непринципиальный характер и складывалась из множества претензий на право монопольно определять процесс развития искусства. Иные творческие силы пустили в ход свое умение налаживать контакты с идейным руководством, сумели внушить ему мнение не только о своей одаренности и творческих потенциях, но и о своем идейном превосходстве над прочими направлениями. Им удалось занять командные посты в искусстве, и они получили возможность подчинить себе прочих. **Во-вторых:** левое искусство видело для себя возможность наивысшего проявления в социально-культурном контексте. Этот контекст предполагал и конструктивизм. Принципом советского конструктивизма было жизнестроительство — если не углубляться в детали. И этот принцип оказался для двадцатых годов преждевременным. С одной стороны, возможности реализовать идеи жизнестроительства в условиях советской экономики после революции и гражданской войны были почти нереальны. Например, башня III Интернационала. Техническая экспертиза сочла этот проект вполне реализуемым, но не было ни экономической возможности, ни реальных сил, чтобы воплотить его в жизнь. С другой стороны, следует сказать о том, что мы называем социальным заказом. О том, что от художников ждет народ, публика. Было мало надежды, что возникнет взаимопонимание между новыми направлениями в искусстве и огромными массами потребителей, которые появились после революции. Разница между культурными слоями общества, естественно, была велика. В основном культура ориентировалась на то, чтобы в новых условиях поднимать уровень народного сознания. И это естественно. То, чего желал новый зритель, меньше всего походило на мечту конструктивистов о жизнестроительстве. Большинство жаждало гармоничного и красивого искусства, которое бы не перестраивало жизнь по каким-то непонятным новым законам, а компенсировало недостатки окружающей действительности.

— Большинство всегда хочет именно этого. Но должно ли искусство в своем развитии считаться с этим?

— В разные эпохи по-разному могут складываться отношения между пожеланиями, адресованными искусству, государственной политикой в этой области и стремлениями самого искусства. Надо принять во внимание, что двадцатые и тридцатые годы были, несомненно, жестоким временем для нашей общественной жизни. Не было того подхода, той широты мышления, которые могли хотя бы в порядке социального эксперимента позволить претворить в жизнь конструктивистскую концепцию жизнестроительства. Совершенно не было. Была тотальная борьба во имя определенных принципов, вполне понятная, поскольку ее вдохновляли чисто социальные и политические факторы. Она определяла и художественное сознание. Сегодня мы это понимаем лучше, чем когда-либо. Тогда не желали видеть, что может существовать еще одна правда — пусть лишь в культуре и искусстве. Правда могла быть только одна. Царил идеологический и социально-психологический стереотип: если ты думаешь иначе, ты не просто инакомыслящий человек, имеющий другую точку зрения, ты — враг. Политика в области искусства — государственная и партийная — в тридцатые годы становилась все менее компетентной, все менее способной обеспечить условия для социального художественного эксперимента. Произошло отступление от ленинских принципов — и авторитет культурного

строительства не спасли даже такие деятели культуры, как Луначарский, а государственная политика в этой области утратила необходимую внутреннюю одухотворенность, культуру руководства и организаторского мышления.

Третий фактор, с которым нужно считаться. Конструктивизм в тех условиях идейного и политического противостояния оказался связан, как художественная идеология, с борьбой и в самой социально-философской сфере. Даже в партийной теории. Конструктивизм тесно уживался с идеями «Лефа» и «производственников». История этих идей связана с именем такого мыслителя, как представитель русского махизма Богданов, в меньшей мере — Бухарин. Борьба партии за идеологическую и теоретическую чистоту по логике противостояния того периода однозначно требовала борьбы с теми, кто переносил кажущуюся чуждой идею из чисто философской сферы в сферу более широкую, в данном случае — эстетическую. Эта **уравниловка искусства и идеологии** сыграла, между прочим, роковую роль. Она позволила сражаться с представителями иной творческой платформы как с классовым врагом.

— А в чем это выразилось?

— Одной из величайших драм в нашем искусстве двадцатых годов стала борьба двух принципиально разных позиций. Главная альтернатива для искусства: отражать жизнь или организовывать жизнь. Путем формирования жизненного пространства, среды. В условиях упомянутого противостояния идея художественной организации оказалась скомпрометирована и победу торжествовала идея отражения. Это значило — искусство как будто встало на путь развития реалистических традиций. Естественно, и развитие этих традиций было своего рода борьбой, и притом достаточно напряженной, между различными художественными силами, разными группировками. Но мне кажется, что в двадцатые-тридцатые годы, невзирая на крайне сложные коллизии процесса развития искусства, лучшим представителям живого, способного к дальнейшему развитию реализма удалось создать определенные ценности. Одна из них — **концепция человека,** сформировавшаяся в то время в советском искусстве. Здесь речь не о той академической концепции, которая воплотилась в монументальности парадных памятников и картин, изображавших общее ликование народа, ведомого вождями. Это — концепция, несущая в себе возможность углубиться, раскрыть противоречия времени. На благо этой концепции работали определенные явления художественной культуры, в том числе и за пределами изобразительного искусства. Возьмем литературу. С именами тех, кого теперь активно публикуют и кто пользуется популярностью у читателей — Булгакова, Платонова и др. — связано углубление и расширение правды о человеке того времени и сложных условиях его духовной жизни. Нечто аналогичное возникает и в изобразительном искусстве. Мне кажется, что самых ярких достижений советское изобразительное искусство добилось в жанре портрета, особенно в тридцатые годы. Великолепны работы Сары Лебедевой, Веры Мухиной в области скульптуры, особенно ярко реалистический аспект таланта Мухиной раскрылся в годы войны. В живописи это — цикл П. Корина «Реквием. Русь уходящая». Портреты представителей советской интеллигенции. Портреты И. Грабаря того времени менее известны, чем его пейзажи, но оттого они не менее блестящи. Портреты И. Нестерова. Очень интересное ощущение человеческих коллизий возникает у И. Шадра. Он известен как представитель социального романтизма, но в тридцатые годы для него характерна смена жанра. Он создает великолепные надгробия. Этого мы как будто не замечаем. Памятники Аллилуевой, сыну Горького Максиму Пешкову, жене Немировича-Данченко. Прекрасные произведения искусства, вмещающие в себя ту содержательность, которая была чужда официальному, парадному искусству тридцатых годов.

— Несколько слов об отношении к классическим образцам. В особой атмосфере всеобщей культуры тридцатых годов оно было неоднозначно.

— Это интересный узел проблем — обращение к традициям реализма середины девятнадцатого века и даже классики. Не углубляясь в мелочи, скажу только, что, по-моему, художник, осознав хоть какую-то свою связь с художественным наследием, видит перед собой две дороги. Два аспекта одной модели. Первый я назвал бы академизмом. Обратить любую традицию в орудие для решения поверхностно понятых, продиктованных конъюнктурой времени задач. Другой аспект — сделать традицию орудием познания человека. Например, полностью оправдалось обращение И. Шадра к традиции И. Мартоса в вышеупомянутых памятниках — была найдена та особая мера лиричности, философичности, поэтичности, без которой трудно было бы решить тему смерти. Тему вечной духовной памяти человека. В то же время во множестве других случаев классическая традиция породила имперские, холодные подражания искусству Рима.

— В каждой стране возникают свои социальные утопии. Какими они были в молодом Советском государстве! И были ли они плодотворны для искусства!

— Среди созданных революцией утопий существеннейшей мне представляется утопия о скором приходе идеального и гармоничного будущего. Не будет армий и границ, человек, гармонически развиваясь, станет красивым, умным, добрым, честным. Такие утопии возникали уже в Древней Греции, во время Ренессанса. Особенностью нашего общества была интенсивность веры в эту утопию. В журналах, выходивших в 1918 году, можно было прочитать о том, что идеальное общество воцарится не позже чем через пятьдесят лет. Примерно в 1968 году. Не стоит лишнего напоминать, что остатки этих утопических идей сохранились в некоторых партийных документах до шестидесятых годов, определяя срок наступления коммунизма. Позитивное здесь было связано с развитием определенной идеи строительства жизни, сохранившейся еще с времен конструктивизма, и мысль была нацелена на то, чтобы создать идеальное жизненное пространство для человека. В Германии на базе конструктивистских идей создал свою академическую школу «Ван Хаус». Но у нас он обрел совсем иной характер. Стал гибридом «жизнестроения» и классической утопии, связанным с возвращением к определенным эстетическим нормам, сформировавшимся в античном мире, в период Ренессанса. Это было желание создать идеальный город — «город-сад». На рубеже двадцатых и тридцатых годов в проектировании возникали интереснейшие идеи. Конструктивизм отошел от своей нормативности, но еще не дошел до компромисса и не вырядился в классические одеяния. Примером такой архитектурной среды, многофункциональности пространства помещения может служить спроектированный братьями Весниными теперешний Дворец культуры ЗИЛА.

— Как связаны стилистические приметы искусства авторитарного режима с классическими образцами!

— Здесь существует один фактор. Утопическое мышление, о котором мы говорим, в советских условиях было намного демократичнее. Его питали глубинные человеческие источники. Неоклассицизм в Германии или Италии был введен в двадцатые-тридцатые годы как официальная политика в области искусства и почти не получал таких могучих человеческих импульсов, как в советской культуре. Идущие сверху заряды сливались здесь со всеобщей верой, увлеченностью идеей коммунистического будущего. Это было внутренней потребностью духовной жизни миллионов человек. Потому идеалы, которые, на первый взгляд, могут показаться схожими с традиционными классическими, здесь наполнены жизнью, теплом, человечностью — особенно в начале тридцатых годов.

— А концепция сильного человека, сильной личности!

— В начале тридцатых годов ей свойственно специфическое выражение, которое совершенно отсутствует в зарубежном, особенно в западноевропейском искусстве. Это прежде всего концепция нового человека. Как игра красоты человеческих сил. Физической и духовной силы. Это — у Дейнеки, Самохвалова. Ни у кого больше мы в это время не найдем такого молодого, улыбчивого героя, без всякой игры мускулами, как в брутальной неоклассицистской пластике, — только в советском искусстве. И эта концепция нового человека идет рука об руку с переживанием пространства, чего совершенно нет в западноевропейском искусстве. Ведь неоклассицизм расцвел и при таких политических структурах, что были далеки от авторитарного режима — в Англии, во Франции. Мы не найдем там свободного полета тела, формы в пространстве, несущего такую яркость человеческого существования, как в советском искусстве на рубеже двадцатых и тридцатых годов.

— Как же в таком случае расценивать совершенно архаические претензии официальной критики к импрессионизму! Мне всегда казалось странным, что в те годы, когда слово «импрессионизм»

П. ФИЛОНОВ. ФОРМУЛА ПЕТРОГРАДСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА. КОНЕЦ 20-х гг.

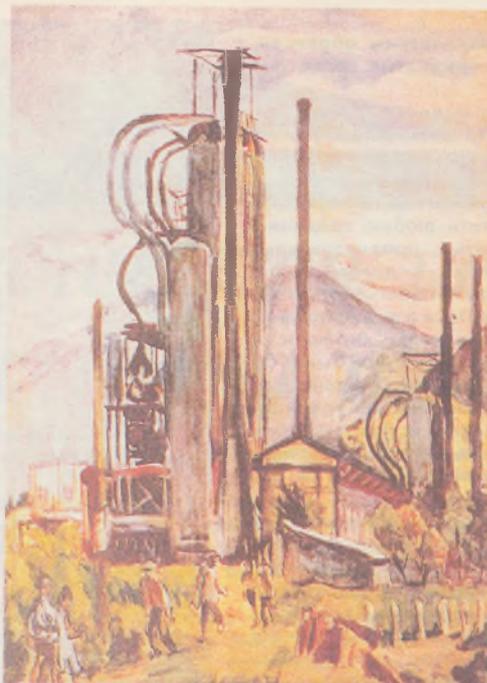
А. МАТВЕЕВ. ДЕВУШКА. 1932 г.

И. ШАДР. НАДГРОБИЕ Е. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО. 1930 г.

было чуть ли не ругательным, многое из этого уже классического для современного искусства направления проявилось в советской живописи. Включая восприятие среды, раз уж речь о ней.

— Все эти идеи, о которых мы говорим, в том числе и художественные, существовали в мучительном, усложненном, напряженном социальном контексте. Светлое человеческое начало, развиваясь в контексте тридцатых годов, утратило свою личностную, поэтическую окраску, обрело официальность и брутальность. Достаточно сравнить концепцию человека. В пластике А. Метвеева и в пластике В. Меркурова. Нагляднее некуда. И это

А. МАТВЕЕВ. А. ПУШКИН. 1939/40 гг.
 А. ЛЕНТУЛОВ. НЕФТЕПЕРЕГОННЫЙ ЗАВОД В БАТУМИ. 1931 г.
 Г. РЯЖСКИЙ. ДЕЛЕГАТКА. 1927 г.
 А. ДЕЙНЕКА. ТЕКСТИЛЬЩИЦЫ. 1927 г.
 И. ПУНИ. ЖОНГЛЕР И ГИМНАСТКА. 1917/18 гг.

определяет для нас эволюционную линию всего советского искусства от рубежа двадцатых до сороковых годов. С брутальных позиций неоклассического академизма импрессионизм оказался неприемлем — он был слишком интимен и человечен. В нем решала дело совершенно не академическая, не регламентированная эмоциональность художника. И потому мы видим, как в тридцатые годы, а особенно в сороковые, в критике множатся идеи и установки на борьбу с живописностью, со свободно трактуемой формой, свободным мазком, борьбу за академическую завершенность, за сухой силуэт, за схваченную железной линией форму. Словом, за академизм. И этот триумф академизма привел к тому, что в послевоенные годы импрессионизм стал бранным словом.

— Но в мире тогда стал актуален абстракционизм. Почему было столько шума вокруг импрессионизма?

— Перед нами — сам театр. Это жестокий и мучительный театр нашего искусства. Нападки против формализма и абстракционизма были уже в двадцатые годы, когда все обратилось к реалистическому искусству. Потом боролись с остатками субъективной поэзии в искусстве. Таким «остатком» и был импрессионизм. Его сила и авторитет в русской школе живописи велики и потому, что это одна из самых притягательных традиций русской национальной живописной школы, начиная с рубежа веков. Сильная струя импрессионизма всегда пронизывала наше искусство.

— Как могло случиться, что именно холодная академическая традиция оказалась сильнее прочих и продолжала существование? Ведь существовало и иное искусство, которое не появлялось на выставках. И все же оно не сдавалось.

— Да, так было, это — историческая правда. Я уже давно пришел к выводу, что все наше искусство тридцатых годов нужно трактовать как неоднородное, многослойное. Чистый, искренний, с моей точки зрения, самый ценный слой находился в оппозиции к поверхностному слою художественного процесса, утверждавшему иные ценности или псевдоценности. Притом конфронтация между ними была очень резкой, острой. Была пущена в ход псевдокритика, которая грубо, на совершенно непрофессиональ-

ной основе, уничтожала явления, чуждые официальному искусству. Были попытки идеологической компрометации. Бывало, что деятелей искусства просто вычеркивали из жизни. Так, в 1938 году погиб Александр Древиньш. Я должен сказать, хотя это и очень деликатный вопрос, что изобразительное искусство не понесло такого урона, не потеряло столько художников, сколько литература. Но жертвы были.

— А такие художники, как недавно возвращенный нам Филонов, Р. Фальк!

— Эти люди жили бедно, почти не выставлялись. Жили на скромную зарплату, скажем, преподавателя, иногда только работали с учениками в своих мастерских. Когда их заметила пресса, критика была совершенно необъективна. Их как бы вытолкнули из художественного процесса, но они продолжали и интересно работать, и развиваться. Например, совершенно отстранили от дел ленинградскую школу, искусство лирического, поэтического пейзажа. Их называли тогда «марксистами» (от А. Марке), обвиняли в копировании французских пейзажей начала века. В то же время, в тридцатые и частично в сороковые годы многие представители этой школы создали замечательные работы. Одним словом, творчество было вопросом внутреннего мужества таланта. И он оказался неразрешимым для иных известных мастеров. При наглядном торжестве идеологически-художественной линии, она не была тотальной. Она не была в силах полностью справиться с художественным процессом, с его внутренней струей.

— Когда мы заговорили об этом!

— По опыту могу сказать, что я вошел в искусствоведение с такими мыслями во второй половине шестидесятых. Об этом прежде замалчивавшемся процессе в обществе заговорили в период возрождения, который начался после 1956 года. В период первой оттепели в нашей социальной, духовной, культурной жизни.

— Насколько оправдали себя надежды той оттепели! Ведь теперь уже наступила новая...

— Горько вспоминать о судьбах мастеров молодого поколе-

ния шестидесятых годов. Но так же, как и по отношению к тридцатым годам, я не стою на позиции однозначного пессимизма. Я считаю, что сделанное первым поколением молодых мастеров, пришедших в искусство после войны, на рубеже пятидесятих-шестидесятых, заслуживает высокой оценки. Хранящиеся в музеях работы того времени — работы П. Андронova, Р. Никонова, Э.Илтнерса, Г. Митревица, ранние работы А. Савицкиса, С. Вейверите, Н. Кормашова, Э. Пилдроса — по моему, не теряют своей ценности в истории нашей культуры. Не потому, что монолитны или совершенны, а потому, что были в них импульсы, на мой взгляд, живые по сей день. Позже судьбы этих художников сложились не так, как хотелось бы. Их не поддержали ни зрители, ни официальное руководство. Но, изменив несколько направление в сторону камерного романтизма или лиричности, они продолжали работать и активно работают до сих пор. Хотя можно спорить о том, дают ли они что-то новое искусству по сравнению с тем, что дали в молодости. Но то, что они создали, не умирает, хотя условия для их развития были дисгармоничны и неблагоприятны, их мы теперь открыто называем периодом общественного застоя.

— По каким приметам можно судить, что это был именно застой? Например, я поступила в ЛХА в 1970 году и не воспринимала это время как застойное. Было желание хорошо и активно работать, были серьезные профессиональные цели.

— Здесь надо сказать о судьбах тех идей, которые принесло молодое поколение шестидесятых: все они развивались в обстановке совершенно неестественных противостояний. Они сталкивались с фальшивыми проблемами, которые будто и не жизнь создала. Не было здоровой атмосферы в отношениях между поколениями. Чувствовалась совершенно ненужная, ложная напряженность, которая уродовала все живые импульсы того времени. Это привело к внешним конфликтам поколений. Историки советского искусства говорят о нескольких поколениях, пришедших после шестидесятых. Это не догма, просто так удобнее — говорить о молодежи семидесятых и восьмидесятых. И каждое из этих поколений, входя в искусство, как бы отрицало предыдущее поколение, хотя на деле многое брало от него. Много сил ушло на эту борьбу, которая по сути и не была борьбой. На какие-то принципиальные взаимоотношения, отнявшие так много духовной энергии. Вот эти-то отрицательные черты, может быть, и лишили нас возможности интенсивного художественного развития, которое, несомненно, должно было состояться. Вот, на мой взгляд, проявление общественного застоя: жизнь отставала себя с совершенно ненужной, а иногда и трагической напряженностью. То здоровое, что могло возникнуть, появлялось на свет изуродованным, подавленным, согбенным.

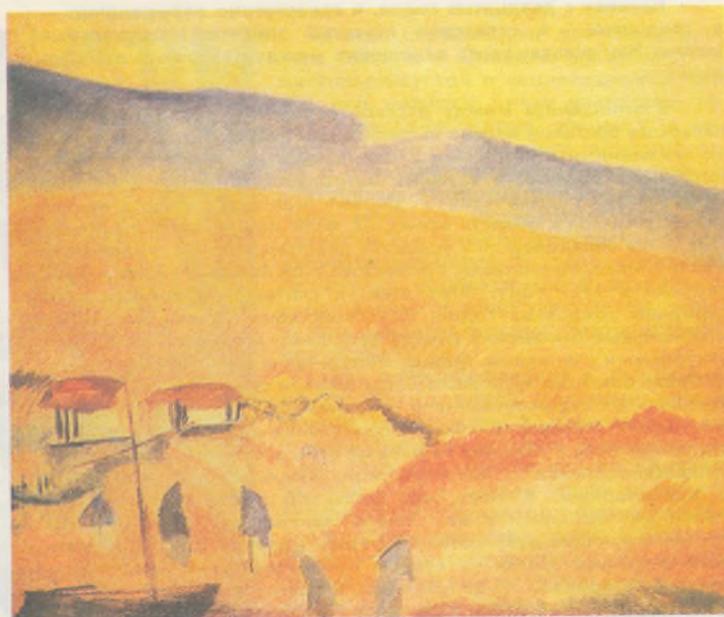
Вот пример. Если искать существенное различие между молодыми художниками семидесятых и шестидесятых годов, то вывод таков: искусство первых заключается в гражданском пафосе, а искусство вторых — в выражено, подчеркнуто станковом творчестве, не выходящем за стены мастерской, в художественных интроспекциях, за что это поколение не раз ругали. Но лучшие художники семидесятых как раз и следовали своим предшественникам, стремясь раскрыть еще глубже образ своего времени. Они искали его именно в себе, опираясь на свой субъективный опыт. Но их деятельность воспринималась сквозь призму запретов и совершенно ненужной полемики, без нормальной критики, без точки зрения общественности, без развития ее живого и естественного вкуса. И потому все эти коллизии наследственности приобрели болезненный характер.

— Но такие же страсти кипят и вокруг молодежи восьмидесятых.

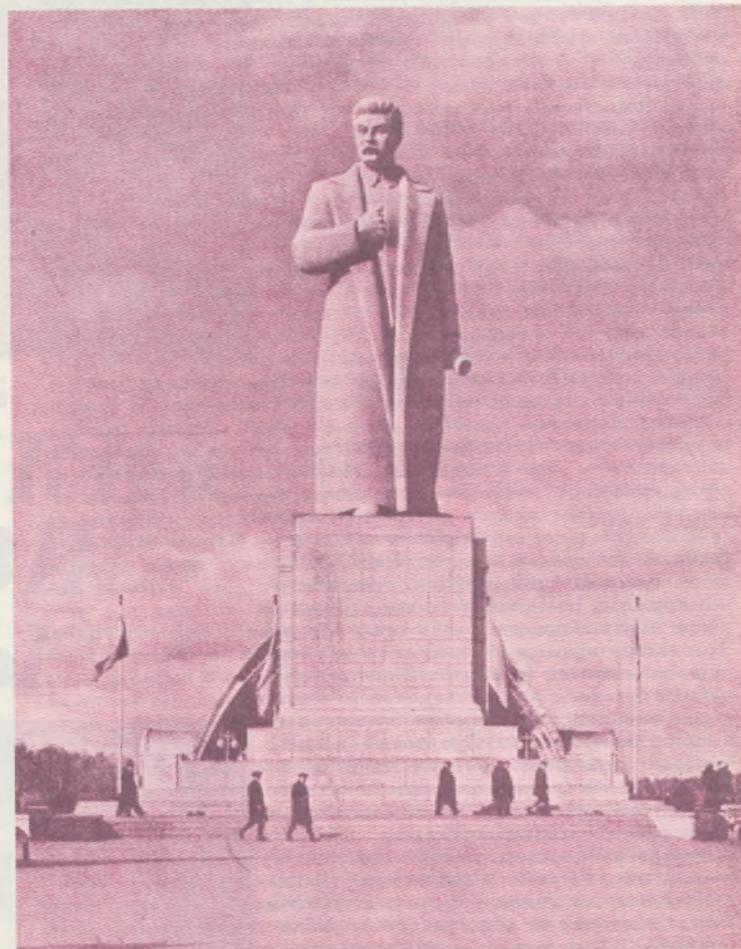
— Несомненно. Если судить по нашей критике, то молодые художники восьмидесятых не так уж и молоды — это поколение близится к тридцатипятилетию. Они успели сформироваться в тех же условиях, что и молодежь семидесятых. В какой-то мере можно отметить те же признаки внутренней болезненности в самосознании этого поколения. Перед ними теперь раскрыты совершенно новые возможности. Диалог не только со своими предшественниками — а диалог в контексте всего мирового искусства. Широкие возможности для выбора. И они, похоже, меняют не только традиции, но и проблематику. В основных направлениях это выглядит так: они отворачиваются от реализма и примыкают к авангарду. У молодых художников в семидесятых такой возможности для выбора не было. А эти могут выставляться, обращаться со своей проблематикой к широкому кругу зрителей. Поле деятельности очистилось. Возникло соприкосновение с традициями зарубежного искусства, с такими явлениями авангарда второй половины двадцатого века, как неоекспрессионизм, молодые дикери, неоконцептуализм и др. Оказалось, что все это возможно.

— А какую жизненную проблематику вы видите в этом!

— Это и есть главный вопрос этого поколения — какой будет его проблематика. Пока мы не можем на него ответить.

П. КУЗНЕЦОВ. МИСХОР. 1927 г.

Л. МЕРКУРОВ. ПАМЯТНИК И. СТАЛИНУ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ. 1939 г.

— Но ведь состоялись и Московская, и Всесоюзная выставки молодых художников...

— Выставки молодых — это взгляд назад. Они фиксируют явления, свойственные молодому искусству на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов. А что будет завтра — этот вопрос остается открытым. Мучительный вопрос, потому что я не вижу в перспективе особо плодотворного выбора. Это не значит, что выбор не появится. Я не настроен пессимистично по отношению к этому поколению. Но, возможно, их путь самоосознания тоже будет очень мучителен.

— Начиная с двадцатых годов, и совершенно определенно — в тридцатые — в советское искусство влились национальные школы. Как складывались отношения между центром и периферией?

— В отношениях между русской советской школой и национальными школами можно выделить три больших этапа. Примем во внимание, что источники национальных школ очень различаются и по уровню, и в плане ментальности. Запад и Восток, Закавказье, Средняя Азия... Первый этап я связываю с ленинской политикой в области искусства, если можно так выразиться. Она стала складываться в условиях двадцатых годов, проявилась и закрепились на выставке, организованной Академией искусствования в 1927 году. Этот этап, я считаю, продолжался до середины тридцатых годов. Ему свойственны очень бережные и эластичные отношения между ведущими и ведомыми. Между учителями и учениками. Между импульсами, идущими из центра, от более развитых художественных школ, и теми импульсами, что исходили от художественного сознания формирующихся советских наций, осваивающих новые социальные ценности. Конкретно это проявилось в том, что на рубеже этих десятилетий уживалось профессиональное с непрофессиональным, профессиональное с фольклорным. К тому же, фольклор существовал не как музейный экспонат, а как живое явление. Включая в себя соответствующие духу времени формы народного художественного сознания. Не было сухого манипулирования этнографическим материалом. Были свежесть и поэтичность. Как проявление национального вкуса в совершенно новых для национальной школы областях. Например, развитие станкового искусства в бывших мусульманских республиках. В Туркмении, Узбекистане, Киргизии. На рубеже двадцатых-тридцатых годов ему свойственны яркость, юмор, свежесть, тонкость поэтического наблюдения, особенный темперамент. Что происходит в тридцатые годы? Меняются отношения между импульсами, идущими от национальных художественных коллективов и от ведущей художественной школы России. Чем характерна для этого этапа борьба с примитивом, начавшаяся в 1935 году в советском искусстве? Когда понимание народных традиций во всей их полноте связывалось с музейно-этнографической традицией. Когда формировалась практика создания национальных школ по принципу — национальное по форме и социалистическое по содержанию. Абстрактно говоря, эта формула не вызывает возражений. Логически она может существовать не хуже любой другой. Но какой смысл в нее вкладывался на практике? Единое, стереотипное идейное содержание, считавшееся эталоном социалистического реализма, и музейно-этнографическая форма, пришедшая на смену живому художественному сознанию народа. Этот период длился до середины пятидесятых годов. По сути он оказался периодом диктата академической школы, которая, разумеется, царил в высших художественных учебных заведениях Москвы и Ленинграда. С одной стороны, это помогло сформировать некоторую по-ремесленнически профессионально-национальный контингенту, а с другой стороны, жестоко изуродовало само национальное художественное сознание. Породило какие-то совершенно чуждые ему явления. По-моему, таким чуждым явлением для прибалтийских республик стала картина так называемого псевдореалистического жанра, которая там усиленно культивировалась во второй половине сороковых годов. Этот авторитарный и на главных своих направлениях бесплодный путь был прерван благодаря наступлению нового периода — на рубеже пятидесятых и шестидесятых. И не случайно все историки и критики говорят об особенном подъеме национальных школ в конце шестидесятых. Это время, когда с огромным успехом проходят республиканские выставки, организуются всесоюзные экспозиции, на которых блестяще показывают себя национальные коллективы художников. Было много громких слов, но и много таких работ, которые до сих пор интересны. Это было связано с преодолением стереотипов вышеупомянутой реалистической школы, понятой чисто академически, сформировавшихся в середине тридцатых годов и царивших до конца пятидесятых. Этот этап продолжается по сей день. Но — тут возникает своя проблема. Один вопрос — дать известную свободу для развития в каком-либо регионе, национальном или этническом, художественного сознания, и совсем другой — конструктивная линия развития при многообразии возможностей, при альтернативах, предлагаемых художественным сознанием региональной школы. Возможность творческой свободы привела пока, может быть, к несколько хаотичной и ослабленной пульсации творческого процесса. В нем, возможно, еще нет каких-то особенно ярких взлетов, концепций, чего-то сильного и заметного. Может быть, национальные школы ничего подобного не выдвигают. Эту проблему должны решать сами национальные коллективы вместе с критиками.

— Но мы привыкли говорить о некой генеральной линии.

Возможна ли она в искусстве или же наступил период, когда искусству в поисках новых путей следует заглянуть в глубь себя?

— Во-первых, наши философы теперь рассуждают так: чем разнообразнее культура, чем больше в ней неожиданного, чем больше сюрпризов, тем в большей мере она заслуживает названия культуры. Потому, когда я говорю о каких-то великих свершениях, то вовсе не имею в виду однообразие. Я думаю о других показателях. Всегда творческие находки или обретают человеческую, духовную актуальность, или ее не обретают. Какими будут эти находки, мы не программируем. Это дело художника и национального коллектива. Или они поднимутся до уровня общественной актуальности, или не поднимутся. Наше неудовлетворение положением дел в национальных школах вытекает из того, что независимо от качества своих достижений, они в большинстве случаев не достигают уровня общественной актуальности.

— А что, по-вашему, самое существенное в этих социально-актуальных вопросах, за которыми никак не поспевают художники!

— Это очень сложная проблема. Сложная потому, что общее задание, которое дает перестройка работникам культуры, вроде бы понятно. Ответ будет успешным или неуспешным в зависимости от того, сможет ли художник при разрешении этой задачи найти свою проблематику. Что я этим хочу сказать? Развитие искусства у нас программируется как бы литературоцентрически. Это у русской культуры в крови. Ситуация как бы подсказывает: развивайте эту линию реалистического повествования, которую так успешно использует литература. Театр, кино. Но одна эта линия, эта тенденция, на мой взгляд, не может решить проблемы пластических искусств в период перестройки. Пластические искусства должны осознать свою многогранность. И параллельно этой линии должна активизироваться другая, линия «строительства жизни», возникшая в двадцатые годы, о которой мы говорили с самого начала. Должна возродиться работа над тем, чтобы пластическая форма, пластический образ, структура несли в себе модель жизни, модель человеческого существования, человеческих эмоций и психики. Формировали их, воздействовали на них. Указывали путь к интеллектуальному пониманию действительности, путь создания пластической среды для современного человека. Пока я отчетливо вижу односторонность. Раскол в среде художников. Стремление в ту или иную сторону. И это, как мне кажется, выражается в преувеличенной полемике между так называемыми защитниками реализма и авангардистами. В этом смысле ситуация как бы слепо и неконструктивно повторяет самые печальные аспекты художественной жизни двадцатых годов. Тогда стоял вопрос: или — или. И искусству пришлось многим пожертвовать. А в перспективе было бы — взять все хорошее и от одной стороны, и от другой. Нельзя противопоставлять искусство отражения искусству пластического воссоздания. Среди обширного коллектива художников всегда найдутся представители и того и другого направления, нужно лишь создать им лучшие условия для творческого самовыражения, вокруг этих достаточно специфических тенденций нужно сформировать очень компетентное и заинтересованное общественное мнение. Надо и для тех и для других создать атмосферу интенсивного творческого развития. Если этого не случится, мы опять волею-неволею отдадим изобразительное искусство во власть литературы, и оно задохнется. А ведь мы сегодня еще очень далеки от такого понимания задач нашего искусства.

Огромное значение имеет сегодня развитие теоретического мышления в искусстве и искусствоведении. Во-вторых, духовная атмосфера в среде художников все еще отравлена отрицательным отношением к инкомыслящим, что тянется еще из тех же двадцатых годов.

— Каковы же тогда задачи критики!

— Исходя из многогранности пластической образности и понимания сложной структуры современного искусства, создавать условия для возникновения качественных решений художественных задач на всех стадиях и во всех аспектах художественного процесса. Самые качественные. Критика должна отказаться от роли доброй бабушки, какую она играла потому, что одним из условий для ее выживания в трудное время застоя, о котором мы говорили, было — солидаризироваться с тем, что она в искусстве принимала. Она следила за любимым для себя явлением в искусстве, за тенденцией — обихаживала, поддерживала, охраняла. Ситуация изменилась. Она не грозит компрометацией того или иного творческого метода. Специфическая задача критики — быть правдивым интеллектуальным зеркалом творческих поисков. Это очень трудно. Это требует психологической перестройки самих критиков, воспитания в них нового мужества.

Интервью вела ЛАЙМА СЛАВА

ЭЛИТА ГРОСМАНЕ

«РАЗБОЙНИКИ» ИЗ ЦЕРКВИ КАНДАВЫ

Патина, скрывающая древнее искусство Латвии, с течением времени стала настолько густой и непроницаемой, что под ней, кажется, почти полностью исчезли когда-то живые процессы и события. Мимо плывут давно забытые жизни и судьбы в письмах, завещаниях, в запутанных судебных разбирательствах; чаще всего это не увлекательная беллетристика, а сухой бухгалтерский отчет, схематизированный до ясно читаемых, но трудно переводимых и толкуемых слов. Однако именно здесь могут скрываться наиболее важные факты истории искусства.

Такие многообещающие и, как оказывается, не до конца понятные записи можно обнаружить в привезенном из Мерзебурга курляндском земельном архиве. Согласно сметам церкви Кандавы от 1690 года в начале марта в Ригу к неизвестному скульптору было послано должностное церковное лицо, а 18 марта в церкви уже работали сам скульптор, столяр и трое подмастерьев, устанавливая алтарь, кафедру и исповедальню¹. Мимо этих фактов нельзя пройти, так как они касаются известных «Разбойников», принадлежащих к наиболее значительным произведениям скульптуры второй половины 17 — начала 18 века не только в Курземе, — но и во всей Латвии.

Было бы неверным утверждать, что до сих пор они были обделены вниманием. Выдающимися их назвал архитектор Петерис Арендс («... скульптуры очень выразительны, анатомически правильны и исполнены напряженного движения»²), а профессор Борис Винпер считал, что «... автор статуй является опытным специалистом в изображении обнаженного тела»³.

В этом убеждаешься, сравнивая «Разбойников» из Кандавской церкви с другими образцами резьбы того же периода в Латвии. Обычно в декоративной скульптуре человеческое тело — только предлог для сложных образований складчатых одежд. Чувственность барочных образов не характерна для протестантских областей, поэтому в трактовке обнаженных тел она не развита. В этом отношении они решены холодно и бесстрастно, а художественная выразительность часто кроется в их наивной примитивности. Статические фигуры, мнимую раскрепощенность которым придавала то согнутая в колене нога, то театральные жесты, предположительно выражали патетические эмоции. В общем скульптура периода барокко в Латвии всегда провинциально уравновешена и устойчива, она далека от южных экстазов и самодовлеющей виртуозности. Стереотипы ремесленного мышления сказываются в изображении обнаженного тела, поскольку сама система цехового образования не требовала длительного изучения анатомии, а ограничивалась приемами перевода в объем графического образца. Кроме того, обнаженных тел в церковном искусстве не много, они обычно встречаются в сценах страданий, апофеоза Христа или в случаях изображения детских фигур ангелов.

Кандавские «Разбойники» в этом отношении являются исключением, изображение здесь приближено к конкретной реальности. Хотя здесь мы видим образы, вырванные из первоначальной композиции, но на сей раз это не только не обнаруживает недостатки исполне-

Ангел из церкви св. Николая в Пиньки.

ИСПОЛЬЗОВАНЫ ФОТОГРАФИИ МАРИКИ ВАНАГИ, ЛЕОНСА БИРЗМАЛИСА И ТОМАСА ХЕЛМА (ГДР)

ния, а, наоборот, позволяет оценить во всех нюансах мастерство скульптора, которое мы соотносим с критериями того времени. О нем свидетельствуют анатомическая точность, сохраненная при изображении необычных поз, а также сглаженная, но утонченная и прочувствованная трактовка поверхности. Убедительны и сложные барочные ракурсы, они отражены без обычных деформаций. Следы резца почти незаметны, и нежная моделировка тел напоминает поверхность мрамора. Способности художника с наибольшей полнотой раскрываются в спокойных, но преисполненных выразительности головах. Что касается физической характеристики, то мера индивидуализации настолько велика, что они приближаются к портретам. Хотя в обоих случаях использован один тип лица — с широкими челюстными костями, почти на одном уровне с подбородком, маленьким ртом, большими глазными впадинами и высоким лбом, а также повторён наклон голов на бок, но лица — не одинаковы. Различия вносят и подчинённые определённому орнаментальному ритму причёски. Всё вышесказанное ещё раз доказывает, что способности кандавского мастера были выше среднего и тем более усиливает желание уточнить время создания скульптур и узнать имя автора, что оказывается задачей не из лёгких.

Следует ненадолго остановиться на истории создания бывшего убранства церкви. Наиболее полное описание сохранилось от 1712 года, и исследователи избрали этот год как точку опоры при датировке убранства. Столь же неопределёны сведения о скульпторе, работавшем здесь, они в основном исчерпы-

ваются упоминанием некоего «тирольского резчика».¹ Достаточно не ясно и первоначальное местонахождение статуи. Упомянутая церковная инвентарная опись даёт весьма скудную информацию. Из неё узнаём, что в предделе алтарного ретабля была «Тайная вечеря», в центре группа «Распятие», выше находился лавровый венок, над которым была сцена «Христос в Гефсиманском саду». Всё завершал прекрасный золоченный пеликан. По краям находились Моисей, Аарон, аллегии Веры и Любви. Кроме алтарной пластики упомянуты аллегии Веры и Надежды, украшающие исповедальню, и Моисей — опора кафедры. Окраска убранства — чёрная основа и позолота.² Из группы «Распятия» названы только Мария и Иоанн, оба «Разбойника» не упомянуты. Вполне вероятно, что по неизвестной причине они были вынуты из алтаря и помещены в другое место, что их и спасло при пожаре 1728 года в церкви, когда она «... превратилась в пепел, сгорели крыша, башня, кафедра, алтарь и все внутренние украшения, ничего не уцелело, кроме пустых стен»³, как докладывалось в письме, адресованном герцогу и содержащем просьбу предоставить средства для восстановления здания. Через десять лет (1738 г.) в церкви уже находились кафедра и исповедальня работы Иоганна Мертенса, резчика из Вентспилса, а алтарём служил мурованный стол⁴ (современный алтарь с живописной «Голгофой» возведён в 60-х годах 19 века). Почему и каким образом были спасены оба «Разбойника», так и неизвестно, хотя их принадлежность кандавской церкви не вызывает сомнений.

Поэтому снова надо вернуться к уже

упомянутым вначале счётам, составленным во время перестройки церкви в 1687—90-х годах. Они позволяют во всех деталях проследить за ходом строительства и создания интерьера; работы проводились под руководством строительных дел мастера Тидвица. В числе плотников, каменщиков, столяров и подёнщиков упомянут и скульптор, который получил заказ на изготовление ретабля алтаря, кафедры и исповедальни. Судя по записям, можно сделать вывод, что основной объём работ скульптор выполнил в Риге. 6 марта 1690 года оплачены путевые расходы одного церковного должностного лица, который отправился в Ригу «ради кафедры», а спустя несколько недель, 18 марта, мастер вместе со столяром и подмастерьями уже работает в Кандаве, устанавливая предметы убранства. Работы полностью закончены до 9 апреля.⁵ В этих счетах скрупулёзной точности (перечислены железные анкерные болты, с помощью которых крепилась основная конструкция ретабля и кафедры, указаны суммы, потраченные на продовольствие ремесленников) отсутствуют сведения о самих ремесленниках, указаны только общие названия профессий — «скульптор», «столяр», но не их имена.

Однако даже из этих скудных записей можно сделать некоторые выводы. Совершенно ясно, что скульптор не был проезжим мастером, ненадолго задержавшимся в Латвии и удачно получившим заказ, а являлся человеком оседлым, имевшим в Риге свою мастерскую с подмастерьями и учениками. В таком случае он должен быть одним из наиболее известных представителей рижской скульптурной школы. Его репутация, ви-

димо, была настолько прочна, что мог быть заключён договор с представителями провинциальной церкви, для которых опрометчивая легкомысленность совсем не характерна.

Используя в качестве подспорья упомянутую легенду о «тирольском мастере», можно было бы искать автора среди многочисленных, работавших в это время в Риге, скульпторов, однако ни один из них не отмечен как выходец из Австрии. Впрочем два наиболее известных рижских мастера — Михаэль Меркли и Иоганн Боденер (оба были приняты в цех каменотёсов в Гамбурге) прибыли из сравнительно близкого региона — из Швейцарии (один из Базеля, другой из Цюриха). Сохранился исчерпывающий материал об их частной жизни, браках, детях, разводах, но сведения о проделанной ими работе приблизительно и неопределёны.⁹ Вследствие непрерывных войн и смут в Риге мало что осталось от скульптуры эпохи барокко.

Даже после беглого просмотра немногих скульптурных памятников бросается в глаза одно из наиболее значительных произведений рижской школы — эпитафия старейшины Большой Гильдии Дитриха Дрейлинга в Домской церкви. Время её создания (ок. 1686 года) примерно совпадает с датировкой кандавских «Разбойников», даже то, что эпитафия высечена в камне, созвучно трактовке кандавских образов, поверхность которых приближена к фактуре обработанного мрамора. Особенно выгоден для сравнения центральный рельеф «Воскресение», в центре которого видим несколько обнажённых фигур — Христа и поражённых чудом римских легионеров. Эти образы наиболее наглядно отражают знание скульптором анатомии, хотя надо признать, что наряду с тонко и точно разработанными деталями и индивидуализированными выражениями лиц, пропорции тел не всегда удачно согласованы, чрезмерно крупные руки и ноги свидетельствуют о ремесленной примитивности, которая не чувствуется в Кандаве. Но констатация этого сходства не достаточно, если её не подтверждает имя скульптора, остающееся неизвестным.

По исполнению гораздо ближе кандавским «Разбойникам» крылатая головка ангела, украшающая пюпитр из церкви св. Николая в Пинки (1680-е гг., теперь Рундальский дворец-музей). Сглаженность форм лица и нежные переходы от лба к носу и глазам сочетаются с некоторыми только этому лицу присущими особенностями — крупным и широковатым носом, маленьким и даже несколько чувственным ротиком. Здесь нет столь распространённых в барочной скульптуре Латвии чётко врезанных в основной объём лица глаз, примитивно выразительных, но неподвижных взглядов ангелов. Однако и это сравнение не даёт окончательный ответ, кто же автор, поскольку не сохранились исторические данные о пюпитре церкви св. Николая в Пинки. Поэтому всё ещё актуальны дальнейшие архивные изыскания, отправной точкой для которых могут послужить новые сведения о датировке.

***

Кроме точной датировки «Разбойников» из кандавской церкви и поисков имени автора не менее важным является другой аспект изучения этих скульптур,

а именно иконографический. В христианской иконографии с распятыми разбойниками мы встречаемся в сцене Голгофы. Это не только центральная тема христианского вероисповедания, но и один из самых распространённых сюжетов в западноевропейском искусстве после падения римской империи вплоть до 19 века. К изображению этой сцены обращались не только почти все выдающиеся, но и рядовые ремесленные художники. Самый драматичный эпизод из цикла жизни и страданий Христа в каждую эпоху решался по-своему, мы рассмотрим только те варианты решений, когда в сцене неизбежно было присутствие разбойников. В декоративной скульптуре Латвии 17—18 вв. такое сюжетно развернутое отображение Голгофы почти не встречается (известен только еще рельеф второго яруса ретабля в бывшей церкви св. Троицы в Елгаве, автор — Хейнце, 1641 г.; алтарь уничтожен во время второй мировой войны); кроме того, эту сцену можно увидеть в церкви Нигулисте в Таллине, где она является дополнением к готическому алтарю «Св. Рода» (мастерская Яна Бормана?, ок. 1510 г. и 1552 г.). Поэтому в дальнейшем необходимо использовать не локальную, а общую иконографию «Голгофы».¹⁰

В эпоху первоначального распространения христианства сцена «Распятия Христа» обычно не изображалась, западное искусство даже избегало ее, слишком живуче было еще языческое представление о смерти на кресте как о самой позорной; только с постепенным исчезновением идеалов античности эта тема начинает появляться в изобразительном искусстве. Один из наиболее древних

схематизированных и символических примеров — рельеф на двери римской церкви св. Сабины (5 в.). Его даже нельзя назвать изображением распятия Христа, все три фигуры с крестами за спиной стоят на земле, притом центральный образ Христа вдвое больше разбойников. Позднее под влиянием сочинений средневековых мистиков акцентируется изображение страданий Христа, его драматически изуродованное, измученное скелетообразное тело, в то же время другие участники сцены Голгофы встречаются в изобразительном искусстве реже. Вместе с ростом интереса к прекрасному, правильно сложенному человеческому телу развернутое отображение «Распятия» становится популярным в период Ренессанса. Особенно много таких сцен в 15 веке в Италии, где, с ослаблением религиозно-мистических настроений, под влиянием светского искусства эта библейская сцена становится предлогом для изображения оживлённой, почти ярморочной толпы, выдвинутой на передний план, а распятый Христос с разбойниками становится ее фоном.

В 17 веке в условиях религиозного подъема эта тема снова становится одной из главных в изобразительном искусстве. И, хотя все еще пока недостает исследований, отражающих внесенные эпохой иконографические изменения, и все еще сильно представление, что барокко только переняло традиции прошлого и никакие тематические новшества не ввело, хотелось бы оспорить это допущение. Можно было бы даже сказать, что именно тогда была достигнута кульминация первоначальной содержательной трактовки данного сюжета. По сравнению

Центральная часть алтаря из Халберштадта

с Ренессансом в его интерпретации произошли существенные изменения, в отличие от прошлого драматизируется само событие. Разбойники, бывшие до сих пор второстепенными фигурами или жанровым дополнением, теперь создают психологический контраст Христу, и их подвергнутые физическим страданиям изогнутые тела выдвигаются на передний план (например, в работах фламандских живописцев Абрахама Янсена и Питера Пауля Рубенса, ок. 1610 г., 1620 г.). Это уже не схематизированные до знака, духовно и физически изломанные или в классически прекрасных позах застывшие тела, а мощная, полнокровная

и реалистически изображенная мускулистая плоть.

Важную роль в популяризации этих нововведений 17 века играла печатная графика. Гравюры с картин и скульптур выдающихся мастеров можно было легко умножить и быстро распространять. Возможно, особое значение в трактовке сцены «Распятия» имела алтарная картина П. П. Рубенса из церкви Реколектен в Антверпене (теперь в художественном музее там же, 1620 г.), копии ее уже во время жизни живописца делал один из гравюров мастерской Рубенса — Б. Болсверт.¹¹ Кажется, что под влиянием таких гравюр и, в более широком

значении, фламандского искусства и были созданы фигуры кандавских «Разбойников», — точно повторены позы и похожи выражения лиц. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что в Риге находим еще одно относящееся примерно к этому же времени повторение картины Рубенса в филенке хоров церкви св. Яна. В отличие от пластического варианта сходство здесь нагляднее, а то, что живописец знал не оригинал, а гравюру, подтверждает свободно избранный колорит картины. В Курземе в центре ретабля церкви в Бате (ок. 1700 г.) также видим ту же сцену, только здесь ей локальную оригинальность при-

26 Dec 1700

№ 90 -

220 Martij

Господин Тидвиц совместно с плотником всю неделю использовал троих парней для нужд ваятеля и столяра, дабы воздвигнуть алтарь, кафедру и исповедальню

Копия архивного счета: «Господин Тидвиц совместно с плотником всю неделю использовал троих парней для нужд ваятеля и столяра, дабы воздвигнуть алтарь, кафедру и исповедальню»

Гравюра Б. Болсверта по картине П. П. Рубенса

Роспись хоров из Рижской церкви св. Иоанна

дают неточности, допущенные неволькой рукой художника.¹²

Чтобы всестороннее характеризовать возможные варианты «Распятий» в эпоху барокко, следует обратиться не только к шедеврам искусства 17 века, но и к произведениям, созданным в ремесленной среде. Как уже указано, в Латвии мы не можем проследить эволюцию этой темы, поэтому примеры взяты из близлежащих регионов. Разумеется, за пределами Латвии круг аналогий расширяется, однако он не слишком велик. Сходные решения находим, например, в Германии в церкви села Затцкорн (1670 г., область Потсдама) или в Польше — в церкви св. Варфоломея в Пасленке (ок. 1690 г., Г. Хинц, И. Рига). Для воображаемой реконструкции первоначального расположения кандавских образов подходит также центральная группа «Распятия» из ретабля 1696 года в церкви св. Мартина в Хальберштадте.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что иконография кандавских образов согласуется с теми принципами,

которые с самых древних времен были определяющими в религиозной иконографии Западной и Восточной Европы, и полностью совпадает с тематической программой, актуальной в 17 веке. Также следует еще раз подчеркнуть, что «Разбойники» из церкви в Кандаве принадлежат к наиболее полноценному воплощению идеалов эпохи барокко в скульптуре Латвии. Хотя приемы, использованные для создания образов, не оригинальны, а заимствованы, подход автора не лишен творческого начала и не был поверхностным. Обе фигуры, несомненно, возвышаются над ремесленным уровнем и приближаются к тем высшим стандартам художественного совершенства, которые явились источником вдохновения автора.

¹ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2728, оп. 8, д. 242, л. 4—5, 9—10.
² Необоснованным лишь является отнесение этих образов к автору скульптур в церкви в Сака. Arends P. Arhitektūra un baznīcas māksla Talsu novada. Rīga, 1935, 16—18. lpp.
³ Vipers B. Latvijas māksla baroka laikmetā. Rīga, 1937, 182 lpp.

⁴ Neumann W. Bericht über das Ergebnis der Enquête der kirchlichen Altertümer in Liv-, Est- und Kurland. Riga, 1914, S. 7.
⁵ ЦГИА Латв. ССР, ф. 2728, оп. 8, д. 20, л. 14—15.
⁶ Там же, д. 136, л. 146.
⁷ Там же, д. 20, л. 101.
⁸ Там же, д. 242, л. 3—10.
⁹ Campe P. Lexikon liv- und kurländischer Baumeister, Bauhandwerker und Baugestalter von 1400—1850. Bd. I, Stockholm, 1951, S. 120—121, 145.—147.
¹⁰ Künstele K. Ikonographie der christlichen Kunst. Bd. I, Freiburg im Breisgau, 1928, S. 446.—476.; Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. IV, Rom-Freiburg-Basel-Wien, 1972, S. 56.—58.
¹¹ Rooses M. L'oeuvre de P. P. Rubens. Vol. I, Anvers, 1888, pl. 104.
¹² Церковь уничтожена в годы второй мировой войны, сохранились лишь немногие фотоснимки предметов ее убранства. Коллекция Х. Страздия в Отделе редких книг и рукописей Государственной библиотеки Латв. ССР им. В. Лациса.

R 62

Перевел ЭДУАРДС КЛЯВИНЬШ

ЮРИС ДИМИТЕРС

РЕЧЬ

Поскольку лучшие мои годы прошли во время застоя, и тогда же я сложился как личность, то позвольте извиниться и прочитать эту речь по бумажке.

Не буду рассуждать о теории искусства — это не мой конек. Для меня социалистический реализм начинается, когда я захожу в киоск худфонда и убеждаюсь, что там уже полгода нет белой краски. Наверно, потому я и приготовился к прениям — а что еще делать, раз краски нет?

Несколько лет назад у меня брала интервью одна западная телекомпания (официально — присутствовали товарищи из столицы и из Риги). Один эпизод выглядел так.

- Вы бывали в Лувре?
- Нет, но мой друг целый год стажировался в Италии.
- Вы бывали в Лондонской национальной галерее?
- Нет, но мой друг целый год стажировался в Италии.
- Вы бывали в музее Прадо?
- Нет, но...

Это было почище инквизиции, и я отчаянно пытался спасти престиж государства. Меня спасла мама — она сказала, что дедушка и бабушка неоднократно побывали во всех этих странах.

Что же это за путы у нас на ногах, мешающие нормально путешествовать, познавать мир, как все художники путешествовали во все времена? Это бюрократия — в своем историческом развитии, во всем своем сегодняшнем роскошном спектре. И напрашивается вывод — мы теперь не в окружении капиталистов живем, а в окружении бюрократов.

Неделю назад состоялась встреча в Центральном Комитете КП Латвии. На ней присутствовали, с одной стороны, руководство республики, а с другой — правление Союза художников и парторганизация Союза художников. Состоялся, как я считаю, очень откровенный и демократичный разговор. Нас выслушали, поняли и выразили желание помочь; но и от нас ждали идей, советов, поддержки. Но в то же время я чувствовал, что между нами — незримая стена. На несколько часов мы смогли подняться над ней, протянуть друг другу руку, и вот опять все вернулось на свои места.

Опять на пути встает стена, не дает шевельнуться, мешает диалогу, неверная акустика не только искажает слова, но и уродует мысль. С этой стеной нужно бороться, ее пора уничтожить, и это должны делать все мы вместе. Рушить ее сразу со всех сторон.

И потому свое сегодняшнее выступление я посвящаю бюрократии.

Все, связанное с заграничными поездками, превратилось в апофеоз канцелярщины. По сей день эти путешествия — полная монополия бюрократии. Я собирался на выставку своих работ в Питсбург, США. И мое дело прошло через семь инстанций.

Такие незначительные этапы бумажного марафона, как Президиум Союза художников Латвийской ССР, его секретариат, отдел кадров и партбюро я даже не считаю. По моему скромному подсчету, в этом процессе приняли участие человек пятьдесят и затянули его на четырнадцать месяцев.

В результате плутания по этим абсурдным лабиринтам, где и загадочность, и психологическая рулетка, и фатализм, поездка за границу приобретает гипертрофированную, метафизическую

ценность. Хотя мы, марксисты, можем вычислить ее цену. Сегодня это — вложенный в подготовку к путешествию обязательный труд на московский рейс. И вдруг выясняется, что мой паспорт пропадает! (Потом я обнаружил его в дорожной сумке, за подкладкой.) Меня прямо затрясло, слова выговорить не могу, зубы стучат. Но паспорт не находится. Ну, конец...

Вот пример из жизни, так сказать, эмпирический пример. В Вашингтонском аэропорту мне нужно было пройти регистрацию на московский рейс. И вдруг выясняется, что мой паспорт пропал. (Потом я обнаружил его в дорожной сумке, за подкладкой.) Меня прямо затрясло, слова выговорить не могу, зубы стучат. Но паспорт не находится. Ну, конец...

— А у вас других документов нет? — спрашивает чернокожая девушка, которая здесь одновременно является полицейским, пограничником, таможенником и билетным контролером. — Видительские права, какая-нибудь другая бумажка?

Ничего у меня не было, потому что никаких документов с собой брать нельзя. Единственная бумажка, которую я дрожащей рукой извлек из кармана, была сложенная в несколько раз провинциальная пенсильванская газетка. Там я был сфотографирован с плакатом в руках, а на плакате — лебедь, чья шея нарезана, как колбасные кружочки. Девушка рассмеялась и со смехом показала мне рукой, что, мол, можно выехать.

А теперь сравните вышеупомянутые семь инстанций, полсотни человек и четырнадцать месяцев с чернокожей девушкой, которая разрешила мне улететь, поверив скромной газете. А в то время, как она принимает решение, семь инстанций, полсотни людей в течение четырнадцати месяцев трудятся в Соединенных Штатах, производя национальный продукт, а не тратят жизнь на ненужные бумажки и занятия спиритизмом. (Смех в зале.) Вы смеетесь — значит, Маркс правильно сказал, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым.

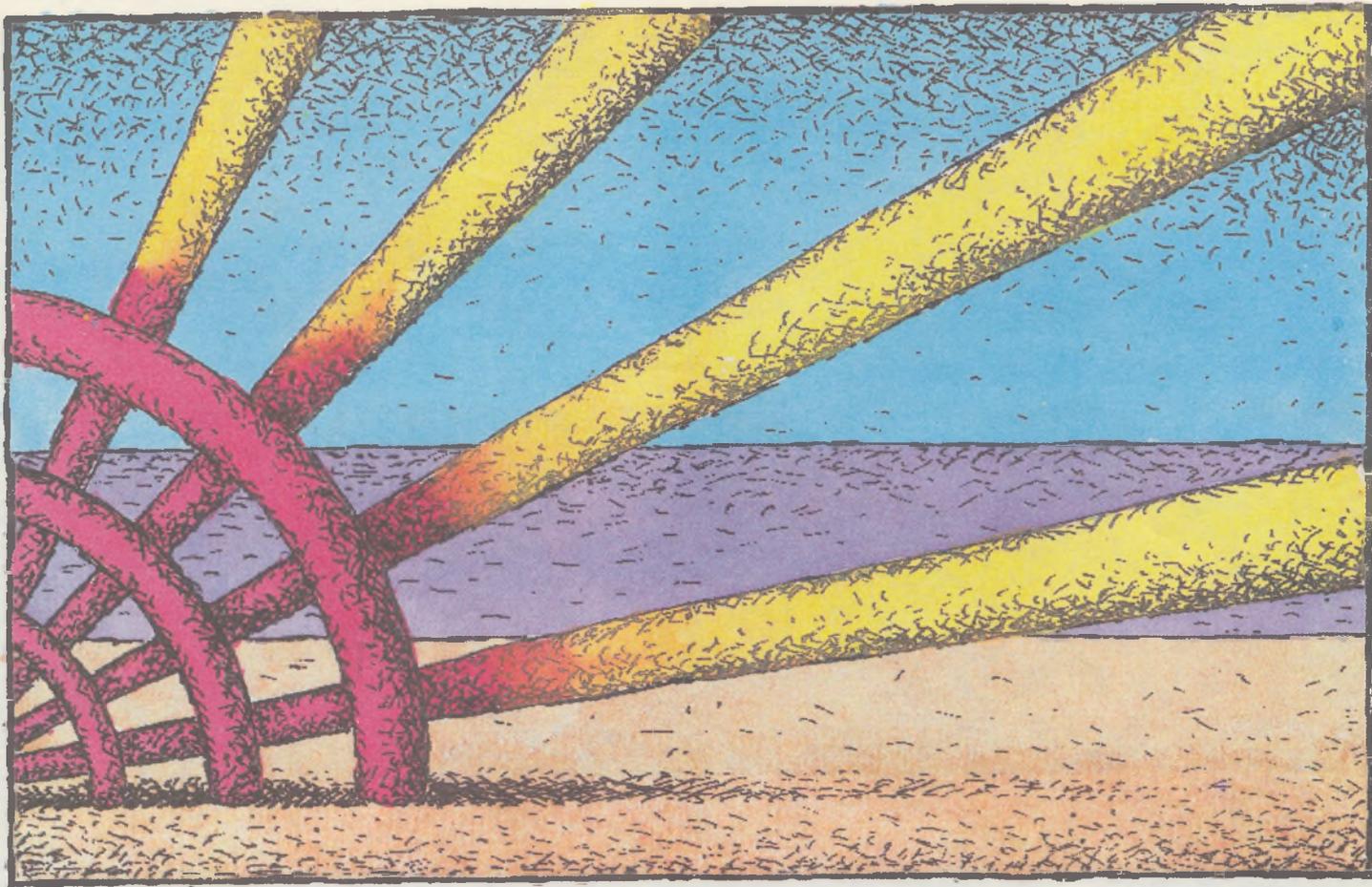
«Нам надо черпать обеими руками хорошее из-за границы», — так сказал Ленин.

Следующая проблема, обязанная своим появлением этой вынужденной изоляции, это проблема информации, обмена информацией. Каждая отрасль могла бы перечислить свои аспекты проблемы. Я выскажусь с позиции плакатиста.

Ситуация такова — унизиительно, когда художник получает из Лахти (Финляндия) предложение приобрести за полцены каталог лахтинского биеннале, в котором репродуцированы его работы, и ничего не может поделать — ведь у него нет ни единого цента. А куда девается вся валюта, полученная за его работы, проданные через Всесоюзный салон, — черт ее знает. Кроме того, даже будь у него валюта, он не мог бы ее отправить по почте в Финляндию, Японию или еще куда-нибудь, где происходят международные выставки. Значит, обыкновеннейший каталог ему не раздобыть, что уж говорить об искусствоведческом журнале.

А те, которые Там, только диву даются и продолжают слать предложения приобрести каталог за полцены. А если откровенно — так они ухмыляются. Я оптимист, и в душе уверен, что говорю о дне вчерашнем. Это придает силы. Уже сегодня многие законы и инструкции пересматриваются. Но так быстро это все не случится, поскольку лестницу начинают мыть сверху. (Смех в зале.)

Закон должен не максимально ограничивать человека, а это было до сих пор, а максимально освобождать его, оберегать от всяких ограничений и от тех, кто их придумывает. Гете сказал —

Закон делает свободным. А у нас это до сих пор звучит парадоксально.

Следующий вопрос — об экспорте произведений искусства. Этот путь обязательно нужно сократить, сделать его более соответствующим политике перестройки в нашей экономике, в нашем мышлении. Надо ликвидировать лишние звенья, которые только пробуксовывают и тормозят. Незачем посылать работы за границу через Всесоюзный салон, никому не нужен этот гигантский бюрократический зигзаг, наш собственный салон должен стать работающей на экспорт организацией. Нужно брать налог с каждой проданной работы, а остальное выплачивать художнику в чистом виде, в рублях, валюте или чеках. И все это должно происходить в той республике, где создано проданное произведение искусства. Для чего же тогда Министерство культуры, Министерство финансов, Худфонд Латвийской ССР, Союз художников, художественный салон? Неужели только для заколачивания гвоздей в ящиках с посылаемыми в Москву работами?

Затем — о произведениях искусства и таможенных законах. Здесь стена стала за последние десятилетия вдвое толще.

Думаю, что, пока художник жив, он должен сам решать, на какие выставки посылать свои работы, в какие коллекции и каким частным лицам продавать их, используя помощь экспортных организаций, или совсем элементарно — помощь почты. Для того почта и существует, для того и таможня на берегу Даугавы. Но — опять все то же. Запрет. А почему нельзя? Никто не знает. Так проще...

И какой же вывод из всего вышесказанного? Наступило время децентрализации. Пока мы не будем автономны от Всесоюзного союза художников, от Всесоюзного худфонда, от Всесоюзного экспортного салона и еще многих вышестоящих организаций, о перестройке не может быть и речи. Ведь если мы настолько им подчинены, то и перестраиваться нам придется, подчиняясь. В таком случае инициативы не жди. Что скажут — то и будет исполнено. (Аплодисменты.)

Не так давно пришлось мне посылать работы на варшавское биеннале плакатистов. Но поехать они должны были совсем в другую сторону — в Москву. Потому я решил начать перестройку с себя лично и отправить их прямым путем. В Варшаву через Даугавпилс. Сам. Раньше это называли бы анархией. А сегодня? Наверно, точно так же. Впрочем, посмотрим...

Когда за границей встречаешься с каким-нибудь плакатистом, рано или поздно он спрашивает, как нам всем живется в том боль-

шом доме на бульваре Гоголя, ибо в каталогах варшавского биеннале вот уже много лет указывается один адрес для всех советских художников — Москва, бульвар Гоголя, 10. Это адрес Союза художников СССР. И опять Они Там ухмыляются.

Как это за многие годы не вредило только нашему престижу! И в сегодняшних условиях, в условиях нового мышления, каждый такой чиновнический ход можно расценивать как неприкрытое вредительство, подрывание авторитета государства.

А вот и другой характерный эпизод. В 1982 году меня пригласили принять участие в работе жюри международного 5 биеннале плакатистов в Лахти. В нем участвуют только шестеро художников из разных стран мира. Приглашение было направлено в Союз художников СССР и в Ригу. Я был на седьмом небе, тогда это стало как бы вершиной моей творческой биографии. Высочайшая оценка моей деятельности как плакатиста. Некоторое время спустя получаю из Финляндии письмо: «Уважаемый господин Димитерс, выражаем сожаление, что Вы не примете участия в работе жюри...» И прилагаются две копии писем — письмо из Союза художников СССР и ответа, посланного туда организаторами выставки. Содержание московского письма примерно таково: считаем, что Димитерс не подходит для работы в жюри вашего биеннале, и потому с нашей стороны мог бы поехать товарищ Н.

И финны очень дипломатично ответили: к сожалению, господин Н. не сможет принять участие в работе жюри, поскольку, выбрав господина Димитерса, мы приняли решение в случае его отказа или невозможности по каким-либо причинам приехать ввести в жюри шведского художника Альфа Морка.

А теперь подумаем, как один этакий бюрократический пируэт, как волонтаристски-административное вмешательство в нормальный ход событий повредило престижу Союза художников СССР и нашей страны, как это «вдохновило» зарубежное общественное мнение. Мы любим подчеркивать, как их «правая» пресса создает отрицательное отношение к нам в разных слоях общества. Когда к нам прибыл на свой вернисаж плакатист Юкка Вейстола, я получил возможность удостовериться в том, что финским художникам известна эта история. Юкка Вейстола тоже усмехался. Таким образом, наша бюрократия одним таким по сути анекдотическим письмом, деликатно выражаясь, добавила капельку скепсиса в отношение многих финнов, участвовавших в организации выставки, а также членов жюри, к нашей стране. Это — близорукая культурная политика, это — действие в защиту интересов узкой

группы. И сегодня мы должны проанализировать все ошибки. Чтобы чему-то научиться.

А теперь — о делах типографских. Чем латышский плакат привлекает внимание за рубежом? С одной стороны — силой художественного образа, своеобразным почерком, а с другой стороны — плохим качеством бумаги, плохой полиграфией. Значит, мы, плакатисты, своим талантом поднимаем престиж государства, а полиграфисты это подрывают. Вот вам парадоксальная ситуация, отраженная на одном-единственном листе бумаги. Выходит, мы не можем напечатать лучше, потому что у нас социализм, а они там печатают лучше потому лишь, что у них капитализм. (Смех и аплодисменты.) Но, между прочим, это мнение не мешает спокойно спать многим ответственным руководителям, и они преспокойно продолжают дискредитировать социализм в глазах всего мира.

Недавно, размышляя об отсутствии у нас в республике постоянной экспозиции современного искусства, я вспомнил одну вещь, забыть о которой было непростительно. Она тоже имеет отношение к полиграфии. У нас нет больше репродукций работ латышских художников, а это и справочный материал для профессионала, и путь искусства в народ. Когда я был ребенком, еще не перевелись коллекционеры репродукций. Возродить репродуцирование работ современных художников и классиков — это была бы значительная культурная акция, подлинная демократизация искусства. И совершенно ясно, что Союзу художников необходима своя полиграфическая база. Сколько же можно попросить у порога Образцовой типографии и «Цини»!

Немного об авторском праве. Думаю, мы единодушно согласимся, что художник должен получать вознаграждение в соответствии с тиражом плаката, или прикладной книжной графики точно так же, как его получает композитор за музыкальное произведение или драматург — за постановку пьесы.

Именно в театре нагляднее всего проявляется эта дискриминация. Возьмем двух творческих работников — сценографа и композитора. Зарплаты у них примерно одинаковы — 150 рублей (сегодня — как раз на пару штанов хватит). Я отвечаю за визуальное оформление, он — за музыкальное. Я получаю только месячный оклад, и ни гроша больше, никаких гонораров. Он в придачу к зарплате получает, во-первых, проценты с кассового сбора от каждого спектакля (к тому же, в Художественном театре повысили цены на билеты), плюс Министерство культуры покупает у него в среднем рублей за восемьсот нотную тетрадь с партитурой.

Разве это справедливо? Недавно было 250-е представление «Шерлока Холмса», и я задумался — ведь все эти десять лет

Паулсу капали рублики. Я не против того, чтобы они ему капали, я только хочу, чтобы и мне малость капнуло. Иначе придется однажды авторитарно провозгласить официальную привилегированность музыкальной музыки.

И я в конце концов вынужден был уйти из театра. Я не так богат, чтобы в нем работать.

Как вы видите, нет особых стимулов и рисовать плакаты для издательства, сдавать работы в экспортный салон, участвовать в зарубежных выставках, работать в театре. Приходит апатия, этот идеал древнегреческих философов, как сказал Янис Рокпелнис.

Но это было вчера. В стене заметны трещины, хотя в постройке чувствуются древние и прочные традиции.

Когда Ленин был особенно возмущен новой советской бюрократией, а было это еще в двадцатые годы, тогда симптомы болезни только появились, он сказал настолько крепко и сочно, что мне даже страшновато повторить это по-латышски: «Наши учреждения — дерьмо, наши законы дерьмо. Мы умеем предписывать и не умеем исполнять. В наших учреждениях сидят враждебные нам люди, а иные наши товарищи работают как дураки».

Думаю, что все наши точки зрения сформируют в теперешней атмосфере гласности демократические гарантии свободы человека как уникальной личности, для его всестороннего развития и для его защиты. О защите личности человека, о защите его души разговор еще впереди. Личность и душа все эти десятилетия загрязнялись примерно так же, как окружающая среда.

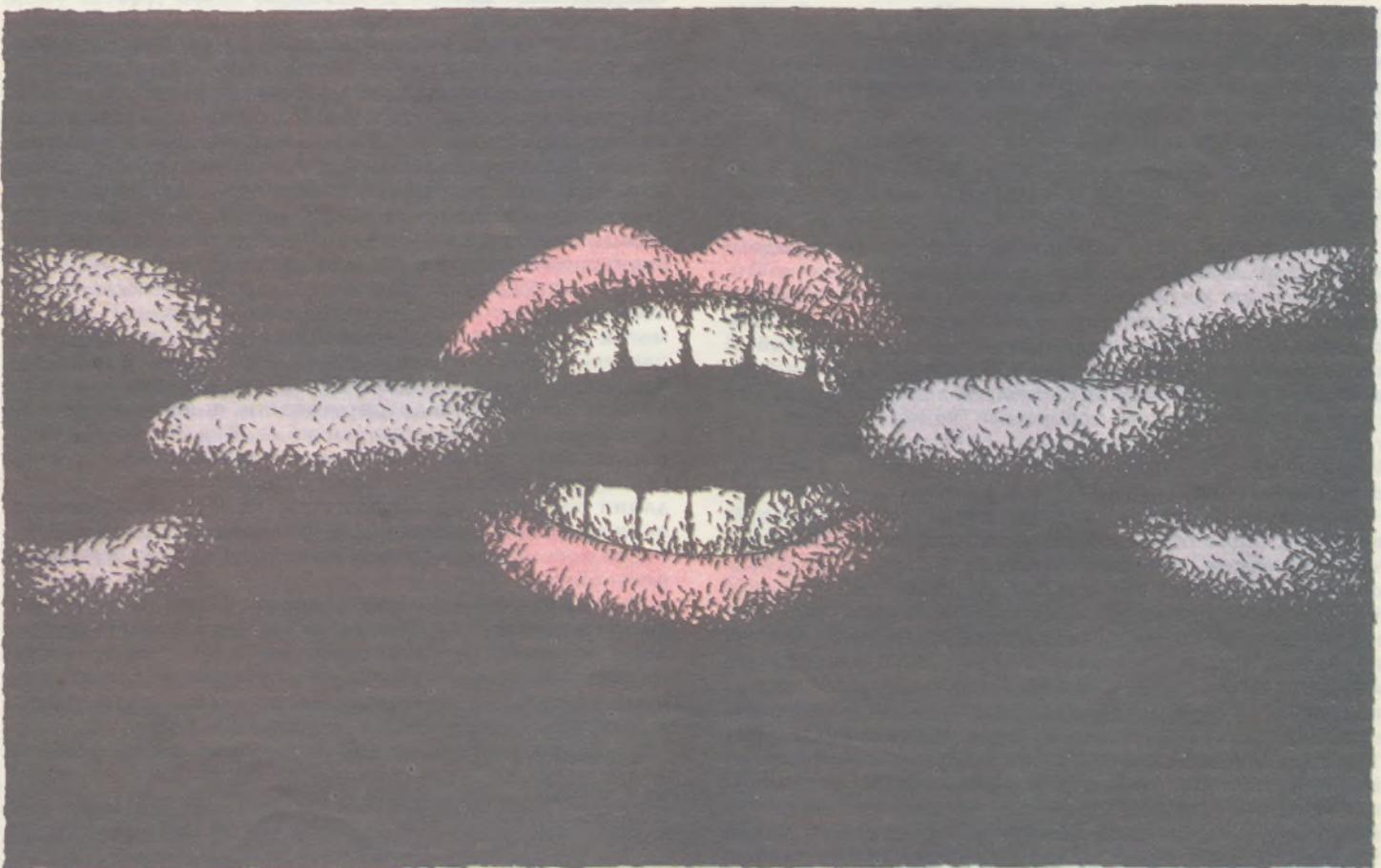
И если мы вспомним сегодня о судьбе одного из наших замечательнейших мастеров Яниса Паулюкса, то я внесу оргпредложение — чтобы художника можно было исключить из Союза художников лишь открытым голосованием, на общем собрании. Это было бы реальной гарантией защиты личности. И — навсегда.

Второе предложение — создать комиссию, в которую вошли бы юристы и представители Союза художников, чтобы в атмосфере гласности пересмотреть дело художника и искусствоведа Юргиса Скулме. Нельзя допустить, чтобы наш коллега, художник, столько сделавший для культуры Латвии, для изучения ее культурного наследия, работал бог весть где истопником.

И мое последнее предложение. Назрел вопрос о создании комиссии и фонда пожертвований для создания памятника жертвам культуры личности в нашей республике.

В завершение я присоединяюсь к братьям Стругацким, которые сказали: «И если придется сражаться всерьез, то мы будем на стороне Горбачева!» (Долгие, бурные аплодисменты.)

РИСУНКИ АВТОРА

ЛЮДМИЛА РАЗУМОВСКАЯ: «ЗА БЫТОМ ВИДЕТЬ БЫТИЕ»

— Представляю, что творилось в вашей душе, когда пьесу «Дорогая Елена Сергеевна» шедшую во многих театрах страны, сняли вдруг с репертуара...

— Да нет, знаете, отнеслась к этому как к должному. Скорее, была удивлена и восприняла как нечто противоестественное сам факт ее постановки — для того времени.

Людмила Разумовская мерно вышагивает по своему номеру писательского Дома творчества в Дубулти. Взгляд ее огромных глаз обращен «внутрь», в себя. В те почти пятилетние давности дни. А за окном — октябрь 1987-го, когда она впервые увидела, наконец, свою пьесу в Рижском ТЮЗе, возобновленную здесь в этом сезоне. После спектакля автора вызвали на сцену, были цветы и долгие аплодисменты. Не дожидаясь, пока они смолкнут, смущенная таким вниманием и приемом женщина, поклонившись и произнося одними губами «спасибо», скрылась за кулисами. Потом была встреча с актерами, завлитом и педагогом театра. Ей рассказывали, как мечтали восстановить спектакль, поставленный москвичом Е. Арье. Как не разбирали декорации московского сценографа Д. Крымова, надеясь, что обязательно еще понадобятся, и даже использовали их в постановке «Крестиков-ноликов»... А сейчас «Елена Сергеевна» опять идет на многих сценах страны.

— Людмила, за двенадцать лет вы написали девять пьес, заканчиваете десятую. Что — главное для вас — вы стремитесь в них высказать? Ваша Тема?

— Судьба человека в эпоху застоя. Сплошь и рядом человек не мог реализовать ни творческие, ни чисто человеческие, ни социальные свои возможности. Он казался лишним обществу, и все его усилия — ненужными. Он, если не был подлецом, — либо расшибал голову о стену, либо отходил в сторону, уходил в бездействие, в нем атрофировались все волевые, все мужские начала. Все это порождало вялого, аморфного героя. Усталого — от не-жизни, не-бытия, не-действия. И уже не желавшего никакого действия, никакой ответственности.

В самой трагической ситуации оказалась женщина. В ней произошло отчуждение не только социальных начал, но и самой биологической женской сути. Зачастую она не могла иметь ни дома, ни семьи, ни детей. За эти элементарные права ей приходилось бороться, и это превращалось часто в неразрешимую, трагическую проблему. Вот и возникает в моих пьесах конфликт между активной, страстной женской натурой и пассивной, вялой мужской. Эмансипация — тоже явление социальное. Мы ее добились, но поняли очень вульгарно. У нас женщина несет двойную нагрузку и ответственность, а мужчине стало вдруг очень удобно существовать в такой системе, когда ему не надо отвечать по настоящему ни за материальное положение семьи, ни за воспитание детей. Отсюда — безответственность мужская и невыносимая тяжесть женская.

И еще. Мы твердили о патриотическом воспитании, а делали, кажется, все, чтобы воспитать человека, свободного от своей истории, культуры. Тип высококультурного, интеллигентного человека почти исчез, за редчайшим исключением. И нам нужно теперь заново учиться, с азов — говорить элементарные «спасибо» и «пожалуйста»...

Очень тревожит жестокость.

Пытаюсь вспомнить, представить, как это звучало тогда, всего несколько лет назад, когда мы многого не знали, а остальное старались «не знать». Так и всплывают фразы из разговоров. «Лучше не думать, а то совсем жить станет невозможно». Да, многие остались честными и порядочными. Но на этой порядочности прекрасно удавалось паразитировать другим. И если бы не нашлись среди этих честных и порядочных еще и такие (из тех «героев», о которых мечтает в пьесе Ляля), кто был способен не только дрожать над своей порядочностью, хранить ее в неприкосновенности, но и заставить работать ее потенциальную положительную энергию... Еще чуть-чуть — и не знаю, где бы и кем бы мы сегодня оказались.

Эти проблемы возникли не вдруг, а из атмосферы фальши, в которой общество вынуждено было существовать долгие годы и с которой, приходится признаться, мы, «шестидесятники», во многом смирились и примирялись. Все это привело к взрыву. Появились и выросли никому не верящие на слово люди. Появилась нравственная вседозволенность. А когда нравственные критерии размыты, разрушается личность. Это печальный результат, и истоки — в нас, старших. Мораль любого народа опирается на многовековые устои. Одной из коренных особенностей нравственного сознания русского народа, например, всегда была жалостливость, величайшая способность к состраданию, милосердие. И то, как могли поколебаться эти коренные черты народного характера — поразительно! Какой был неумолимый процесс изгнания из народной души этих качеств — насаждением всеобщей подозрительности, шпионажа, возникавших из страха за свою жизнь... Как это постепенно разлагало души! Неумение осознать свою вину, неспособность к покаянию — тоже один из моментов деградации народной нравственности, из них произрастают воинствующая агрессивность, желание обвинить во всех бедах кого угодно, только не себя. Это дает страшные результаты.

Если говорить о пьесе «Дорогая Елена Сергеевна», то при всем неприятии, всем отвращении, которые вызывают ее герои, представители молодого современного поколения, мы должны все же понимать, что их жестокость — плод нашей общей, десятилетиями усугублявшейся жестокости.

— В вашей по-хорошему публицистичной, острой пьесе «закодированы» почти все эти проблемы, в ней я вижу своеобразный зародыш написанных вами позже произведений. «Многие остались просто людьми... честными, порядочными, добрыми... Это немало... они несут в себе тот необходимый элемент добра, правды и красоты, без которых скудеет нация...» — восклицает в пьесе Елена Сергеевна. Но...

Показать, какие мы, значит показать состояние нашего общества? Обычный путь — от частного, индивидуального — к общему. Непременно — общему. Возможно, именно эти обобщения и не понравились «запретителям» пьесы в 1983 году. Картина-то вырисовывалась грустная и тревожная...

— Да, когда-то это многим не могло прийти по душе. Но я продолжала писать. Слава богу, жизненные обстоятельства не оказывают на меня, на мою работоспособность решающего влияния. Работала. Поставят — хорошо. Не поставят — все равно пишу. Более того, достаточно печальные обстоятельства просто-напросто вынудили меня сделаться драматургом.

— ...?

— Всегда хотела стать актрисой кажется, родилась с этим желанием. Это было единственной страстью и смыслом жизни. Много лет поступала на актерское и то, что в результате осталась вне театра, было одной из самых больших жизненных драм. Тогда, не в силах отказаться от мечты, поступила в Ленинграде на театроведческий, который и окончила в 1974 году. А поскольку профессия театроведа достаточно неопределенная, неконкретная, что ли, с работой долгое время были не просто сложности — было просто никак. К тому же родилась ребенок. А я фактически без профессии. Но ведь силы, энергия, способности потенциально, от природы, имелись. И — такой вот неожиданный (а может, и естественный) скачок — в драматургию.

— Первой была «Семья»?

— Да, сочинила ее двенадцать лет назад. Начала с тем сугубо проблемных — о взаимоотношениях поколений, мужа и жены. Тема семьи интересует меня и поныне, но стараюсь выйти теперь на попытки осмысления бытия вообще, смысла жизни.

Пьесу подписала псевдонимом и отнесла в ленинградский театр имени Ленинского комсомола. Завлит Александр Владимирович Гетман отнесся ко мне, начинающему автору, очень сердечно. Я многим ему обязана, может, даже всем своим дальнейшим существованием, всей творческой судьбой. Ведь редко кто к тебе отнесется в театре с таким искренним вниманием, так активно стремится помочь и, что самое удивительное, действительно поможет! Александр Владимирович первым вдохнул в меня веру в то, что могу заниматься драматургией. Сейчас все больше слышу, читаю о тех, кто в чем-то мешал и мешает, тормозит. И правильно, надо называть их. Но необходимо, чтобы все знали и о светлых людях, честных, тонких и талантливых, умеющих радоваться живому, новому и поддерживать его. Мне на таких везло. Благодаря педагогам, впервые стала что-то осознавать в своем отношении к театру, драматургии. До этого была всего лишь слепая любовь, но не понимание — мира, его проблем, истории. Кроме того, до самой кончины драматурга Дворецкого занималась в его мастерской. А это чрезвычайно важно, иметь молодому писателю, да любому творческому человеку, такое место, где можно встречаться, так сказать, с себе подобными, обсуждать все, что интересует, спорить — профессионально.

И хотя с постановкой «Семьи» тогда ничего не вышло, появилась уверенность в себе, появились силы — продолжать.

После того, как родилась пьеса «Под одной крышей» и прошли ее постановки в Ленинграде, Новосибирске и еще нескольких городах, А. Гетман дал молодому драматургу рекомендацию для высших театральных курсов в Москве. Тем временем был завершен «Сон старого дома». А в 1979-м Министерство культуры РСФСР заключило договор с драматургами-слушателями курсов.

Надо было написать пьесу по тематике, интересующей министерство. Разумовская выбрала тему трудных подростков. Заключила договор, получила аванс, стала думать. Долго искала поворот темы, пробовала даже в суд ходить — сюжет не возникал. И вдруг — проклю-

нулся совершенно неожиданно, «сам по себе». Через год «Дорогая Елена Сергеевна» была готова к предъявлению. Но «заказчик» пришел в ужас, а московский редактор просто-напросто не хотела пьесу регистрировать.

— И кто же решил ее тогда первым поставить?

— Тут тоже произошел незапланированный поворот событий. Когда была проездом в Таллине, пьесу прочел режиссер Яак Аллик. Понравилась. И вскоре в Молодежном театре ее поставил Калью Комиссаров. Так вот и состоялся мой драматургический дебют в 1981 году. А в следующем «Елена Сергеевна» пошла уже на сцене Ленкома в Ленинграде, в режиссуре Семена Спивака. И насколько в Таллине все было без препятствий и сопротивления, настолько тяжело — в Ленинграде. Очень много «сдач» — смотрели и различные комиссии, и партийное руководство. Вышел, разумеется, спектакль в «смягченном» варианте. На одном из просмотров понравился Розову, который написал о своих впечатлениях в «Литературную газету». Постановка, а значит, и пьеса, получили рекламу. И с лета 82-го по май 83-го ее играют во многих театрах по всей стране, от Прибалтики до Хабаровска... Кстати, с Прибалтикой меня многое связывает. В Эстонии состоялся мой дебют не только как драматурга, но и как киносценариста. Только что закончила сценарий для «Таллинфильма» по роману Бээкман «Возможность выбора», по заказу киностудии. А в Дубулти, на семинаре молодых драматургов, куда привез меня Дворецкий, заканчивала в свое время «Елену Сергеевну». Здесь же написала часть своей «Русалочки», начала последнюю по времени пьесу. Не говоря уже о том, что просто-напросто вскоре после войны здесь, в Риге, я родилась. Правда, родители вскоре уехали из Латвии. Я была почти младенцем, ничего, разумеется, не помню из тех дней.

— Рижский ТЮЗ одним из первых поставил вашу пьесу и первым — возобновил постановку «Дорогой Елены Сергеевны»...

— Ваш спектакль, по сравнению с другими, сделан достаточно жестко, и даже сымпровизированы некоторые новые куски текста.

— Это в диалоге между Еленой Сергеевной — Федоровой и Лялей — Калмыковой, когда учительница убеждает, что есть еще бескорыстные, высокоидейные люди?

— Да, и Ляля, как удар по лицу, — «Ну, знаете!.. Сами уничтожили их или позволили уничтожить, а теперь вспомнили!»...

Это кажется мне вполне оправданным. Сама я всегда склонна обострять драму, тем более, что в таком сюжете все должно воздействовать на зрителя очень сильно. Потрясать. И такие взрывные моменты в вашем спектакле есть. Есть и цельность, и логика своя, он меня убедил. А если сущность конфликта и проблемы доходят до зрителя, задевают — цель достигнута.

— Но вернемся в май 1983. Пьеса больше не идет...

— Настал трудный момент моей жизни, ведь все созданное мною к тому моменту само собой, автоматически перечеркивалось.

А в БДТ как раз репетируют мой «Сад без земли». Пьесе долго не давали «лит», а вышла она в конце концов под названием «Сестры» в постановке Геннадия Егорова. И только благодаря защите и поддержке Георгия Товстоногова, беседовавшего по этому поводу с министром культуры. В результате разрешили играть, но только в БДТ и только на малой сцене. Вообще история с «Садом» драматична. Пьеса намного, мне кажется, значительнее, нежели вышедшие на сцену «Сестры». Пришлось ее уродовать. И это было очень больно. В пьесе, как она была задумана, хотелось достичь примирения с трагизмом бытия. У героини такая трудная жизнь, она так несчастна и так озлоблена своими несчастьями, что доставляет всем массу неудовольствий

ФОТО ОЛЕГА ЗЕРНОВА

и считает, что выстрадала это право — быть жестокой и ненавидеть весь мир. Но все же приходит к осознанию собственной вины, к покаянию — и к освобождению своей истинной человеческой, женской сути. Она принимает жизнь с достоинством мужественного человека, больше не отвечая злом на зло, не усиливая могущества зла.

Взаимосвязана с «Садом» и моя любимая пьеса, «Майя». Это попытка осмыслить судьбу нынешних сорокалетних, трагедию их нереализованности, их духовного вымирания. А, с другой стороны, — взглянуть на мир шире существующих социальных обусловленностей. Осознать жизнь как дар. Увидеть за бытом — бытие и за обезображенным человеческим лицом — «лик божий».

Естественна сегодняшняя реакция на отмену множества запретов — говорим о наболевшем. Но все же не для смакования безобразий, это не выход. Это вызывает чувство безнадежности. Именно сейчас необходимо как можно больше говорить о добром, прекрасном, идеальном. Культура, искусство должны поднимать человека, а не тыкать его бесконечно в грязь. Нет, ни в коем случае не выдавать черное за белое! Видеть белое и обязательно показывать его.

Но до 1986 года ничего, кроме «Сестер», у меня не шло. А «Сестры» идут и до сих пор, это теперь самая репертуарная моя пьеса.

— Кроме того и публикаций почти нет. Были когда-то те же «Сестры», но при всем желании как можно лучше познакомиться с вашим творчеством перед встречей, больше ничего в библиотеках найти не удалось. Есть ли здесь какие-то перспективы?

— В Ленинграде, в сборнике пьес драматургов мастерской Игнатия Дворецкого, появится мой «Сон старого дома». Готовится и сборник моих пьес, который, правда, должен выйти в свет только года через два... В театральных обзорах, рецензиях о моих вещах тоже пока мало упоминаний...

С 1986-го вновь начались постановки ее произведений. В Ленинградском театре драмы и комедии под названием «Месяц падающих звезд» впервые сыграна пьеса «Сон старого дома». Но... Тоже пришлось переписать ее для сцены почти полностью: не каждому режиссеру подходила царящая в ней приподнятая, романтическая атмосфера. Постановщик желал сделать из нее обычную социально-бытовую драму, что совершенно не совпало с устремлениями драматурга. К тому же, как водится, еще и разное начальство пыталось учить, как писать и чем закончить.

— Я и сама, конечно, была виновата: шла на компромиссы, и последовала неизбежная расплата за них... В прошлом году впервые в Краснодаре поставили «Медею», написанную в 1981 году. Теперь она идет и в Ленинграде, где ставится также «Майя», «Русалочка» и «Дорогая Елена Сергеевна».

— Не забудем и о вашем авторском дебюте в кино, в ленте Эльдара Рязанова, снятой недавно на «Мосфильме» по «Елене Сергеевне», с Мариной Нееловой и Витей Дунаевским в ролях. О чем пьеса, которую вы начали писать здесь, в Дубулти?

— Неожиданно для себя вновь засела за работу над социальной драмой, хотя, казалось, уже давно и навсегда отошла от социальной в прямом смысле. Пьесу пока назвала «Ровесник революции». Подробно рассказывать о ней не буду, заметила, что в таких случаях просто-напросто не дописываю до конца. Если коротко... В центре — семидесятилетний герой. На примере его судьбы хотела бы проследить 70 лет нашей страны. Будут в пьесе все поколения, как лакмусовая бумажка, — от девяностолетней старухи до семнадцатилетних мальчика и девочки. И, разумеется, мое поколение, — сорокалетних. Кто мы? Откуда? Куда идем? Что с нами было и будет? Вот на такие вопросы замахнулась.

— Что же, остается пожелать вам стойкости и мужества в поисках ответов. Трудных ответов.

ВАДИМ РУДНЕВ

ВВЕДЕНИЕ В XX ВЕК: НАПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРЕ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (ОКОНЧАНИЕ)

В определенном смысле люди конца XIX века оказались в трагическом, безвыходном положении: Бога не было, время неумолимо двигалось к хаосу, к распаду, к всеобщей смерти. Приходилось менять коренным образом свои воззрения на время, на историю — другого выхода не было. Надо было менять язык описания мира для того, чтобы найти в этом мире выход из положения. В поисках выхода обратились к более старым и испытанным моделям времени.

Дело в том, что энтропийная модель времени не является универсальной и в наши дни насчитывает не более полутораста лет своего развития. На протяжении двух тысячелетий христианская культура жила в соответствии с противоположной концепцией времени, которую можно назвать эсхатологической. Но самой древней и самой жизнестойкой, насчитывающей десятки тысяч лет развития была мифологическая циклическая модель времени. Мы и сейчас в быту во многом опираемся именно на эту модель: проходит воскресенье, наступает понедельник; проходит зима, наступает весна — все начинается сначала. В сознании людей мифологической эпохи все действительно начиналось сначала — никакого поступательного движения вперед не было: за смертью вновь начиналось рождение. Как говорится в одном пифагорейском фрагменте,

... снова повторится все то же самое нумерически (буквально, тождественно), и я вновь с палочкой в руке буду рассказывать вам, сидящим так передо мной, и все остальное вновь придет в такое же состояние.

Так же циклически моделируется в мифологической картине мира история, где более поздние события просто повторяют более ранние. Так же и в языке мифологической эпохи нет противопоставления прошлого, настоящего и будущего.

А как же в таком случае древние отличали текст и реальность, знак и то, что он обозначает? В том-то и дело, что у них этого противопоставления не было. Знак и был вещью, реальностью, символически повторенной в нем. На этом, как писал замечательный английский мифолог Джеймс Джордж Фрэзер, автор книги «Золотая ветвь», была построена так называемая контагиозная магия, по законам которой, проколов спицей восковую фигурку с изображением врага, мы тем самым в буквальном смысле убивали своего врага. Во всяком случае, сила этого «предубеждения» была так безоговорочна, что человек, увидавший свое проколотое изображение, немедленно умирал.

(Хотя, строго говоря, говорить о мифе нельзя, слово миф — это самоотрицающее слово. Ибо в сознании, где есть слово «миф», уже нет самого мифа, а там, где есть миф, там нет понятия мифа, как и нет вообще никаких понятий.)

Противопоставление текста и реальности возникает тогда, когда происходит демифологизация мышления, в частности, когда временной цикл развертывается в линейной последовательности, то есть на стадии эпического мышления, т. е. эпос в определенном смысле уже более или менее — текст.

Во времена Платона время — еще круг, но это уже один большой круг — Великий Год, а время — «подвижный образ вечности», вечности, которая времени не подчиняется. Поэтому понятия текста и реальности у Платона уже существуют (соответственно *techné* и *physis*), но все меняется местами. То, что для нас является реальностью, для Платона — мир текстов, подобий идеального истинного мира, а мир идей (в нашем смысле семиотический мир знаков) для него обладает свойствами высшей реальности. Именно развитие идей Платона в философии его духовных потомков неоплатоников, где наряду с античной картиной мира присутствовала уже иудейская динамическая модель времени и истории, и дает ту новую модель времени, которая в христианской культуре известна как эсхатологическая.

Наиболее подробно эта модель разработана в IV веке нашей эры одним из самых значительных раннехристианских авторов Блаженным Августином. История, пишет Августин в трактате «De Civitate Dei» («О Граде /или о Государстве/ Божьем»), есть противоборство двух миров: государства земного и Государства Божьего. Удача первого — разрушение, участь второго — созидание и завоевание Жизни Бесконечной, вневременного рая. Завязка исторической драмы, по Августину, — Первородный Грех, ее кульминация — Страсти Христовы, а развязка и цель — Второе

Пришествие и Страшный Суд, где каждому достанется по делам его. Мы видим, таким образом, что время града земного — это наше обычное энтропийное время, а время Града Божьего — это наше информативное семиотическое время, направленное в противоположную сторону.

И, конечно, в соответствии с этим прошлое и будущее, начало и конец, по средневековым представлениям, меняются местами. Это отразилось и в русской средневековой словесности. Так, по представлениям древнерусской летописи прошлое находится впереди (прошняя князь — это «передние князья»), а будущее — позади (будущая слава — это «задняя слава»).

Итак, согласно средневековым представлениям, истинная жизнь — это в нашем понимании жизнь текстовая, поэтому она и неподвластна разрушающему воздействию энтропии, а внезапная брэнная жизнь — это уничтожимая (и поэтому иллюзорная, кажущаяся) реальность. В основе здесь лежит учение о Первородном Грехе, которое в плане развиваемых идей можно интерпретировать следующим образом. Жизнь первых людей до грехопадения — вневременная, ахронная. Суть Первородного Греха, его квинтэссенция в том, что Адам дерзнул родить себе подобного, кощунственно взяв на себя функцию Бога, причем сделал это не из Божественных, телеологических побуждений, а из чисто человеческих. Отныне над человечеством тяготее проклятие нецелевой, брэнной жизни и переживания смерти как конца (по Августину, это совпадает с ветхозаветным периодом истории). Для искупления греха, то есть для возвращения утраченной людьми ахронности («Потерянного рая») необходимо повернуть время вспять, то есть пережить смерть как цель своего существования. Для этого Бог посылает на землю Иисуса, жизнь и смерть которого есть модель всеобщего искупления. Ибо смерть Иисуса — главная цель его жизни, жизни во имя завоевания ахронности человеком. Поэтому в идеале каждый христианин должен прожить жизнь по модели жизни Иисуса как мучительную подготовку к смерти, как повышенно телеологический процесс.

Но надо иметь в виду, что при этом Евангелие не является для христианского сознания текстом в нашем смысле слова. Строго говоря, Евангелие не читают, им живут. Скорее жизнь — это знакомое подобие Евангелия. Здесь своеобразный порочный круг знакомости: и жизнь Иисуса, рассказанная в Евангелии, антиэнтропийна, и жизнь христианина, подражающего жизни Христа, тоже мыслится как антиэнтропийная. Но если я живу по модели жизни Иисуса, которая является антиэнтропийной, то моя жизнь должна быть энтропийной, как подобие (и только подобие!) жизни Христа. Выход из этого противоречия — в мифологическом, психологическом отожествлении моей жизни с жизнью Иисуса (в этом плане характерно житие протопла Аввакума). Таким образом, вторичная мифологизация играет очень большую роль в линейно-эсхатологической модели времени.

«Единожды умер Христос», — восклицал Августин (пишет С. С. Аверинцев в книге «Поэтика ранневизантийской литературы»); но каждый год в неизменной череде Пасха сменяла Страстную Пятницу. Космическое круговращение времен года было поставлено где-то рядом с неповторимостью событий «священной истории», разумеется, как подобие этой неповторимости, как ее «икона», но психологически — как ее возможная нейтрализация. Снова человек мог ощущать себя внутри замкнутого священного круга, а не только на конечном узком пути, имеющем цель.

Внесение мифологического канала в эсхатологическую динамику как бы на время останавливало само время, недаром знаменитый французский этнолог, один из основателей структурализма Клод Леви-Строс назвал миф инструментом для уничтожения времени.

Итак, истинная жизнь в эсхатологическом сознании — это подготовка к смерти. Отсюда средневековая идея о том, что жизнь — это сон, а смерть — пробуждение (этому посвящена замечательная пьеса Кальдерона «La vida es sueño» («Жизнь есть сон»). Поэтому отношение к смерти в рамках эсхатологической модели глубоко положительное, а бессмертие на этом свете — самое мучительное наказание — отсюда такие персонажи европейской культуры, как Вечный жид, Демон, Мельмот-скиталец Чарльза Метьюрина, Ларра Горького. Ю. Н. Тынянов говорил (по воспоминаниям Л. Я. Гинзбург), что в России страх смерти придумали Толстой и Тургенев.

Действительно, страха смерти как феномена культуры не было еще в пушкинскую эпоху, достаточно вспомнить веселую холерную переписку Пушкина из Болдина в 1930 году.

Хронологически начало «страха смерти» совпадает с деэсхатологизацией культуры, начавшейся в середине XIX века в прямой связи с зарождавшимся естественно-научным и философским позитивизмом и в конечном счете с открытием второго начала термодинамики (Клаузиус и Кельвин — 1850 год), положившим начало современной модели времени.

Но деэсхатологизация была процессом совсем недолгим, ибо культуре противопоставлен страх смерти. Поэтому уже с конца XIX века начинается мощное антитропийное движение в философской мысли, направленное на то, чтобы сомкнуть острие «стрелы времени» с ее началом. Это движение осуществлялось по двум направлениям, одно из которых можно назвать ремифологизацией, а другое — реэсхатологизацией.

Уже австрийский физик Людвиг Больцман, автор вероятностного обоснования второго начала термодинамики, в своих «Лекциях по теории газов» формулирует так называемую флуктуационную гипотезу возникновения мира, в соответствии с которой Вселенная возникла в результате чрезвычайно маловероятного события. Именно поэтому, по мнению Больцмана, энтропия в начале развития Вселенной была низкой. С этого момента она увеличивается до тех пор, пока это не приведет к тепловой смерти Вселенной. Но этот процесс, по Больцману, является лишь очень вероятным, но не стопроцентно достоверным. Существует мизерная вероятность того, что элементы Вселенной вновь распределятся таким образом, как они были распределены вначале, что приведет к флуктуационному взрыву, и мир (как в модели пифагорейцев) повторит свое развитие с самого начала. Но эта вероятность совершенно ничтожна — она равна, как писал Больцман, вероятности того, что в один и тот же день все жители одного города покончат жизнь самоубийством.

Гипотеза Больцмана является вероятностной и строго научной, в соответствии с ней возвращения мира практически не произойдет никогда. В менее строгих построениях мыслителей начала XX века идея возвращения становится поистине навязчивой. Она пронизывает философию жизни Ф. Ницше, аналитическую психологию К. Г. Юнга и практически всю философию истории XX века — построения О. Шпенглера, Н. А. Бердяева, И. Хейзинга, А. Дж. Тойнби. На этой идее и вокруг нее строится так или иначе вся эстетика XX века с циклическим мифом, взятым как ее сердцевина.

Одновременно с ремифологизацией начинается и реэсхатологизация, для которой характерно совмещение христианского понимания мира с его естественно-научной картиной. В конце XIX века это движение связано в первую очередь с именем Н. Ф. Федорова, основной целью «философии общего дела» которого было энтропийное достижение земного рая при помощи физического воскрешения мертвых. Характерно, что Федоров, апеллируя к Первому началу термодинамики — закону сохранения энергии, — совершенно игнорирует Второй.

В середине XX века наиболее яркий представитель движения реэсхатологизации — Пьер Тейяр де Шарден, развивающий концепцию прогрессивного антитропийного развития мира, направленного к так называемой точке Омга, к рождению Бога, единого самозозидающего интеллекта.

По-видимому, культуре вообще не свойственно быть атеистической. Атеизм в культуре часто выступает как квази-атеизм. Великий английский историк и мыслитель XX века Арнольд Тойнби писал о том, что идея исторического материализма является разновидностью христианского учения, а идея коммунистического рая — вариантом эсхатологического Второго Пришествия.

Так называемые материализм и идеализм суть лишь дополнительные типы описания одного объекта (вспомним принцип дополненности Бора). Рассуждая схематически, можно сказать, что точка зрения идеализма совпадает с точкой зрения текста в нашем понимании, а точка зрения материализма — с точкой зрения реально сти (Витгенштейн в свое время пришел к выводу, что идеализм и материализм — одно и то же, если они строго продуманы).

Культура — это огромный текст. Но любой текст только тогда является текстом, когда он может быть прочитан. Последнее, как писал М. М. Бахтин, — вытекает из природы слова, которое всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробирается все дальше и дальше (неограниченно).

Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее безответности. Даже заведомо ложное слово не является абсолютно ложным и всегда предполагает инстанцию, которая поймет и оправдает хотя бы в форме: «всякий на моем месте солгал бы так же».

Представим себе, что всю жизнь человека можно записать на видеоманитофонную кассету. Пусть эта запись будет обладать

еще большим сходством с реальной жизнью человека: будет стереоскопической, будет воспроизводить вкус и запах и т. п. Но в любом случае эта запись будет являться текстом лишь тогда, когда ее кто-то сможет прочесть после того, как она будет записана. В противном случае она превратится в бессмысленный конгломерат из предметов реальности.

Культура есть видеоманитофонная запись жизни всего человечества. Если предположить, что после смерти человека она не будет прочитана (как в финале романа Маркеса «Сто лет одиночества», где жизнь рода Буэндиа оказывается заранее записанной на манускрипте от начала до конца), то развивать ее бессмысленно, так как в этом случае она превращается в конгломерат ничего не значащих вещей. Поэтому в рамках сознания, рассуждающего подобным образом, понятие движения времени в сторону увеличения энтропии, в сторону физиологической смерти есть такое же самотрищающее понятие, как понятие мифа. Человеку христианской культуры (а это равносильно тому, чтобы сказать: человеку европейской культуры) не свойственно думать, что он умрет окончательно («Нет, весь я не умру...»). Он лишь знает о смерти других, то есть знает, что другие время от времени в физическом смысле перестают существовать. Собственная смерть, писал Витгенштейн, не является событием жизни человека.

Поэтому для человека идеалистического сознания внесемиотическая реальность является несуществующей абстракцией. Само разграничивание прошлого и будущего предполагает их зеркальную противоположность, ибо, как писал Св. Августин в «Исповеди», «в тебе, душа моя, измеряю я времена», ибо энтропийной жизнью от прошлого к будущему живет только природа, которая об этом не знает, которая не горюет о прошлом и не уповает на будущее. Ибо в природе существует лишь бесконечный ряд настоящих моментов. Появление семиотической памяти уже означает движение в противоположном направлении, так же как появление понятия «миф» является отрицанием самого мифа.

Но существовала еще и третья точка зрения на время. В двадцатом веке она связана с традицией английской философии «абсолютного идеализма», представленной именами Ч. Хингтона, Ф. Брэдли, С. Александера, Дж. Мак-Таггарта и Дж. У. Данна. Эти мыслители исходят из того, что времени вообще не существует, что мир статичен, а иллюзия времени возникает из непрерывного изменения внимания наблюдателя.

Наиболее интересной для нас является концепция многомерного, или серийного, времени, разработанная английским мыслителем Джоном Уильямом Данном. Его книга «Эксперимент со временем» в 1930-е годы в Англии выдержала 6 изданий.

Есть два наблюдателя, говорит Данн. Наблюдатель 2 следит за наблюдателем 1, который находится в обычном четырехмерном пространственно-временном континууме (хронотопе, как выразился бы Бахтин). Но сам этот наблюдатель 2 тоже движется во времени, причем его время не совпадает со временем наблюдателя 1. То есть у наблюдателя 2 как бы прибавляется еще одно временное измерение, время 2. А вот время 1, за которым он наблюдает, становится для него пространственно-подобным, то есть он по нему способен перемещаться «туда и обратно», следя за своим объектом, подобно тому, как мы вместе с героем книги можем перебараться из его будущего в его прошлое, если заглянуть в конец романа, а потом начать читать по порядку. Ну а представим, что есть еще наблюдатель 3, который следит за нами, читающими книгу. Тогда его континуум становится шестимерным, он будет двигаться необратимо только в своем времени 3, а наше время 2 будет для него пространственно-подобным, так как мы для него — такие же персонажи книги... И так до бесконечности, пределом которой, конечно, является Бог, Абсолютный Наблюдатель, движущийся в Абсолютном Времени.

Но самое интересное, что эти различные наблюдатели могут находиться внутри одного субъекта, проявляясь в особых состояниях сознания. Так, во сне, наблюдая за самим собой, мы оказываемся в собственном будущем, как это и бывает, когда мы видим так называемые пророческие сновидения, многочисленные примеры которых Данн приводит в своей книге, опираясь на опыт собственных интроспекций и на статистически обоснованные эксперименты, проводимые со сновидениями других людей. (Характерно, что смерть, исходя из теории Данна, является событием, заслуживающим внимания лишь в одном измерении: то есть смерть во времени 1 не является таковой во времени 2 и в Абсолютном Времени.)

Теория Данна является синтетической по отношению к линейно-эсхатологической и циклической моделям времени. Серийный универсум Данна представляет собой как бы систему зеркал, отражающихся друг в друге. То есть Вселенная представляет собой иерархию, каждый элемент которой является текстом (наблюдаемым) по отношению к элементу более высокого порядка и реально стью по отношению к элементу более низкого порядка.

Концепция Данна оказала очень существенное влияние на культурное сознание второй половины XX века. Наиболее яркий пример

этого влияния — творчество Х. Л. Борхеса, каждая новелла которого, посвященная проблеме соотношения текста и реальности (а таких у Борхеса подавляющее большинство) закономерно дешифруется серийной концепцией Данна, которую Борхес хорошо знал (он даже написал новеллу-эссе «Время и Джон Уильям Данн»).

Так, в новелле «Круги руин» некий чародей создает себе в своих сновидениях сына, считая при этом самого себя «настоящим», существующим на самом деле. Однако в конце новеллы оказывается, что он сам — продукт чьих-то сновидений.

Борхес сам анализирует эту проблему в новелле-эссе «Скрытая магия в «Дон Кихоте»», где он задается вопросом, почему нас смущают сдвиги, подобные тому, что персонажи «Дон Кихота» во втором томе становятся читателями первого тома. Борхес приводит мысль американского философа Дж. Ройса о том, что если на территории Англии построить огромную карту Англии и если она будет включать в себя все детали английской земли, даже самые мелкие, то в таком случае она должна будет включать в себя самое себя, карту карты — и так до бесконечности. «Подобные сдвиги, — считает Борхес, — внушают нам, что если вымышленные персонажи могут быть читателями и зрителями, то мы по отношению к ним читатели и зрители, тоже, возможно, вымышлены».

Наконец, в новелле «Другой» (пожалуй, это наиболее яркий из примеров на тему «Борхес и Данн») старый Борхес встречает молодого Борхеса, то есть самого себя в прошлом. Причем для старика Борхеса это событие, по реконструкции Борхеса-автора, происходит в реальности, а для молодого — во сне. То есть молодой Борхес во сне, являясь наблюдателем 2 по отношению к самому себе, переместился по пространственно-подобному времени 1 в свое будущее, где и встретил самого себя стариком, который, являясь наблюдателем 1, спокойно проживает свой век во времени 1. Однако молодой Борхес забывает свой сон, поэтому, когда он становится стариком, встреча с самим собой, путешествующим по его времени 1, представляется для него полной неожиданностью.

Согласно гипотезе Г. Рейхенбаха, опирающегося на эксперименты и выводы физиков Э. К. Г. Штюкельберга и Р. П. Фейнмана, положительное направление времени в макром мире есть следствие асимметрии положительно и отрицательно заряженных частиц. Физическое время движется в сторону увеличения энтропии, т. е. электронов в целом больше, чем позитронов. К такому выводу ученые приходят потому, что при наблюдении за поведением частиц возникает эффект их аннигиляции, то есть возникновение из ничего и превращение в ничто. Путь электрона, который превращается в свою противоположность — позитрон, — можно описать как движение того же электрона, но в противоположном направлении времени. Быть может, мышление есть нечто аналогичное высвобождению частиц, которые могут двигаться во времени туда и обратно. Мы не можем полностью возвратиться в прошлое, так как не можем всего у п о м н и т ь. Если же мы помним все, то это позволяет нам почти реально передвигаться по времени в прошлое (ведь культура — и есть память!), как это делал человек с большой памятью Шерешевский, о котором А. Р. Лурия написал свою знаменитую «Маленькую книжку о большой памяти».

Здесь мы переходим в область домыслов и загадок, выходя за рамки рассматриваемых нами проблем. Поэтому статью эту мне хочется закончить высказыванием Бенджамена Ли Уорфа, которого называют самым загадочным лингвистом двадцатого столетия:

«Если мы сделаем попытку проанализировать сознание, то найдем не прошлое, настоящее и будущее, а сложный комплекс, включающий в себя все эти понятия. Все есть в сознании, и все в сознании существует нераздельно. В нашем сознании соединены чувственная и нечувственная стороны восприятия. Чувственную сторону — то, что мы видим, слышим и осязаем, — мы можем назвать the present (настоящее), другую сторону, обширную воображающую область памяти, — обозначить the past (прошлое), а область веры, интуиции и неопределенности — the future (будущее). Но и чувственное восприятие, и память, и предвидение, все это существует в нашем сознании вместе».

Рига, 1984—1985 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин: Творения Блаженного Августина. — Изд. 2-е. — Киев, 1906.
2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Наука, 1977.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа. — В кн.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979, с. 281—307.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. — Берлин: Обелиск, 1933.
5. Больцман Л. Лекции по теории газов. — М.: Гостехиздат, 1956.
6. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
8. Витгенштейн Л. О достоверности. — Вopr. философии, 1984, № 8, с. 142—149.
9. Гейзенберг В. Физика и философия. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963.
10. Гуревич Л. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972.
11. Иванов В. В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. — М.: Сов. радио, 1978.
12. Ингарден Р. Исследования по эстетике. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
13. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М.: Атеист, 1938.
14. Леви-Строс К. Из книги «Мифологические». 1. Сырое и вареное. — В кн.: Семиотика и искусствоведение: Современные зарубежные исследования. М.: Мир, 1972.
15. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Изд. 2-е, доп. — Л.: Худож. лит., 1972.
16. Лосев А. Ф. Античная философия истории. — М.: Наука, 1976.
17. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. — М.: Изд-во Мос. ун-та, 1982.
18. Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры. — Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 411. Труды по знаковым системам, т. 8, 1977, с. 138—150.
19. Лотман Ю. М. Феномен культуры. — Там же, вып. 463, т. 10, 1978, с. 3—17.
20. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифология. — Там же, вып. 546, т. 13, 1981, с. 35—55.
21. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти: Ум мнемониста. — М.: Изд-во Мос. ун-та, 1968.
22. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М.: Наука, 1976.
23. Налимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1979.
24. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. — М.: Прогресс, 1983.
25. Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания о мифологии с точки зрения психолога. — Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 181. Труды по знаковым системам, т. 2, 1965, с. 38—48.
26. Рейхенбах Г. Р. Направление времени. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
27. Руднев В. П. Текст и реальность времени в культуре. — Wiener Slavistischer almanach, V. 15 (1986).
28. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М.: Прогресс, 1964.
29. Уитроу Дж. Естественная философия времени. — М.: Прогресс, 1964.
30. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 1. М.: Прогресс, 1960, с. 135—169.
31. Фрейд З. Основные психологические течения в психоанализе. — Пг.: Гос. изд-во, 1923.
32. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. — М.: Политиздат, 1980.
33. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки мифологии всемирной истории. Т. 1. — Пг.: Academia, 1923.
34. Dunne I. W. An Experiment with Time. — 3-я ed. — London, 1934.
35. Tounbee A. I. A Study of History. V. 1—12. — London, 1933—1955.
36. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. — Oxford, 1959.
37. Wittgenstein L. Notebooks 1914—1916. — Oxford, 1979.
38. Wittgenstein L. Culture and Value. — Oxford, 1981.

Знаете ли вы, что означает роковое слово «тусовка»? Я вот давно слежу, как оно распухает от все новых значений, и не видно в том разбухании пределов. Тусовка — это и сбор, и компашка, симпозиум и фестиваль, пресс-конференция и семинар; случка, общение, толкотня в буфете и давка в автобусе; лекция, ассоциация, федерация... Хотя может я и не прав, и знающие люди надо мной уже смеются, а незнающие возмущены. Я уже готов признать, что это все игры моего воспаленного роковой мистификацией воображения. За одно ручаюсь: если через (сквозь?) какое-то место (здание или площадь) протекает некоторое количество людей, и они не знают, кто с кем из них встретится через секунду, какая новость через мгновение повиснет в воздухе, какое новое или знакомое лицо привидится вдруг, какая истина родится тут же, это и есть тусовка. Здесь все непонятно, здесь всюду наплывы, словно ты в фильме про сказочный лес. А рок и есть сказочный лес, ведь сказочный лес из сказки, а сказка — фольклорная единица. Рок — нынешний фольклор, оттого здесь все мерещится, все пропитано розыгрышем. Если пожелаете читать дальше, забудьте, что вас с детства приучали к логическому восприятию текста. Неужто нельзя хоть иногда задуматься: логична ли алогичность? Может, логично предположить в хаосе высший порядок? А в схожести — непохожесть: «Кто мы такие — люди, пишущие стихи? Почему мы так всегда чем-то похожи на фотографии? В действительности мы очень разные, причем настолько, что именно этим и похожи. Может, эта исключительная разность, становящаяся сходством, и есть черта таланта, запрограммированная поэтическим геном?» (И. Мачюкявичюс)

Загадка. «Универсальная музыка века, та, что сближает людей больше и лучше, чем эсперанто, ЮНЕСКО, авиалинии».

... В начале нынешней зимы случилось в Москве мероприятие под названием «рок-панорама». А попросту говоря, семь ежедневных вечерних концертов длиной в 4—5 часов. Минимум милиции, максимум дружинников. 20-ти киловаттный аппарат. Полсотни рок-групп. И гости. Отечественные и зарубежные. То бишь, писатели, журналисты, социологи, психологи, музыковеды. Ну еще рок-функционеры, оргкомитет, техработники и буфетчицы. И ежедневные шесть тысяч не аккредитованной, а просто купившей заранее распределенные билеты публики. В московском смысле — мероприятие не первое, во всесоюзном — впервые в столице.

Хочется не только осмыслить, но и воспроизвести то, что делалось, говорилось, игралось другими людьми. Впечатления эти в достаточной степени хаотичны: как виделось, слышалось, так и писалось. Хаос в порядке и порядок в хаосе... В этом что-то есть, а? Может быть поэтому я решил к слову «обзор» прибавить эпитет «хаотический». Хаос так хаос! В конце концов с него все начиналось. И еще «каждый имеет право выражаться экстравагантно, если он слышал музыку» (Генри Торо).

Загадка. «Музыка, которая соединяет и приближает друг к другу юношей с дисками под мышкой, дарит названия и мелодии, особый шифр, позволяющий опознавать друг друга, чувствовать себя сообществом».

... Жило все в Лужниках, в режимном здании Малой Спортивной Арены (МСА). Что это за здание, знают наверное все: тут «звонят коньками» фигуристы, поют Пугачева и Скляр. А вот что означает

ОЛЕГ
МОЛОКОЕДОВ

ПАНОРАМА ЛИ ПАНОРАМА?»

ХАОТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Истина рождается как ересь,
а умирает как предрассудок
(В. Селюнин)

слово «режимное», стоит объяснить. В этом громадном помещении при самом жутком аншлаге по партеру должны свободно проезжать пожарные машины. Не всякий раз, а при возгорании, надо полагать. Стало быть, и сцена соответственно должна быть вознесена так, чтобы под ней так же свободно сновали бы те же пожарники. Уж не знаю, почему так получилось, но самыми если не главными, то правомочными на «Рок-панораме-87» были пожарники, всячески поддерживаемые дружиной, регулировавшей проходы, уходы, переходы и входы, а также подходы и выходы. Оно, конечно, понятно: рок-музыка дымная, многоваттная, по залу шныряют лазеры — мало ли чего может случиться... Эта антипанорама (ну, а что может быть еще?) породила немислимую диффе-

ренциацию, что-то вроде наспех состряпанного табеля о рангах. Аккредитация — пять цветов. У каждого цвета — свой диапазон. То есть доходишь до какой-то двери и стоп — дальше другой цвет. Забита назначенная трибуна — на соседнюю ни ногой, будь она хоть трижды пустой: окраска другая и все тут. На карточке, окрашенной в твой цвет, еще и впаивная в полиэтилен твоя личная фотография, фамилия с инициалами, место службы и город проживания. И еще буквы: «Г» — гость, «П» — пресса и т. д. И все равно не пускали: журналистов к музыкантам, музыкантов — в зал. А если у человека просто билет, то мирно пройти можно было только на место, в нем означенное, и в буфет, закопченный бутербродами с черной икрой. «Едва успев сесть, я слышу крики.

Вскочив, вижу, как тип, проверяющий пропуска на входе, грубо выволакивает тебя из автобуса. Я бросаюсь к нему, пытаюсь что-то объяснить, но твой взгляд меня останавливает. Безнадежным жестом ты показываешь мне, что все бесполезно. Я вижу в окно, как ты стоишь на тротуаре, оскорбленный маленький человек. В ярости ты поддаешь ногой свои гостевые карточки, и они рассыпаются по земле» (Марина Влади «Владимир, или Прерванный полет»). Двадцать лет назад, посвященный 50-летию Советской власти, в Таллине проходил Международный джазовый фестиваль. Последний у нас в стране перед началом застоя и серолетия. В истории советской ритмической музыки он до сих пор не знает себе равных по представительству, насыщенности, емкости, объему, интенсивности. Там черной икры в буфетах не продавали, зато музыкантам и гостям вручался маленький желтый значок. Он давал право прохода в любое помещение и место не менее тысячного, нежели МСА спортдворца «Калев». За тридцать копеек такой же, но беленький значок продавался любому желающему, никакой силы, кроме сувенирной, не имея. В те времена в зале спортдворца курили, хотя настилы были деревянные, а концерты шли по десять часов подряд. Понятно, мне и в голову не придет отстаивать право на курение в общественном месте. Это я просто по поводу огнеопасности. К примеру, Вильнюсский Дворец спорта если не копирует Малую арену Лужников, то народу здесь вмещается не меньше. Летом прошлого года с его сцены клубами валил модный и поныне квази-дым, жарили юпитеры, по ушам ударяли те же киловатты. И пожарники здесь были. Однако тысячи человек могли и общаться, и свободно «молиться своим богам», каковые могли вырядиться пиротехниками, но уж никак не штатными пожарными. И вот уже в голове бьется безумная мысль — неужто бывает разная огнеопасность, столичная, скажем, и республиканская?! Если бы все описанное было лишь моими личными представлениями, я бы не решился их огласить. Но даже оргкомитет, отбиваясь на пресс-конференциях от журналистов, был вынужден признать «некоторую заорганизованность» мероприятия по сравнению с той же «Литваникой-87».

Загадка. Музыка, которая «как дождь, как хлеб, как соль, невзирая на нерушимые традиции и национальные устои, на разность языков и своеобычные фольклоры, как туча, не знающая границ, как лазутчики, воздух и вода, как прообраз формы, нечто, что было до всего и находится подо всем, что примиряет мексиканцев с норвежцами, а русских с испанцами, и хоть ненадолго, но возвращает их к истокам».

... Кто же играл в те зимние московские дни? В зале Дворца спорта «Олимпийский» репрезентировала себя известная английская рок-группа «Юрай хип» (Uria Heep), не имея к рок-панораме никакого отношения. А на лужниковскую малую сцену в разноцветье прожекторов выходили одна за другой отечественные группы, исполняя свои хиты и новости. А сейчас меня тянет к газетному клише, и я пишу: в целом рок-фестиваль можно было бы охарактеризовать как эстрадно-металлический. Отстоять определение «металлический» совсем не трудно — просто было много ансамблей, игравших металл разных оттенков. Я не знаю, что делать со словом «эстрадный», поэтому и выплыло у меня

Фото Георгия Молитвина

клише. Оно, это слово, лишено всякого подтекста, кроме клишированного. Мало того, оно с одной стороны бездонное, т. е. имеет массу значений, с другой — бессмысленное, то есть всякого значения лишено. И я его никогда не понимал, хотя всю жизнь «проявлял на эстрадной сцене» (еще одно клише). «Будь благодарен за то слабое чувство ориентации, которое у тебя есть. Бывает и так: в пылу метаний между востоком и западом водитель вдруг обнаружил, что едет в северном направлении по полосе, ведущей на юг» (Д. Ирвинг. «До Айовы рукой подать»). По-моему, это дикое понятие «легкая и эстрадная музыка» — самая большая чушь, еще поныне существующая в домодельном нашем радио и телемузыковедении. Пользы от таких определений никакой, разве что «легкая музыка» может взять и породить какой-нибудь «тяжелый рок». Но это спорная гипотеза. В жизни же все проще. Например, какая-нибудь группа стала играть лучше, а ехидность свою утратила — все, народ запишет ее в эстрадники. Можно попытаться выделить два содержания: боль и парад. Вот чем больше первого и меньше второго, тем больше рока. Учитывая все вышесказанное, охарактеризую фестиваль как эстрадно-металлический.

Выступали профессиональные и любительские, телевизионные и лабораторные группы. Спектр довольно широкий «от недавнего рок-андерграунда до джаз-роковых выкестов. При явном перевесе металла проявлялись и другие стили. Я не берусь судить, насколько стиль музыки той или иной группы точно соответствовал декларации этого стиля, но если заявленному верить, то чего только мы не заслушали. Одни играли «треш-металл», утверждая, что они — единственная в Союзе группа, работающая в этом стиле. Другие — «хард энд хэви». «Традиционный рок» сменялся стилем «рэggi», «электропоп», «бард-роком», «панк-фанк», «нью-джазом», «поп-буги» — рок-музыкой, стиль которой называется «никакая музыка», «... и любая попытка объяснить терпит крах по причине, понятной любому, а именно: для того, чтобы определить и понять, необхо-

димо быть вне того, что определяется и понимается» (Х. Кортасар. «Игра в классики»).

... Московская рок-лаборатория была представлена бригадой ансамблей. Они выступали в специально отведенный им день и назывались так: «Шах», «Ва-банк», «Вежливый отказ», «Альянс», «Нюанс», «Бригада С», «Тяжелый день» и «Алиби». Вы заметили, что только по одним названиям, предположим, только этих групп можно наметить небольшой сюжет? И даже что-либо сочинить. Скажем: «Резидент по прозвищу «Падишах» пошел ва-банк и объявил шах, похожий на мат. Но вместо привычных проклятий послышался лишь вежливый отказ. Стало ясно, что противники резидента, объединившись в преступный альянс, замышляют. Работала грубо, без нюансов: вот она, волосатая рука «Бригады С». Это был для падишаха тяжелый день. «Срочно требуется алиби», — прохрипел он в тугое ухо подслеповатого электронного камердинера...» Ну вот, хоть и блин, зато комом, не хуже чем у рок-группы «Синяя птица», которую расспрашивал корреспондент журнала «Социалистическая Чехословакия»: «Хотя вокал играет для нас очень важную роль, основной остается все-таки мелодия», — сказала «Синяя птица».

А вот еще подборка: «Браво», «Рондо», «Квадро», «Крузиз», «Прощай, молодость», «Раунд», «Мистер-Твистер», «Аттракцион», «Дом», «Звуки Му» (эта группа не выступала), «АВИА», «Парк», «Черный кофе», «Рок-ателье», «Ария». Неможно выдумки, фантазийности, и у вас получится, главное — побольше задора и придурковатости... (Надо ли объяснять, что это «стеб»? То есть, выражаясь клишированно, я добродушно подшучиваю над тем, что многие группы выбирают себе названия неформальные, странные, непривычные, особенно для уха, воспитанного во времена геронтократической ВИАфикации?).

Разговоры о неортоизме металлистов необоснованны: элементы невротизма есть у каждого горожанина... в роке присутствует не агрессия, а экспрессия... металл — это психодраматическое изживание агрессивности» (из дискуссионный).

Признаюсь честно, единственная музыка, которая щекотала мне селезенку, был металл. Никогда еще я не слушал его живьем так много и, как ни странно, с удовольствием. Публика неистовствовала, испаряясь на сиденьях: проходы должны быть стерильны (помните, для чего?), а в кресле делай что угодно. И это в те времена, когда всем уже ясно, что на рок-концертах, тем более фестивалей, сидеть должен только тот, кому этого хочется. В век гипертонии сидеть на концертах ритмической музыки (даже той самой, которую мы привыкли называть эстрадной) — это плодить инфаркты и инсульты. На Западе давно с этим разобрались и скачут целыми стадионами. Впрочем, почему на Западе? В ГДР, например. И даже на «Литуанике». Ясно, что на рок-концерте партер должен быть стоячим — говорил и оргкомитет в Москве, и делал наоборот. Ах да! Пожар!..

«Не так вредно пить, как притворяться трезвым» (М. Жванецкий).

Но никакой металлический забой не сумел так сплотить зал, как обыкновенные бард-рок старейшей московской группы «Алиби». Когда Сергей Попов, руководитель ансамбля, пропел «Я плюю вслед чиновничьей «Волге», зал весь до единого человека встал...

Загадка. «Музыка, которая внушает страх тем, кто привык на все взирать из ложи».

... Кого только не было в эти дни в Москве! Не было ни одной группы из Ленинграда, за исключением «АВИА». В таких же масштабах был представлен любопытнейший роковый регион страны — Урал и Сибирь. Только «Наутилус-Помпилиус» из Свердловска — вот и все представительство.

«Сибирь — не кузница металла в отличие от радиостанции «Юность». В Сибири почему-то сильно развит панк. Но есть и недобитый хиппизм, который демонстрируют группы «Улитка» и «Идея». Это даже приятно-оприходованные хиппи...» (Из разговоров в пресс-баре).

... Приехала, но не выступала группа «Облачный край» из Архангельска. Говорят, был лит, да не тот. Не было уфаленинградской и, как говорят, самой популярной группы в стране «ДДТ». Но! Объективности ради и без всякого зубоскальства сразу оговоримся: «Рок-панорама» замыслилась как мероприятие больше московское и на роль всесоюзного смотра не претендовала (из деклараций). Приглашали кого смогли, приехали кто смог и захотел. По странной иронии, наверное, судьбы, сильнейшими и интереснейшими на фестивале оказались именно «АВИА» и «Наутилус». Это общий, так сказать, «приговор». Третьей звездой был несомненно литовский «Антис». Лично я эту группу очень люблю, но оценивать ее деятельность нахожу не совсем удобным. Дело в том, что я тесно сотрудничаю с «Уткой» — так переводится с литовского название группы. Прошлым летом на джаз-фестивале в Риге многие этот альянс наблюдали. Однако не считаю зазорным сослаться на общественное мнение. Правда, не ясно, можно ли считать общественным мнение аккредитованных психологов-журналистов-социологов (в дальнейшем ПЖС), а также примыкающих — писателей, функционеров, музыковедов. Но поскольку часть из них высказывается устно и в печати, то можно сослаться на эти высказывания, ибо они уж точно участ-

вуют в формировании общественного мнения. Так вот ПЖС и иже с ними и поставило «Антис» на третье место, хотя выступление группы было не самым удачным. Я бы сказал — бракованным. В самом начале у барабанщика сломалась педаль, дающая всему звучащему ритм-группы основное «мясо». Вслед за педалью полетела струна у гитариста. Руководитель группы певец Альгис Каушпедас как-то зажался от всех этих передряг, духовики совсем себя не слышали. Ко всему прочему и «Антис», и вторая литовская группа «Катедра» были плохо озвучены (плохо — это еще хорошее слово). Ущемило контакт с русскоязычной аудиторией и то, что обе группы пели на литовском. И тем не менее! Я сам тому свидетель (обычно мое место — на сцене, а тут я был просто слушателем и сидел на трибуне, что, оказывается, любопытно), группа «Антис» прорвалась к сердцу публики. И словно в награду за все мучения ее вместе с «АВИА» тут же пригласили в Польшу, на тамошний большой рок-фестиваль.

«Наутилус-Помпилиус» — замечательный союз умных, хорошо знающих свое дело парней.

«В 19 веке люди писали романы, а сейчас играют металл... Металлический рок заменил собой французские романы 19 века...» (Александр Елин, поэт-металлист)

«Придут новые поколения, которые будут смотреть на книгу как на нечто архаичное. Настанет время, когда книгу можно будет найти только в музее, точно так же, как сейчас в музее хранятся папирус или клинописные таблички. И люди не будут чувствовать ту грусть и ту боль по отношению к книге, которую сейчас испытываем мы...» (Г. Г. Маркес)

... «АВИА» — лучшая группа панорамы-87. Чем она меня заворожила? Сейчас все кругом пишут и говорят, что рок — это новый синкретизм, возврат на новом витке к хорошо забытому старому. То есть, воистину неразъясненное искусство, хотя многие утверждают, что рок — это не искусство. Поэзия, музыка, театр (или их элементы) здесь живут неразделимо. Поэтому, ежели некоторые думают, что рок-музыка — это музыка, то они заблуждаются. Музыка здесь на третьем месте. А что же на первом? А ничего, потому что

мест нет. Бывает, что-то простирается сильнее, что-то выражено по-профессиональней, что-то посамодельней. Вот «АВИА» — это при нормальном вокале, инструментальном «саунде» (говорят еще «нехилом музоне») — высоко профессиональный, новый, русский, советский театр. Причем не театр, где актеры умеют петь и играть, а рок-группа, которая театр ставит на первое место. «Рок-концерт — это митинг», — говорили в дискуссионном клубе. Мне кажется, что программа рок-группы «АВИА», показанная на рок-панораме — это театр-митинг. Я смело клею на «АВИА» этот «лейбл», потому что знаю: они не обидятся даже на темного человека. В пресс-клубе журналист из Днепропетровска назвал их агитбригадой. Они согласились. Ребята и девчата из группы «АВИА» — мирные парни!

... Что-то, а немюзикальные мероприятия удались на фестивале получше. Хороша была тусовка в коридорах. Может, и хорошо, что не пускали за кулисы: масса интересных людей собралась вместе, а то разбрелись бы. Во мне жгучую ностальгию вызвали пресс-конференции. Рассаживаются за столом музыканты, игравшие вчера, а сегодня их расспрашивают ПЖС и иже с ними. Так было раньше и в джазе, а сейчас — исчезло. Побродит корр. за кулисами джаз-фестивалей, повоспрошает одну звезду, одного критика-организатора и все. Впрочем, на данной ступени развития джаза, может, так и надо: все заявлено, осталось жить и работать...

Пресс-конференции — каждый день, и всякий раз пресс-бюллетень. Во время конференции было даже изложение выступления на английском. Довольно широко представлена местная и центральная пресса. Функционировали ТАСС, АПН, ЦТ. Кстати, если ПЖС и иже с ними на рок-панораме напали, то музыканты вели себя гораздо сдержаннее и даже с одобрением. Вот, мол, наконец-то мы вместе, можно посмотреть друг на дружку, да не где-нибудь в гастрольной тьмутаракани, а в столице.

Состоялось три заседания дискуссионного клуба. Психологи из МГУ, кроме того что дискутировали, еще и подсовывали всем тесты-анкеты. На вопрос, зачем им это нужно, отвечали, мол, изучаем уро-

вень компетентности аккредитованных на рок-панораме. Такие вот ехидные психологи. И вопросы у них достойные. Хотят, к примеру, узнать, откуда человек получает музыкальную информацию и выспрашивают: «Слушаете радио? ТВ? Вас информируют зарубежные радиостанции? Или друзья-иностранцы?»

На вопрос о тенденциях, характерных для развития рок-движения в различные периоды, предлагалось выбрать что-нибудь из таких ответов:

- привлечение широких масс к участию в самодеятельном творчестве
- творческое переосмысление достижений зарубежного рока
- развитие отечественного «тяжелого металла»
- игнорирование отечественной песенной классики
- становление новых средств музыкальной выразительности
- отрицательное влияние на идейно-политический уровень советской молодежи
- формирование рок-культуры.

В качестве факторов, тормозящих развитие творчества рок-групп предполагались, например:

- низкий исполнительский уровень
- некомпетентность работников культуры.

Анкеты были довольно обширные и заполнять их было даже утомительно. Похоже, о роке не только дискутировали, но изучали его. А вот с роком происходят вещи странные. Года полтора назад разговорился я с одним крупным роковым «подпольщиком». Говорит, рока больше нет, погиб с началом перестройки. Даже самые стремные группы стали брать темы для песен из центральных газет. Какой уж тут рок! Поэтому движение хиреет, мол, погрязло в распрях, потеряло способность к дефинициям и перспективу. Вот и в рок-панорамных дискуссиях многие речи были о том, что рок живет по принципу «чем хуже, тем лучше». Знаете, что недавно объединило ряды рокеров, заставило их выступить единым фронтом? Известное письмо трех писателей. Думается, заживем мы лучше, пойдет вперед перестройка, и рок из ереси превратится в предрассудок. Однако есть у рока и другая сторона. Рок — прежде всего поколенческая культура, и еще неизвестно, какой новый металл преподнесет нам поколение, играющее ныне с компьютерами.

«Звездочка в том, что естественное и

действительное почему-то вдруг становятся врагами, приходит время — и естественное начинает звучать страшной фальшью, а действительное двадцатилетних и действительное сорокалетних начинают отталкивать друг друга локтями, и в каждом локте — бритва» (Х. Кортасар).

«Дети всегда растут на культуре отцов и берут из отцовской культуры то, что считают нужным. И в этом смысле у нас нет проблемы отцов и детей», — так говорил Николай Мейнерт, эстонский социолог.

Дискуссионный клуб исторгал идеи, брызгался информацией. К ПЖС и иже с ними добавились юристы, экономисты, педагоги, клубные работники, свободные художники и просто люди. Они всяк по-своему описывали и определяли рок-явление. Рок — это прежде всего песенное искусство, он не потеснил собой ни народной музыки, ни классики... рок — это экспериментальная площадка, на которой опробываются все новые культурные идеи, это зона, где идут испытания, поиски... рок — это явление культуры, которое пользуется явлениями искусства, он развивается в сторону особого, необычного искусства... на роке начинается новая массовая мировоззренческая культура... рок — это выставка зеркал... почитайте доклад Макса Фриша «Искусство как алиби»... вокруг рок-симбиоза происходит вращение людей различных специальностей... рок стал пристанищем всего живого, не мутировавшего в атмосфере серых лет... советскому року надо избавляться от западных влияний не директивными, а экономическими методами... западный рок — это не насилие, а метафора насилия... интерес Запада к нашему року — пока чисто экзотический... чего у нас нет, так это умения работать с рок-музыкой... нам нужны специальные журналы, региональная журналистика, радиопередачи, где ведущие дают субъективные оценки, научные публикации... полная реорганизация концертной деятельности...

Знающие люди скажут, что, мол, какой же это дискуссионный клуб, если все высказываются в одну сторону. Согласен, в строгом смысле ни особых дискуссий, ни острой полемики не состоялось. Возможно, потому, что собрались в основном единомышленники, а те, кто называет металлический рок «духовным спидом», наверное, предпочли не высказываться. Если задуматься, то сам факт проведения такого масштаба рокового мероприятия содержит в себе элемент полемики, и не-

малый. Недаром организаторы московского ристалища всю неделю, словно американские конгрессмены после Уотергейта, качали головами и восклицали: «Слава богу, что она сработала». Американцы имели в виду свою конституцию, а организаторы — свою «Рок-панораму», что случилось в Москве в начале декабря прошлого года.

Мы все никак не можем решить: менять нам представления на знания или по старинке продолжать собачиться. А рок тем временем скукоживается, подсыхает, выссываемый сверкающим жалом эстрады. В этом, кстати, тоже нет ничего плохого. Просто еще одна музыка прошлестит мимо сознания народного и канет... Рок-искусство молодого народа, и вместе с ним он облысеет и состарится. Так и должно быть. Под влиянием противников рока может создаться впечатление, что, предположим, металл или другой рок буквально охмурил всю молодежь. По данным эстонских социологов рок — вообще не массовая музыка. Ею увлекается лишь 15—20 процентов молодежи. Есть и другие немассовые музыкальные жанры. Это джаз, классика, фольклор. Воистину массова лишь эстрада, и в этом ее мертвое бессмертие. Да, рок, как и всякое фрондирующее явление, для кого-то неудобно, кем-то не понято, кому-то опасен. В этом плане абсолютно безопасным искусством является эстрада. Эх, если бы знать, насколько опасна ее безопасность. Свежий ветер чреват простудой, но он закаляет, а вот нитраты — канцерогенны...

Кстати сказать, история повторяется: было время, когда с эстрадой был намертво перепутан джаз. И сделал это не кто иной, как великий русский писатель Алексей Максимович Горький. «Музыка толстых» — это его выражение. Он думал, что слышит джаз, а по радио в этот момент звучала коммерческая (т. е. эстрадная) подделка под него. Если вы интересуетесь этой историей, можете почитать книгу Алексея Баташева «Советский джаз».

Я думаю, вы давно уже отгадали мои загадки. Я цитировал кусочки из недавно вышедшего у нас романа Хулио Кортасара «Игра в классики». Роман о парижской жизни 60-х. Кортасар был влюблен в джаз. Я тоже, как влюблен и в 60-е годы.

Рок тогда только начинался.

А что же «Рок-панорама-87»? Гербовая печать на рок-уложении или просто постскрипtum? Возможно, ни то, ни другое...

ВЛАДИМИР ДРАЧЕВ,

доктор экономических наук, профессор

КТО ОТ КОГО ОТСТАЕТ?

Когда в 1985 году мы «вдруг» оказались перед проблемой защиты исторических преимуществ социалистического развития экономики, то, как это нередко бывает в жизни, прежде всего начались поиски виновных. Обыденное сознание преувеличивает значение такого поиска. Стоит якобы найти виновника и недостаток устранился чуть ли не сам собой. Коль речь шла об экономике, значит, мол, виновата политическая экономия социализма. В оборот вошёл тезис об отставании или, в лучшем случае, об отдалённости науки от практики. М. Антонов же («Октябрь», 1987, № 8) вообще решил, что политической экономии социализма у нас вроде бы как ещё нет. С другой стороны, академик Л. И. Абалкин выдвинул тезис о равной вине теории и практики — есть отрыв теории от практики, но есть и отрыв практики от теории.

Необходим хотя бы краткий экскурс в историю, где по расхожему мнению много белых пятен. Не думаю, правда, что принципиально возможна единственная и окончательная историческая реконструкция таких процессов, но наиболее правдоподобной представляется следующая гипотеза. В первые годы советской власти господствовало полное отрицание самой возможности существования политической экономии как науки. При общественной собственности на средства производства экономические отношения между людьми представлялись настолько «прозрачными и ясными», что оставалось лишь, как малышу у В. Маяковского, «делать хорошо и не делать плохо». Наука ведь нужна лишь там, где за явлением скрыта его сущность, где законы развития ещё не найдены. Но в тридцатых годах такие взгляды официально были объявлены ошибочными, а первый учебник политической экономии социализма увидел свет лишь в 1954 году. Этот исторический казус принято объяснять многолетней задержкой публикации замечаний В. И. Ленина на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» и затем, конечно же, войной. Скорее, однако, главное в том, что революционное и первые послереволюционные поколения, разрушив «по науке», по Марксу, частную собственность и почувствовав экономическую свободу, воспринимали это разрушение и как одновременное созидание, законченное формирование собственности общественной. То, что сейчас определяется нами как отчуждение работника от средств производства и труда, за ширмой национализации подкралось и завладело умами новых поколений постепенно и внешне малоприметно. Ожидание завтрашнего коммунизма, а затем золотистый мажор и фанфары развитого социализма лишили должной бдительности как учёных мужей, так и самих трудящихся — творцов всех благ и услуг.

Развитие политической экономии нельзя понять без учёта политического фактора, что отражено в её названии. Как заметил В. Кнорин, экономическая наука всегда была наиболее политической утилитарной. Поэтому культ Сталина (если строже, то политическая структура общества, сформировавшаяся после В. И. Ленина) больно ударил по политической экономии. Именно тогда она стала комплиментарной. Здесь, однако, не обойтись без существенного замечания. На прошлое надо, конечно, смотреть с позиций сегодняшнего дня, но при этом постоянно

учитывать взгляд на события их современников, восприятие этих событий в дни их свершения. Так, скажем, утвердившийся в пятидесятых годах вывод об объективном характере развития экономики социализма, сегодня кажущийся почти тривиальным, имел для своего времени не меньшее значение, чем нынешнее убеждение в необходимости преодоления всех преград стоящих на пути хозяйственного расчёта. Не умаляло значения теории объективности и её обнародование от имени Сталина в его работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Кстати сказать, новый взгляд на товарно-денежные отношения, изложенный в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, тоже ведь оформился не на съезде. Я, естественно, не беседовал с М. С. Горбачёвым, но убеждён, что он не претендует на единичную разработку концепции товарно-денежных связей в экономике. Просто такова наша традиция.

Автор этой статьи в марте 1954 года прямо из больницы поехал в Москву и, буквально пробившись в Дом Союзов, лично простился со Сталиным. Тогда это не был неординарный поступок, но об этом не стыдно вспоминать и сейчас. Тем, кто в сенсационных целях пытается главную вину за задержку развития политической экономии социализма свалить на Сталина, следовало бы посмотреть на календарь. За 35 лет японцы не только ликвидировали шок Хиросимы и Нагасаки, но и вышли на передовые научно-технические рубежи. Мы же в политической экономии, в частности, все эти годы вели дискуссию между «товарниками» и «нетоварниками», но в теории товарно-денежных отношений вперёд почти не продвинулись. Получается по Василию Тёркину: «Все хорошие ребята, как посмотришь — красота. И ничуть не виноваты, и деревня не взята».

Так что же даёт исторический экскурс? Во-первых, он свидетельствует, что неблагоприятные условия для развития политической экономии существовали чуть ли не с первых лет советской власти. Во-вторых, и это главное, разрыв между политической экономией (теория) и экономической политикой (практика) особенно усилился в последние десятилетия. Практике не нужна была объективная истина, поэтому теория развивалась в значительной мере за счёт «самооплодотворения». Можно ли обвинять в схоластике и догматизме А. М. Румянцева, Н. А. Цаголова, И. И. Кузьмина, в том, что студенты не хотели читать их учебники? Да, конечно. Но суть не в этих именах. Имена могли быть другие. Суть в том, что исполняемая мелодия отвечала вкусам тех, кто платил за музыку. Теория отвечала потребностям реальной социальной практики.

Вместе с тем дотошный читатель обратил, возможно, внимание на то, что оценка состояния экономической науки нашими руководителями и всей общественностью за последние два года всё же как-то изменилась. Вначале преобладали довольно резкие выражения, потом температура критического накала несколько снизилась. Ведь не без помощи же учёных и не без солидного научного задела примерно за два года была в основном подготовлена и принята концепция радикального оздоровления экономики. Пусть наши критики назовут пример разработки за такой срок

на голом месте новой технологической идеи, методов её реализации, а также подготовки проектной документации на изготовление соответствующего оборудования. Такого примера нет, а по сложности и масштабности задача коренного изменения хозяйственного механизма превосходит любой технический проект.

Откуда же взялся теоретический задел перестройки в экономике? Начну с аналогичного примера развития философии. В середине 1987 года, т. е. примерно тогда, когда концепция экономической реформы была ясна, «Комсомольская правда» рассказала о VII Всесоюзных философских чтениях молодых учёных по проблеме «Человек в современном мире» (28 июня 1987 года — прим. автора). Авторы статьи в «Комсомолке» с некоторым удивлением констатировали, что старики философы оказались более подготовленными к перестройке, чем молодые. Судя по выступлениям на чтениях, молодые «не дотягивали» до уровня «мэтров», известных обществоведов старшего поколения. «Мэтры» сформировались как учёные в те самые пятидесятые годы под очистительным ветром XX съезда партии. Импульс тех лет не только питал их в годы застоя, но и подготовил к дням нынешним. Так и в экономической науке, которая развивалась за последние десятилетия на трёх уровнях, в трёх ветвях.

Ветвь первая — официальная. Она была отражена в учебной литературе, в горах трудов по экономике развитого социализма, хотя экономическая сущность его до сих пор «засекречена». Официальная ветвь всячески поддерживалась и охранялась в докладах и выступлениях учёных, занимавших наиболее престижные научные должности.

Ветвь вторая — тоже официальная, но развивавшаяся в специальных экономических изданиях. Здесь авторитет был выше престижа. Специальные издания не читали, естественно, те, кто из вузовского курса политической экономии не вынес ничего, кроме, разве, формулы Т-Д-Т. В глазах дилетантов политическая экономия почему-то начинается и заканчивается именно этой формулой. Специальные издания особенно успешно разрабатывали и разрабатывали ключевые проблемы экономической эффективности, неоспоримы их заслуги в области экономико-математического моделирования. Поднимались на страницах таких изданий также острые политико-экономические проблемы, которые, правда, искусно вуалировались всё понимающими, но не допускающими печатной «крамолы» редакторами.

Ветвь третья — неофициальная. Наука развивалась в личном общении учёных, в кулуарах конференций и семинаров. Главное значение этой ветви состоит в поддержании высокого научного потенциала среди учёных.

Само по себе существование второй и третьей ветвей исторически весьма любопытный феномен, но возможности этих ветвей были всё же ограничены. Сильнейшей помехой явился информационный голод — отсутствие необходимой статистической информации о ряде процессов и явлений. Обещание Н. С. Хрущёва снять семь печатей бывшего ЦСУ СССР осталось невыполненным. Другой помехой было проникновение в экономическую науку карьеристов, просто бездарных людей. В годы застоя родилась горькая шутка о том, что в одной из «тёплых» республик не престижно было занимать должность парикмахера, не имея учёной степени кандидата экономических наук. Особенно мешали и продолжают ещё мешать случайные люди в преподавании, потому что, в отличие от биохимии или астрономии, сила воздействия политической экономии на социальную практику прямо определяется масштабами и качеством преподавания. Талантливый или просто добросовестный преподаватель старался найти возможность объективно проанализировать и те экономические процессы, которые замалчивались в учебниках. Ремесленник же от политической экономии лично устанавливал границы дозволенного и «ставил на место» студентов, которые «брали на себя слишком много». Так терялось доверие к самой интересной из всех наук (в том, что политическая экономия действительно самая интересная из всех наук, убеждает ежедневная практика каждого, кто платит свои деньги). Функции ремесленника в обществоведении можно определить словами песни бюрократа из кинофильма «Забывшая мелодия для флейты»: «Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем». Действующие в настоящее время в учебных заведениях правила хорошего тона уже позволяют говорить о наличии серых преподавателей, не позволяя ещё при этом называть их имена. Ну, а правила хорошего тона мы всегда соблюдали.

Подозревая, что молодым может не понравиться отмеченная выше большая готовность старых обществоведов к радикальным

переменам, постараюсь несколько исправиться. Конечно же науку должны двигать вперёд и будут двигать молодые экономисты. Мы едем с ярмарки, а не на ярмарку. Беспокоит другое — как бы под флагом столь необходимого сейчас прорыва на политико-экономическом фронте не «прорвались» вверх по должностным лестницам те, кто ловчее других жонглирует новациями, а на деле толком не знает «старой» политической экономии и не сможет обогатить без привычки к упорному труду «новую» науку об экономических отношениях. Беспокоят, в частности, попытки «обогащать» марксистскую политическую экономию простым переводом с иностранных языков положений буржуазной экономической науки. Раздаются голоса об излишней идеологизации, политизации экономической науки, мешающей достижению «лучших мировых образцов». Очень уж хочется поскорее дружить со всеми, ради чего и принципами можно поступиться. Излишнее мешает даже в еде, но в данном случае кое-какие основания для упреков в заполитизированности всё же есть. Догматизм и схоластика свою слабость годами прикрывали политическими одеяниями и ответная реакция здесь понятна. В то же время при глубоком анализе практически любой из многочисленных политико-экономических догм обнаруживается фактическое игнорирование закономерностей политического развития социализма, в первую очередь его подлинного, а не рекламного, демократизма.

Разговор об отрыве экономической теории от практики, как и практики от теории, будет неполным без разведения концепции хозяйственного механизма, нормативного и реального механизмов. Экономическая наука, в первую очередь политическая экономия, разрабатывает концепцию, систему теоретических взглядов, представлений о хозяйственном механизме на том или ином этапе развития социалистической экономики. Следующий шаг — перевод концепции в сферу конкретных решений, в систему государственных актов, различного рода методических указаний. Перевод этот весьма непрост. Жизнь учит нас, что при движении от концепции к нормативным документам теоретические представления могут исказиться до неузнаваемости. Документы готовят как центральные экономические органы, так и министерства, ведомства. Каждый орган старается в этой оранжировке прежде всего не забыть себя, своих интересов. На этапе перевода концепции в распорядительную документацию погибло не одно теоретически верное положение. Здесь нужна своего рода государственная приёмка, надзор со стороны науки с соответствующими полномочиями. Третий этап — сооружение здания по чертежам, формирование реально функционирующего хозяйственного механизма, т. е. форм и методов хозяйствования. На этом последнем этапе решающее значение имеет качество работы создателей механизма, их умение и желание, их заинтересованность в именно таком механизме. Умение появляется в результате обучения, а заинтересованность зависит и от правильной постановки диагноза (наука), и от адекватности назначенного лечения. Кроме того, надо учитывать, что хозяйственный механизм охватывает не только экономические отношения. В нём есть политические и нравственные аспекты. Так что функционирование хозяйственного механизма зависит от многих факторов, не все из которых числятся по ведомству экономической науки. Об этом надо сказать не для самооправдания. Его не может быть уже потому, что каждый учёный это и гражданин, ответственный за состояние дел в государстве. Не зря ведь говорят, что народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Вместе с тем люди нередко склонны несколько преувеличивать роль и ответственность учёных, специалистов, потому что так опять же легче оправдать собственную пассивность. Легче, лёжа на диване, поносить медицинскую науку, чем заставить себя ежедневно заниматься хотя бы разминкой. Никакие достижения экономической науки, никакие её рецепты не ликвидируют дефицита качественной одежды и обуви, если всеми доступными обществу средствами не будет повышена трудовая активность. Нельзя съесть две курицы, если в курятнике выросла только одна. Наука освещает путь, а пройти его должен каждый.

В конце прошлого 1987 года в одной из телевизионных передач наш популярный обозреватель Л. А. Вознесенский спросил у академика Л. И. Абалкина, можно ли говорить, что в ходе нынешней перестройки наблюдается интеграция экономической науки и экономического управления. Директору Института экономики Академии наук СССР может быть и приятно было бы сказать об интеграции, но он ответил, что при самой тесной связи науки с практикой наука должна оставаться автономной. Иначе она не будет наукой.

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА

1. Ни к чему все «очернять» . . .

Кое в каких горах пасутся тысячные отары незарегистрированных овец, а немые (а может быть, и не немые) торгуют в поездах дальнего следования красивенькими фотокопиями икон, физиономиями «вождей» и «японскими» гороскопами.

«С рук» можно купить самодельный пакет «Мальборо». А вот «фирменные» джинсы, которые производила из контрабандного греческого материала высоко-рентабельная одесская «фирма», с рук купить было нельзя: джинсы осторожные коммерсанты реализовывали исключительно в странах Арабского Востока. Товарооборот за последние пятнадцать лет на 50 процентов увеличился за счет роста цен; отечественные изобретения внедряются за границей, а «дома» пылятся на ведомственных стеллажах; чтобы заплатить сезонному строителю «по труду», надо обязательно что-нибудь приписать: количество отработанных человеко-дней, или любую другую «липу» . . .

Что общего между этими, казалось бы, разнородными явлениями? Этот вопрос — не из забавной серии загадок типа: «Почему помидор красный, а у троллейбуса двери открываются?», — ответ на него есть. И не смешной: овцы, «липа», пакеты и т. д. — формы проявления теневой экономики.

Теневой экономикой называют все незаконные, нерегламентированные формы ведения хозяйства. На Западе она существует в виде простом, как огурец: это производство, укрытое от налогообложения. Или еще проще — сокрытие истинной суммы своих законных доходов все с той же целью: уменьшить сумму налога. А в идеале, конечно, вообще его избежать.

Такая теневая экономика есть и у нас. Ее с полным правом можно назвать «черной» экономикой: потому что в основе ее — хищение социалистической собственности, сокрытие резервов, получение ресурсов и материалов за взятки, а также подкуп или шантаж, или привлечение «сидящего на снабжении» чиновника к доле-вому участию в «деле», приписки и всевозможные формы нарушения финансовой отчетности, и т. п., — то есть, действия, предусмотренные Уголовным кодексом.

Распространенной формой приписок в «черном» производстве, например, была реализация в виде «левой» продукции ресурсов, полученных в результате преднамеренного отклонения от установленных норм и стандартов (брак, усущка-утруска, нормы материальных затрат). К тем же результатам, по сути, вело и реальное улучшение использования общественных ресурсов при оперировании в отчетности номинальными их значениями (отсутствие в реальном процессе производства общественно допустимых потерь) и применение полученной разницы в скрытой от контроля и учета хозяйственной деятельности.

Одним из достоинств (будь она основана на правых средствах) черной эконо-

мики является более эффективная организация производства по сравнению с общественно нормальным ее уровнем (т. е. по сравнению с нормативами): в плане применения рационализации и оптимизации производства, производительности труда, бесперебойности снабжения, ориентации только и исключительно на реальные надобности потребителя, деловых качеств «руководства» и максимально полного их использования в «деле», и т. п. Впрочем, черная экономика высокоэффективна, приносит более высокую, чем нормальная, норму прибыли и при обычной организации производства: сверхнормальные доходы формируются за счет хищений сырья, материалов, электроэнергии, средств производства, рабочего времени, принадлежащих обществу, а также присвоения всей прибыли, включающей такие аналоги прибыли государственных предприятий, как налог с оборота, отчисления свободного остатка прибыли в бюджет, плата за фонды, и т. д.

Черная экономика хорошо знакома каждому любителю детективов: на ее темы и вариации сняты тысячи метров киноленты и исписаны десятки килограммов литературной продукции. Но сводить все богатство и разнообразие нашей теневой экономики к одному лишь черному сектору не стоит. Хотя долгое время это и делалось, вызвав к жизни биологизаторскую концепцию экономической преступности у нас в стране: «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет» . . .

Трактовка всей теневой экономики через призму ее самого крайнего, криминального проявления узка не только потому, что укравательство от налогов не имеет у нас таких больших масштабов, как в странах Запада. А потому, что этот вид деятельности не раскрывает специфики всех наших теневых способов ведения хозяйства.

Кое-что об этой специфике может повествовать такой экономический анекдот: вот если бы учесть все неучтенное производство, то наш национальный доход составит не 70, как утверждает статистика, а все 100 процентов от американского; но если учесть все приписки, все равно, пожалуй, останется 70. . . Такие наблюдения над парадоксами родной экономики и составляли «соль» экономического юмора.

Кроме «черной» — уголовной, и «фиктивной» — создающей фиктивные стоимости, к теневой экономике относятся: «вторая» экономика и «неформальная» экономика. Свела их воедино не только нерегламентированность, отличие от декларируемых норм и правил хозяйствования, но и то, что все они, в той или иной степени, порождены конституирующими особенностями командно-административной экономики: жесткой централизации планирования и карточного распределения ресурсов, преобладания властных мотиваций в системе управления, административных методов принятия решений, ориентированных на количественные пара-

метры, постоянного воспроизведения уравнилельных тенденций и т. д.

В виде черного рынка товаров теневая экономика широко проникла в быт, в виде черного рынка услуг пронизала практически всю сферу обслуживания. Под влиянием условий окружающей среды, а также ввиду целесообразности, оба эти рынка модифицировались в так называемый «серый» рынок: обмен товарами и услугами напрямую, минуя дензнаки, по принципу «ты мне — я тебе». Отсюда берут начало плотно внедрившиеся в язык словосочетания: «свои люди», «нужные люди», «наш человек в «мясе»» и т. п.

2. Кому нужен этот кукиш!

Кроме уже названных псевдонимных с физиономиями, «с рук» продавалось много разных других товаров разными, в том числе и не маскирующимися, людьми. Это были, например, пепельницы-черепа; модные шлягеры на рентгеновских снимках; неумирающие, несмотря на аргументированную критику, коврики с лебедями; «фотки» барда с супругой и открытки «Люби меня, как я тебя», и т. д., — иначе говоря, часть «второй» экономики (под которой понимаются индивидуальная трудовая деятельность, мелкогрупповое производство в виде артелей и кооперативов, и прочие «малые фирмы», считавшиеся с точки зрения дореформенной ортодоксии бесперспективными) была ориентирована на удовлетворение самых невзыскательных культурных запросов населения. Она выпускала изделия массовой культуры — кич.

Кич был на виду и нахально лез в глаза, и кое-кому, мало знакомому с продукцией второго сектора, могло показаться, что этим все дело и ограничивается.

В действительности было не так. Хозяйственная активность, например, проявляли лица, взявшие на себя практически все обслуживание элитарных потребностей, как материальных, так и духовных — они «шипели» эрделей, составляли «диету» для выставочных пуделей и ненавязчиво вели прочий «собачий сервис»; давали уроки икзбаны, ксерокопировали «запретные плоды» в лице «Лолиты», «Мы» и «Доктора Живаго»; практиковали психоанализ и т. д. В небольших городах сложился даже круг «мастеров» — парикмахеров, портных, репетиторов и проч. — обслуживающих всю местную бюрократическую и денежную аристократию.

Отличительные черты второй экономики — быстрое реагирование на спрос, в отличие от промышленности и сферы обслуживания, добросовестное выполненные работы, — делали ее даже в не самых актуальных для клиента формах привлекательной и удобной. А неотступное следование за быстро меняющейся модой позволяло «частникам» дать сто очков вперед неповоротливому Минлепрому и приносило исключительно высокую прибыль: Минлепром, например, выпускает устаревший «кlesh» — а кустари, следуя велению времени, джинсы; Минлепром

«раскачался», закупил, наконец, джинсы — года через полтора-два после того, как они вышли из моды, — а клиент гоняется за «подпольными» бананами цвета хаки, и т. п.

Но наибольший вклад функционеры второй экономики внесли в удовлетворение самых обычных, повседневных-бытовых потребностей рядовых потребителей. Так, по ориентировочным сведениям, только оказанием услуг во втором секторе занималось около 20 миллионов человек, тогда как по патентам к началу 1987 года работало лишь 100 тысяч индивидуальных (в основном это были лица, занимающиеся «народными художественными промыслами», хотя попадались и сапожники, и портные, и репетиторы). Нелегализованные индивидуальные выполняли в городе 50% ремонта обуви, 45% ремонта квартир, 40% ремонта автомобилей, 30% — сложной бытовой техники, 40% пошивочных работ. На селе доля частного сервиса составляла 80% от общего объема бытовых услуг, оказанных населению. Вместе с этим кустари не только дублировали все традиционные услуги сферы общественного обслуживания, но и шли навстречу жаждущим потребителям в том, что тем жизненно необходимо, а Минкоммунхозом не запланировано: например, при практическом отсутствии государственных организаций, берущих подряд у индивидуального застройщика, возводили ежегодно порядка 16 миллионов метров площади личных жилых домиков, строили сараи, веранды, летние кухни, гаражи и т. д.

Но вот не зафиксированный, кстати, не только в законодательных актах, но и в нормативных документах и положениях, запрет на индивидуальную трудовую деятельность снят; казалось бы, все эти миллионы не утративших производственных навыков, качественно и интенсивно работающих индивидуальных, должны бы обрадованно выйти из «подполья», начать масшированную, и на законных основаниях, удовлетворение насущных потребностей граждан... Ан нет.

Основная масса подпольных умельцев предпочитает держаться в тени. В «дело» на легальных основаниях бросаются «не нюхавшие пороха» новички — без особых умений, без клиентуры, без налаженных каналов ресурсодобывания... Заявки на патент, далее, подают лица, которых ни в коем случае нельзя пускать в сектор ИТД — те, кто пытается легализовать таким «хитрым» способом свои нечестно нажитые в прошлом доходы: выборочный анализ в одном из районов Московской области, например, показал, что 90% заявок представлено гражданами, имеющими одну или несколько судимостей, работающими ныне в области торговли и автосервиса, и специфика избранного ими потенциального поприща (одна дама, например, предложила осуществлять городок домом свиданий) заставляет усомниться в искренности их желания внести общественно полезный трудовой вклад.

Но более того. Исклчительно активными темпами стали развиваться и такие, уже легализованные виды ИТД, которые тоже явно индифферентны к насущным нуждам покупателей. Так, московский индивидуально-трудовой рынок переполнен не детскими вещами, не модным ассортиментом одежды для взрослых, — и даже, скажем, не щетками с длинненькой ручкой для мытья посуды, которые в Москве днем с огнем не найдешь, — а вещами социально бесперспективными. Проще

говоря, все тем же кичем. Только раньше он плавал на поверхности кое-где, как пена у берега, — а сейчас вопиет к эстетическому вкусу где попало: в переходах, в парках, на Арбате. Это — нечто, похожее на оципанную курицу, но под названием «дракон»; псевдо в квадрате — «медные» и «перуанские» браслеты от «ста болезней»; и даже — кукиши, они же фиги, как информирует «Комсомольская правда», в настольном, напольном и карманном исполнении.

Не рванется ли вторая экономика по этому «фиговому», социально-бесперспективному пути? Кому он, действительно, этот кукиш нужен? И почему так вообще происходит?

Если не отвлекаться мыслью от того бесспорного факта, что индивидуал, в отличие от отраслей «первого» сектора (дохозрасчетных) не вправе позволить себе роскошь выпускать неходовую, не пользующуюся спросом продукцию, т. е. — идет навстречу покупателю; а не «навязывается» ему, — то нужно, наверное, признать, что уровень «сувенирного» рынка прямо определен уровнем эстетических запросов покупателя. Что в радостном — «Гля, чего продают!» — уплачивании своих, кровных, за низкопробный ширпотреб проявилась многолетне-подавляемая тоска массового потребителя по изделиям массовой культуры, т. е. — по этому самому кичу. Выплеснулись, иначе говоря, те запросы и потребности, о которых долго с гордостью говорилось, что их у нас нет, — и диктуют моду, которую индивидуальный сектор четко улавливает. Помноженные на денежную состоятельность и множественность клиентуры, эти запросы действительно могут привести к значительному крену индивидуально-трудового рынка в сторону вредного кича. И проще всего бы это явление запретить. «Кичевиков» объявить спекулянтами, отобрать от них патент, и загнать мечту о каком-нибудь «черепе посимпатичнее» в глубины подсознания покупателя — пусть, мол, спит там и дальше, зато предприимчивые дельцы сверхдоходов со своей социально-индифферентной продукцией не получат. Думается, что путь этот не самый перспективный. Единственный значимый результат, к которому он может привести — создать прецедент для запретов. Уже не на кич, а на что-нибудь другое. Что тому или иному начальству по тем или иным, сугубо личным причинам не нравится. Очевидно, что принцип «что не запрещено (имея в виду продукцию антисоциальной направленности: наркотики, оружие, порнографию), то разрешено», обеспечивающий развитие наиболее перспективных, опережающих видов ИТД, должен действовать в полную силу. А способствовать сокращению и, в конечном счете, вытеснению «кичевого» сектора ИТД представляется целесообразным путем естественно-экономических методов, т. е. — конкуренцией со стороны эстетически подкованных индивидуальных и кооператоров. Которым есть что показать рвущимся к красоте согражданам, кроме кукиша.

Но всего покупательского спроса, при всей возможной красоте, сувенирный рынок не рассосет. Покупатель отчасти оттого и бросается на кич, что больше покупать ему нечего: на безрыбье и кич радует.

Оживиться же индивидуалам и кооператорам, наполнить рынок продукцией хорошей и очень хорошей, мешает ряд отчетливо оформившихся к настоящему времени факторов.

Более устойчивым, чем это можно было предположить, оказался стереотип «казарменного социализма»: все должны жить пусть плохо, но одинаково. А хорошо пусть, пусть и на честно заработанные деньги, стыдно.

Поэтому «частник», «кустарь», «шабашник», «левак», хотя и названные индивидуалами-итэдэшниками, продолжают негативно восприниматься массовым общественным мнением. Интеллигентный человек, например, с теми же художественными наклонностями, в «кустари» не пойдет — «неэтично как-то», и «что-то не то». И мастеровой, который давным-давно потихоньку «левачит», обнародоваться, особенно в маленьком, где «все друг друга знают», городе, тоже не станет: «Что люди скажут...», «С отцов-прадедов рабочий, и куркулем заделаюсь?»...

Очевидно, что преодолению подобных стереотипов общественного сознания должны способствовать не только усилия средств массовой информации, но и меры по реальному воплощению принципа «от каждого по способностям, каждому по труду» в первой экономике. Если работник в любой народнохозяйственной отрасли будет получать не столько, сколько ему «делают вид, что платят» сейчас (соответственно при этом, работая, а не «отбивая»), то отпадет такая почва для консервации стереотипа, как зависть, связанная с невозможностью занятых в первой экономике «дотянуться» до уровня заработков во второй экономике.

Людям с многолетним опытом ИТД и кой-какими заработками мешает ринуться в легализацию, в отличие от ошалевших от нищеты инженеров, мэнэзсов и прочих «технарей», еще и неверие в долговременность политики государства в отношении ИТД: проводя кое-какие исторические параллели, они предпочитают выждать, посмотреть, что получится, — дело ведут по-старинке, подпольно. Опровергнуть реально сильные боязнь и недоверие, по видимому, способны только время да изменение отношения к перспективам развития ИТД и кооперации. Их развитие зачастую связывается с необходимостью «заткнуть дыры» в проблеме насыщения рынка государственными учреждениями и предприятиями, и срок отмеряется им «до поры — до времени» — того, когда эту задачу сможет выполнить сам, первый сектор. Такой подход служит как основой всякого рода ограничений на развитие ИТД, так и порождает, особенно когда такие заявления делаются официальными лицами, сомнение в устойчивом благополучии рискнувших «высунуться» индивидуальных и кооператоров.

Но, кроме психологии, есть еще и грубая эмпирика: «частникам» с постоянной клиентурой просто-напросто невыгодно легализоваться. Легализация — это значит налог, причем довольно высокий: для индивидуальных он составляет 65% с доходов, превышающих 500 рублей в месяц. И самым авторитетным, пользующимся наибольшим спросом «мастерам» — портным, автомеханикам, теле- и радиомастерам, полотерам, обойщикам и т. п., это «не с руки». Нет у них решительно никаких побуждений к тому, чтобы «ни за что, ни про что» отдавать свои многолетне-стопроцентные доходы. Поэтому услугами их продолжают пользоваться частью «солідные» клиенты или «вышедшие» на них с трудом обыкновенные граждане, чужаки, хотя и не по принципу «рука руку моет», но, хлебнув прелестей службы бы-

та, тоже никогда не «заложат» «своего» мастера — они его, наоборот, будут по мере надобности использовать на «сером» рынке («ты мне — портнику, я тебе — парикмахера»), и в случае необходимости отσταивать.

Ограничить сверхдоходы, на что, в том числе, ориентирован прогрессивный налог, думается, целесообразнее с помощью методов, опять-таки чисто экономических: путем создания конкуренции внутри самого сектора ИТД. Это бы заодно привело и к нормализации отношений между заказчиком и исполнителем: не бедолага с неисправным магнитофоном гонялся бы за «дядей Федей», а дядя Федя, сойдя со своего пьедестала — за заказчиком рублем. Ослабление налогового пресса, по всей видимости, — действенный рычаг в быстрейшем развитии ИТД.

Но на пути к легализации «второй» экономики лежит еще одно, очень существенное, препятствие. Оно объясняет, почему даже самый социабельный «частник» — который законопослушен (в приемлемых для себя рамках, конечно), не может легализоваться.

Дело в том, что вторая экономика связана с теневой не внешней, поверхностной — так, что разрешить ее, и она станет индивидуально-трудовой деятельностью, — а глубокой внутренней связью. У хорошего частника есть ахиллесова пята, и одновременно — его основное достоинство: он обладает всевозможным дефицитом. Запчастями к автомашинам, обоями и стройматериалами, черными унитазами и радиодетальями и т. д. И все это достается ему, в лучшем случае, «по благу» — не нуждающемуся, естественно, в рекламе; в худшем — имеющему место чаще всего — «уносится» с основного места работы. Понятно, что в таких условиях бестактное, навязчивое внимание фининспектора чревато и нежелательно.

Не редкость даже случаи, когда вся специфика типичной для какой-то местности «второй» экономики определяется характером существующего там производства: бабули и женщины, например, с особым усердием вяжут свитерочки и шапочки окрест ткацких фабрик, где краденая с предприятия пряжа, в силу массового предложения, продается по дешевке; сапожный промысел — при том, что высококачественной кожи вообще нет в продаже, — развивается вблизи кожевенных заводов, вообще, массовые хищения чего-либо с производства чаще всего «всплывают» именно во второй экономике — паразитирующей, таким образом, целыми своими массивами, уже не на индивидуально-личном, а на «обобщественном» криминале.

Что же делать? Прежде всего, конечно, приходит на ум предложение «традиционное»: активизировать деятельность соответствующих органов по выявлению индивидуальных-нелегалов — может быть, мето-

дами включенного сыска и наблюдения, — с последующим применением к ним попутно ужесточившихся мер. Но видится оно, по размышлению, малоэффективным.

Хотя недопустимым представляется и такой способ облегчения легализации «частников», который, при той же дефицитности ресурсов, принят, например, в Венгрии. «Государство, — комментирует сложившуюся там практику известный венгерский экономист Я. Корнаи, — проявляет лояльность по отношению к «сомнительной», с точки зрения ресурсообеспечения, индивидуальной деятельности, если она считается социально полезной или хотя бы не вредной; в противном случае трудовая энергия масс осталась бы невостребованной».

Неприемлем для нас такой опыт, и не с моральной — хотя тут можно бы и поморализовать, — а с практической точки зрения: если такими темпами, при преобладании запретительных мотивов, все нужное «уносится» сейчас, то при малейшем намеке на «лояльность» немудрено и вовсе все производство растащить. По винтику.

Эффективной видится иная мера. Не административно-карательная, и не страусино-политическая, — разумно-экономическая. Как и экономика в целом, «вторая» экономика нуждается в максимальной реабилитации и восстановлении в правах товарно-денежных отношений. То есть — для полноценного функционирования сектора индивидуально-трудовой деятельности и кооперации необходим свободный, основанный на коммерческих ценах, рынок материалов и ресурсов, полностью обеспечивающий все его нужды.

Не исключено, что кроме насущной экономической, такой рынок выполнит еще и нравственно-оздоровляющую задачу: самой возможностью выбора «купить или украсть?», т. е. слово «взял», думается, с такой легкостью заменило более адекватное определение «украл» в значительной степени благодаря предметно-практической неосмысленности понятия «купил». А менять социально-психологические стереотипы в сознании лучше всего переменами в экономическом бытии.

Иначе говоря, вытеснить теневую экономику из сектора второй экономики не просто. Потому что на сегодняшний день ее большая, активно действующая часть — в «тени». И методы вытеснения совпадают с методами стабилизации и развития формирующегося индивидуально-кооперативного сектора, его органичного встраивания в целостный хозяйственный механизм: они не только выводят «вторую» экономику из «подполья» на свет Божий, но и выстраивают, попутно, условия максимальной ориентации на производство общественно-ценной продукции: так, чтобы кукиш, который кажет покупателю сегодняшней рынок, исчез бесследно. За ненужностью.

АЙЯ ЦАЛИТЕ

ПУТЬ

«Ничего не было, ничего не будет; все есть, всему присущи сущность и настоящее».
ГЕРМАН ГЕССЕ

Она состоялась в октябре прошлого года, эта поездка по местам боевой славы красных латышских стрелков, совместно организованная ЦК ЛКСМ Латвии, Музеем красных латышских стрелков и республиканским Фондом культуры. Теперь все позади, и развеялось странное чувство ирреальности, охватывающее нас порой то в Кромах, то у Перекопа, то в каком-то украинском селе, когда, казалось, исторические факты материализовались, и мы настолько приблизились к ним, что еще один шаг и... Еще шаг — и мы оказались бы там, но мгновение истекло. Хотя след в сознании оно оставило.

От Малой Юглы — через Ливаны и Даугавпилс, через Смоленск к Брянску, Карачеву, Орлу, Кромам. Через Харьков к Новой Каховке, оттуда — к Черновке, Армянску, а дальше — Перекоп, Турецкий вал. И, наконец, Евпатория, где для Юго-Западного фронта завершилась гражданская война. Потом — обратный путь, возвращение.

Сейчас для меня важен именно ПУТЬ. Опять и опять я ощущаю потребность вернуть себе ощущение реальности этого пути. Ведь одной веры мне уже маловато. В поисках следов и отметин, видимых и едва ощутимых на том, пройденном стрелками пути, я начинаю другой путь. Может, не в соответствии с принципами топографии, сворачивающий куда не надо, и все-таки, мой. Свой. Иду к той подземной струе жизни в прошлом, что соединяет меня, латышку, со степями Украины, что заставляла по-человечески понять иной путь, пройденный теми, кто, может быть, и родился в ином созвездии.

Можно, конечно, назвать прошлое историей, продиктовать список обязательной для чтения литературы и возомнить, будто дело сделано. (Но, помнится, у древних греков не только трагедия, танец и поэзия имели покровительниц-муз. Клио — так звали ту из дочерей Зевса, которая покровительствовала истории.) Я и сейчас уже чувствую — эта подземная струя жизни, где-то засыпанная, где-то выложенная мраморными плитами, не так легко дается в руки. И этот пройденный нами путь от Малой Юглы до Евпатории превращается из цепочки аргументов в клубок из сотни противоречивых аргументов.

1

Места боев на Малой Югле теперь обозначены памятным камнем и несчетными, вросшими в землю каменными столбиками — надгробиями погибших. Это вдалеке

от шоссе. И найдет это место только знаток.

Но Малая Югла в нашем сознании утвердилась не так крепко, как Навессала (Остров Смерти), Тирельские болота. Здесь впервые на землю Латвии пролилась кровь латышских красных стрелков. Случилось это после исторического II съезда стрелков. Был август 1917 года, когда под руководством командира Юкумса Вацетиса латышские стрелки выполнили задание партии большевиков: прикрыть отступление 12-й армии и не пустить немцев в Петроград.

26 часов. Шестеро немцев на одного латыша. Оставшимся в живых 642 стрелкам пятого полка Временное правительство всем как одному вручило Георгиевский крест. За неслыханное геройство, которого не мог не признать даже враг. А ведь сражение начали полторы тысячи стрелков полка...

В Латвии, насколько я могу сравнивать с другими республиками, довольно высока культура ухода за местами последнего упокоения, культура поминовения усопших. Это не позволяет впредь успокоиться на достигнутом. Но святая народная традиция требует продолжения. Да, на Малой Югле есть памятный камень и ряды памятников. Не трава виновата, которой они заросли. Чувство заброшенности было еще сильнее из-за серого и влажного утреннего тумана в конце октября. Не зря образованная позднее, в ноябре, комиссия, занимающаяся красными латышскими стрелками, в качестве первой задачи выдвинула приведение в порядок Малой Юглы. Она должна стать местом, **свидетельствующим** о памяти, а не местом, где о памяти пришлось бы напоминать.

Но что же это такое — память? Не углубляясь в семантические языковедческие изыскания, можно сразу сказать — память, это еще одно слово, понятие, которое следует освободить от суррогатных лозунгов, налета самоуверенности, исторического косоглазия. Его нужно очистить и наделить дыханием. Не покушаясь на святину, скажу, что память нельзя приравнять к вечному огню. Вечный огонь питают мастерски подведенные газопроводы, а память без живого дыхания гибнет. Но обеспечить непрерывность дыхания сложно. Не знаю, как быть с Новым заветом, в который вписано: «Эрнест Шенбергс 1917.26.XII». И с теми фотографиями, на которых видный парень с лихо сдвинутой на затылок шапкой. Родился около 1895 года. Умер, очевидно, после 1917, как я понимаю, неподалеку от Харькова, во время эпидемии тифа. От него и умер, в постели, а не так, как полагалось бы латышскому стрелку. Это все, что осталось от брата моего дедушки Эрнеста Шенбергса две войны спустя. Руки опускаются от бессилия, когда осознаешь конечность человеческой жизни и то, что бывает ТАК, что от человека ничего не осталось, даже воспоминаний, потому что некому вспоминать. Есть лишь осколки легенды о светлой голове и азарте карточного игрока. Но что эти осколки рядом с бравыми, мощными мужами, что строевым шагом идут на нас с картин, чьи лица — как железо, как маски. Так и стоит Новый завет на моей книжной полке и молчит о чьей-то жизни.

2

Проезжаем через Ливаны. Здесь много латышских парней простилось с землей

Латвии. Они отправились к Могилеву — воевать с белополяками. К Орлу — воевать с Деникиным. Но мысль моя торопится, перескакивая через то время, когда было свергнуто в России Временное правительство, когда 1918 год проверил верность латышей революции и доказал, что она — высшей пробы: за спиной у них эсерский мятеж в Москве, Казани, Саратове, другие горячие точки контрреволюции, куда латышских стрелков посылали как самые надежные части Красной Армии. Вот что пишет об этом времени Юкумс Вацетис:

«Латышские стрелки выше всего ставили свой гражданский и солдатский долг. Революция сделала латышских стрелков лучше, чем они были до того, потому что революция дала латышам возможность проявить в жизни свои лучшие качества **культурных** (подчеркнуто мной — А. Ц.) людей: благородство, человечность, мужество и верность долгу. Латышский стрелок никого не обижал, он всюду был на стороне несчастных и угнетенных» («Историческое значение латышских стрелков»).

Осенью 1919 года деникинцы двинулись на Москву, тогда уже столицу Советской России. ЦК партии большевиков утвердил несколько внеочередных мероприятий, чтобы создать перелом на Южном фронте. В сформированную ударную группу вошли Латышская стрелковая дивизия (9 полков), бригада Павлова и «червоныне» казаки Примакова.

Следующая остановка на нашем пути — небольшое село Карачево. Яркие синие и зеленые домики; не признавая дворовых границ, вперевалку разгуливают жирные гуси. Разглядывать наш «Икарус» ни у кого нет времени — только что грузовик сбил мотоцикл, и жители села бурно толкуют о ходе события и возможных последствиях.

А карачевская станция, небольшое белое здание, как стояло семьдесят лет назад, так и по сей день стоит.

Этот железнодорожный узел стал тогда местом сбора пятнадцати полков Красной Армии перед решающим ударом по Деникину. Девять из них были — латышские...

Францис Миезис показывает, где можно было разжиться горячей водой для чая. Он вспоминает, какие из домов стояли уже тогда, каких не было.

Годы тяжело, как камни, навалились на память здешних жителей. Ростки памяти выполоты, но корни где-то глубоко остались, не могли не остаться. Янис Драудиньш рассказывает о переполненных вагонах, о том, как трудно было загонять в вагоны лошадей и выгонять их оттуда.

Какое значение имеет сегодня в нашей стране само понятие и слово «красный латышский стрелок»? Можно ответить, как на экзамене: большое... Но это обширный и противоречивый вопрос. За время поездки я задавала его и себе, и историкам, ловила слова и фразы, которые бы конкретизировали и стабильнее обозначили осознание и оценку места латышских стрелков в сегодняшнем обороте исторического сознания.

Нельзя считать неоспоримой ту точку зрения, будто прежде всего нужно поднимать противоречивую, освобожденную и живую фигуру стрелка на надлежащую высоту в сознании своего собственного народа. Украшая фуражку, о сапогах мы забываем. И в «Созвездии стрелков» теперь чувствуется еще больше щемящей боли, чем тогда, когда Юрис Подниекс

впервые подверг нас этой «шокоterapiи». Сегодня выветились незамеченные тогда нюансы, активнее стали второй и третий планы, и вместо бодрой строевой песни стрелков хочется запеть «Две голубки пролетели»...

3

Орел — большой город, город Тургенева, такой обширный, что кажется голым и холодным. Может быть, виновата осень. Забота о нас анонимного доброжелателя чувствуется на каждом шагу. Гостиница — «люкс», обслуживание — «люкс»... Этакий анонимный «люкс». Да, были мы в Орле...

«Удар, нанесенный латышскими стрелками под Орлом, один из величайших подвигов среди завоеваний всей Советской страны и Октябрьской революции, и занимает одну из первых страниц в истории нашей Красной Армии», — писал позднее тогдашний командующий Южным фронтом А. Егоров в книге «Латышский революционный стрелок», вышедшей в Москве в 1934 году.

Бывают же такие мгновения — насыщенные, волнующие, внезапные, и кажется — они вне будничной закономерностей.

В Кромы, городок, название которого для знатока ассоциируется с известной «Орловско-Кромской операцией», мы въехали неожиданно. И, как оказалось, столь же неожиданно вызвали праздничный подъем среди учеников местной школы. Кажется, напрасно сообщать, что они знали о боевом пути латышских стрелков в этих краях — об этом ошутимо свидетельствовали материалы, собранные в школьном краеведческом музее, переписка и сотрудничество с Музеем красных латышских стрелков. Но осознание этой встречи как события обеими сторонами имеет две причины. Я. Драудиньш, О. Янушкевич и Ф. Миезис здесь воистину почувствовали удивительное соприкосновение с людьми, творящими историю своего края. И настроение, возникшее в этом зале, сразу охватило нас, прочих гостей из Латвии. Есть человек, чье мнение здесь — решающее. Учительница истории Нина Рождественская. Одна из тех, чьим энтузиазмом жив здесь «островок аккумуляции» исторической памяти. В приказном порядке этого не добьешься. Но когда такие люди завершают свой труд, нет абсолютной гарантии, что найдется продолжатель. И нам надо об этом подумать. О том, как трудно теперь искать знатоков истории своего края, и сколько энтузиазма нужно, чтобы начать заново это глубинное изучение истории.

В кромской школе пришлось задуматься о том, как каждый из нас воспринимает историю. Как логическую закономерность и цепь закономерных случайностей. Как интригующее приключение со счастливым финалом (сегодня). Речь здесь не об основах исторического материализма, а о том, как это реально происходит с каждым человеком. Ко мне история обращается на языке эмоций и деталей. В Кромах словом истории стала алюминиевая ложка, из тех, какие мастерами стрелки из осколков, найденных на поле боя. Хорошо сделана, чувствуется своеобразный «дизайн», а на стенде она лежала под стеклом такая беззащитная, обнаженная и беспомощная. Как солдат, вернувшийся с войны домой.

4

В 1915 году на заводе «Руссо-Балт», находившемся тогда в Латвии, была построе-

на первая в мире модель танка. После испытаний ее признали негодной к употреблению, и потому техническую документацию сдали в архив. Три месяца спустя, в сентябре, такую же идею реализовали англичане, но — осознав возможности изобретения в будущем. Так латышские стрелки встретились впервые с танками, что называется, с глазу на глаз. На гражданской войне, где пришлось воевать с ними чуть ли не голыми руками...

Наша группа добралась до Новой Каховки. До теплого и уютного городка, чье название так прочно ассоциируется с гражданской войной. Но — это уже не городок той поры. Тот, называвшийся Малой Каховкой, затоплен при строительстве Каховской ГЭС, это произошло в пятидесятые годы. Но мы, гости, не имеем права вмешиваться со своими выводами в происходящие процессы. (Хотя, доводилось читать, что верхний слой богатой украинской земли при образовании сети ирригационных сооружений был смыт.) Сама Новая Каховка — типичный городок пятидесятых. Пришедший из столицы стиль псевдоклассицизма по дороге растерял часть своей помпезности, и образовалась своеобразная неповторимость городка. Каждое дерево здесь посажено руками человека. В целом этот город был для нас своего рода открытием, местом, оставшимся в памяти.

Сейчас самое время рассказать о поэте, экскурсоводе Анатолии Яковлеве. Чтобы в очередной раз убедиться, что город — это живущие в нем люди.

Еще не доводилось встречаться с человеком, который бы с такой заинтересованностью, самоотдачей и любовью заболел о том, чтобы включить в культурно-исторический оборот своего края проявление духа и гордость **другого** народа. Здесь даже ни к чему нравоучительно поднимать перст: вот, а вы у себя дома бока пролеживаете, пока история края пущена на самотек, куда вам еще о других народах вспоминать. Или приводить ряд положительных примеров: переписка, уход за могилами... Вроде бы то, что нужно, и все же — нет. Забота Анатолия Яковлева о том, чтобы ожила память о латышских стрелках, — это его «жизненный двигатель», заставляющий стремиться вперед и вкапываться вглубь — в прямом и переносном значении этого слова: и копать в земле в поисках осколков и гильз, и рыться в книгах и документах. Потом в дело вступает его поэтический дар — и возникают поэтические повествования о сражениях и о тех, кто в них участвовал, и слушатель явственно ощущает, как невыносима жажда под палящим солнцем Таврии (хотя тогда оно было по-осеннему нежарким).

В пятидесятые годы директор местного музея, бывший латышский красный стрелок Ушацкич впервые попытался собрать и обобщить материалы о боевом пути стрелков в этих краях. Он фотографировал пейзажи тогда еще не затопленных мест — такими они были и при форсировании Днепра, когда Красная Армия сражалась за Каховский плацдарм. Он поставил и памятник погибшим, от которого почти ничего не осталось. Но — это были пятидесятые годы.

Анатолий Яковлев, начав работать экскурсоводом, открывал для себя все новые факты из истории латышских полков в степях Таврии. Книжки, поездки в Ригу, в Музей красных латышских стрелков, встречи с легендарными людьми. И все отчет-

ливее выкристаллизовывалась мысль Анатолия Яковлева, актуальность которой сегодня ощущается все острее.

«Мне важно знать имена тех, кто здесь сражался. Чтобы рассказать не только о ходе боевых действий. Чтобы семьдесят лет спустя здесь прозвучало имя того, кого уже нет среди живых. И неважно, кто каких военных званий добился», — и Анатолий Яковлев начинает называть имена, такие латышские, вроде бы чуждые славянской речи, но звучат они правильно, даже с ударением на первом слоге.

Меня все более смущает фраза: «Вы должны быть достойны своих отцов и дедов». Но у меня один отец, мой отец, и два деда. И это абстрактное слово «наши» звучит так «сверхчеловечески», так холодно. И это тоже — «белое», нет, **пустое** место в нашем понимании истории. Начинать надо с себя, со своего. Хотя он и не был генералом или полковником. Но кто, кроме отца, еще вспомнит моего деда, красного латышского стрелка Яниса Волдемарса Шенберга, братьев моей бабушки — красных латышских стрелков Владислава и Винцетса Курситисов, если этого не сделаем мы, наш род. Если мы не будем потомками красных стрелков **вообще**, а осознаем — чьи именно мы потомки. Что для меня самой значит — быть достойной деда? Много ли, мало ли — его — слова, которых я никогда не забуду: «Если ты могла сделать лучше, то почему не сделала?»

5

Харьков мы осмотреть не успели — проехали сквозь город в потемках. Узнали только, что там хранится 37-тонный танк. Английского производства, отбит у бело-гвардейцев в величайшем танковом сражении гражданской войны. Мы идем по плотной степной земле, гладкой, как камень. Яковлев предлагает ковырнуть — удастся ли? Не получится. Траншеи, вырытые стрелками, сохранились, будто вырубленные в камне.

Степь. Ветер. Две стихии, которые пока сам не увидишь и не ощутишь, оценить не можешь. Простор степей удивителен, и прежде всего странно, что не на чем глазу остановиться, но со временем приходит то необычайное ощущение свободы, познав которое, не станешь жаловаться на однообразие степи и скучный пейзаж. И еще — ветер. Владыка степей. Что хочет — то и делает. Прижал деревья к земле, так они и растут, покорные, не устремляясь в глубь неба. И еще — цепкая трава, клубки «перекати-поле», что носится по степи ажурными шариками. Вот такая картина, и в своей завершенности она кажется вечной. Хотя изменилось многое. Появилась зеленая вода синь ирригационных каналов — и земля стала плодородной. Но для Анатолия Яковлева эта вода — как памятник. Тем парням, которым пришлось выдержать не только борьбу с бельями, но и иные бесчисленные сражения, порой по несколько в день. С собой. Со своей жаждой под горячим небом Таврии. С пылью и сухим ветром в иссушенном горле.

Дальнейший наш путь ведет по степи, наперекор ветру туда, где 12 августа 1920 года неожиданно появившийся белогвардейский полк окружил стрелков 4-го Видземского полка. Их загнали в ближайший сарай и там пытали, потом они были расстреляны. Позднее местные жители установили там памятный камень. «Не только

о славе нужно помнить, но каждый должен почувствовать, что прошлое рядом и что прошедшее время не разлучило нас с событием навеки», — так сказал Анатолий Яковлев после минуты молчания у этого памятного камня. И странно было нам стоять в этой вечной степи под этим вечным ветром, сдувающим пафос со слов. На этом просторе и легко, и даже необходимо думать о чем-то огромном.

С восторгом вспоминает Анатолий, как показывал эти места одному замечательному латышу — Юрису Подниексу, который приезжал сюда на киносъемки. И хочеться знать, как сложилась судьба фильма. Вроде бы показывали здесь в кино какие-то фрагменты. Но всего «Созвездия стрелков» (название мы подсказали) здесь так и не дождалось. Фильм запутался в хитросплетениях кинопроката. А может, нам, латышам, по силам выпутать его и довести до Каховки? Нет, мы не считаем непозволенным фильм своим долгом здешним жителям. Но, полагаю, нам удастся, отбросив стеснительность, подарить другим частицу того, что так дорого нам самим. И притом, ничего не теряя, а лишь обретая... а?

6

Один из экскурсионных маршрутов ведет прямо к Перекопу, к Турецкому валу, что вырыт две тысячи лет назад. Вал высотой в три метра, ров перед ним глубиной в три метра, итого шесть.

Янис Драудиньш вспоминает, как от взрывов дрожала земля. Почти как землетрясение — приходилось выбегать из сарая, где поселились стрелки, чтобы крыша не рухнула на голову. Драудиньш показывает, как вдоль берега разместились военные корабли белых. Они обстреливали Турецкий вал. Кажется, и здесь время повернуло вспять. Мы и впрямь, как говорил Анатолий, время от времени находим патроны поры гражданской войны, с японским клеймом. А рядом — патроны Великой Отечественной. Кое-где осколки снарядов. Мы спускаемся в ложбину, соленого ветра здесь не чувствуется, зато слышен шум волн Сиваша. Что такое Сиваш? Историки скажут, что здесь части Красной Армии, успешно форсировав озеро, закрепились на важных для Перекопских боев позициях. А для геологов Сиваш — соляное озеро, где на кубометр воды приходится около 230 кг соли. В 1935 году один прохожий заметил, что из воды торчат штыки. Потянул за него — вытянул руку. А потом — и труп красноармейца. Так же и те, что приходили сюда после войны, собирая осколки, замечали, как белеют в земле кости.

В этих решающих сражениях у Перекопа латышская дивизия не играла такой уж значительной роли — она была ослаблена, потеряла много бойцов. Но в Крыму пришлось опять собраться с силами.

В Преображенске воспоминания наших стрелков оживают с новой силой. Янис Драудиньш показывает, где стояла церковь и где был театр, на сцене которого, как он считает, играл и Эвалдс Валтерс. Самое увлекательное — будничные детали, которые Янис Драудиньш вспоминает так, будто все это было вчера.

Там, где жили, был колодец, которым все пользовались. Но солдатские котелки понемногу все оказались на дне этого колодца. Есть не из чего — и один деятельный парень решил спускаться и выудить их оттуда. Спустили на веревке, а он из колодца еще одну веревку требует. Спу-

стили. Велел тянуть. И стрелки вытянули... труп попа. Оказалось, его утопили в колодце белые — из мести, за то, что не указал им дорогу. Настроение было — не ах. Все-таки поп месяц в колодце пробыл, а ребята эту воду пили. Но, поскольку никто не заболел, об этом быстро забыли. Когда такая жарница — лучше о подобных вещах не задумываться, чтобы не умереть от жажды. А при всем при том южные ночи оказались такие холодные, что вставали вместе с солнцем, холод спать не давал. Ночью — под двумя шинелями, а днем — полуголые, под жарким солнцем.

Еще один враг — тиф. Янису Драудиньшу пришлось с ним повоевать. Лекарств почитай что нет, в госпитале уход никудышный. Стаканчик соленой воды каждый день — вот и все. Выжили те, у кого организм был покрепче.

Говоря о гражданской войне и Украине, нельзя не упомянуть Махно. То он белый, то красный, сперва националист, а потом (таким и остался для истории) анархист, для кого законы не писаны, ни государственные, ни законы чести. Вот какой фольклор уцелел с тех времен:

Ой, батька Махно,
Что за нация!
Кругом грабежи,
Слекуляция.

И еще:

Я на бочке сижу,
Бочка вертится.
Записался я к Петлюре,
Махно сердится.

Пестрое времечко. Драудиньш рассказывает, что как-то довелось пожить в одном селе с махновцами. Одни — на одном конце, другие — на другом, так и жили. Как-то вечером махновцы привезли целую бочку вина, дали ведро и стрелкам. Но стычек той ночью не было. Еще он вспоминает про Махно — тот часто переодевался женщиной и шел на рынок. И купивши масло, разрывнув его дома, читал на бумажке: «Кто сыр, масло покупал, тот батьку Махно повидал». Делал батька это, чтобы разведать новости, узнать положение на фронтах.

Но в конце концов, когда гражданская война уже близилась к завершению, Махно стал одним из злейших наших врагов — и стрелки были посланы против одной из его банд.

21 ноября 1920 года, когда победа Красной Армии на этом фронте уже была делом решенным, махновцы взяли в плен и зверски замучили командира 6-го латышского стрелкового полка, позднее 2-й бригады, Фрициса Лабренциса.

Его похоронили на Старом кладбище Евпатории. Мы отправились туда, чтобы почтить его память и возложить на могилу привезенные из Риги цветы.

Разоренный вид Старого кладбища нас не очень удивил. Надо заметить — и в Латвии все чаще встречаешь беспорядок на кладбищах. Как бы это ни звучало противоречиво и непонятно. Но можно придумать аллегория: Спилоле как-то не удалось удержать Лацплесиса, и он нанес рану тому источнику, который соединяет нас с прошлым.

И потому, никого конкретно не обвиняя и не осуждая, ни на кого не возлагая личную ответственность за происходящее,

я опишу то, что мы видели на Старом кладбище в Евпатории.

Памятник Фрицису Лабренцису опрокинут. Могила заросла кустами. Наше появление спугнуло местную будничную жизнь. Две старушки сидят на мраморной окантовке могилы, в середине они разложили газету, а на ней — лакомые кусочки для десятка драных кошек, что явились сюда пообедать. Старушки сердятся — мы всполошили кошек, и кошки удрали. Нам досталось немало резких эпитетов, а смысл был таков: «Кто вы такие, чтобы тут свои порядки заводить». Когда местные жительницы ушли, курсанты нашего военного училища Армандс и Арнис встали у памятника в почетном карауле. Минута молчания.

Когда мы сядились в автобус, заметили — в кустах шевельнулись две фигуры, возвращавшиеся к могиле Фрициса Лабренциса.

Уезжали мы молча. На обратном пути проехали мимо села Балтазаровки, у которого погиб 9-й латышский стрелковый полк. В степи заходит солнце, и в присутствии вечности хочется насильно прогнать мысли об увиденном в Евпатории. Хочется помолчать. Здесь же, в автобусе, сидит Анатолий Яковлев, и я вижу — он воспринимает происшедшее почти как личную вину. И становится вдвойне тяжело.

Вроде бы мелочи, но они сложились в общую картину, и можно проследить закономерности.

Что мы можем тут поделать? Единственное — блюсти свой дом, свою историческую память.

7

Когда мы вернулись в Ригу, драматург Янис Юрканс поделился со мной своими размышлениями о стрелках. Меня интересовало его мнение даже не как талантливого драматурга, а как молодого человека, который шесть лет назад писал пьесу о латышских стрелках, так и не попавшую на сцену. А теперь — старую пьесу Юрканс уже и сам не даст желающему поработать над ней режиссеру, а новой писать не будет.

Янис Юрканс:

— Для нашего народа это стояние на коленях... Любое живое создание, а человек особенно, хочет стоять на ногах. Стрелки — это тот почти единственный случай, когда латыши встали в полный рост. Сам народ так истосковался по этому, что этот единственный миг, эти стрелки, осознанно или нет, были преобразены в миф. Как миф мы их и воспринимаем, а не как реальность. Ведь чего только не было! А мы замалчиваем, и, что самое скверное, на пользу стрелкам это не идет. Я разговаривал с молодежью, и общее мнение в целом таково: стрелки боролись за свободную Латвию. Но в 1915 году и понятия такого не было! Стрелков сделали красными те невосполнимые утраты и та пролитая кровь, которые были напрасны. Такое море крови, как на Острове Смерти, было ни к чему ни со стратегической, ни с тактической точки зрения. Это было предательством царского командования.

Что относится к событиям за пределами Латвии — люди знают мало. Не знают даже того, что до красных стрелков были и другие стрелки. Мы не должны требовать от других, чтобы они разделяли нашу гордость своими стрелками. Но, моему, еще не настало время великой

правды о стрелках. В этой великой правде есть и огромные противоречия. Потому что и большая часть латышей ее сторонится, им хватает и мифа. И поскольку стрелки — почти единственный случай, когда латыши стали в полный рост, мы хотим поддержать этот миф и ничем ему не повредить. Но я побаиваюсь форсированного национального самосознания. Стрелки нам нужны. Нам нужно гордиться ими. Но гордиться, владея знанием, а не пребывая в незнании. Вместе с противоречиями, вместе с тем, чего нам лучше бы вообще не знать. Это лучше, чем отрывать один слой этой истории и превращать его в мистификацию.

8

Один из путей Латвийского Фонда культуры — это путь латышских стрелков. Его изучение, приведение в порядок, исследование? Каким ему быть, обсуждалось в кабинете Яниса Петерса 10 ноября прошлого года, когда там собрались историки и другие заинтересованные люди, чтобы образовать комиссию по работе с фондом командира стрелков Юкумса Вацетиса, чтобы наметить программу-минимум и программу-максимум.

Первый вопрос — как этой комиссии называться?

Янис Петерс обосновал свое предложение — комиссия памяти о латышских красных стрелках. «Я считаю, главным должны быть красные стрелки, как основная наша ценность, но нельзя забывать и историю других стрелков. И тех, кто начинали в 1915 году, и тех, кто сражался с Бермонтом».

Комиссия поставила перед собой следующие задачи:

— изучить и привести в порядок места боевой славы стрелков,

— увековечить память Юкумса Вацетиса в Риге и в Москве,

— оказывать материальную помощь латышским стрелкам,

— стимулировать деятельность историков по изучению истории стрелков как в Латвии, так и во всем Советском Союзе, а также сотрудничать с теми западными историками, которые были бы готовы к сотрудничеству с Фондом в этой области.

Когда был учрежден Фонд культуры, когда были намечены направления деятельности Латвийского Фонда, актуализировался вопрос: «А что делать мне, именно мне, если хочется принять участие в его работе?» Первый ответ — пожертвования. Второй — участие в толоках. Латвийский Фонд культуры, ища путь к каждому, кто сам идет ему навстречу для сотрудничества, не может сам ответить на все вопросы.

Естественно, ЛФК не заменит научных исследований и не сможет в одиночку организовать действенную культурную работу в Латвии. Иммантс Зиедонис сказал — пусть он дает импульсы, пусть тормозит, чтобы возникло желание действовать самому. Понятно, что многие пожелают, участвуя в мероприятиях фонда, сделать что-то большое, чтобы издали было видно. А меня этот фонд заставляет искать Путь. Открывать не замеченные раньше приметы прошлого рядом с собой.

Найти на оставшихся с 1915—1920 годов военных картах путь **своего** предка — дед, прадед, его брата или много родственника — это все же нужно сделать в первую очередь. Ведь придорожный камень с надписью — это еще не память. Цена памяти высока: это правда.

МАНФРЕДС ШНЕПС

МЯТЕЖНЫЙ РОД БАЛЛОДОВ

«Он (Баллод), — продолжает Биркертс, — первый латышский интеллигент прорусской ориентации, который, используя государственный аппарат, повел борьбу за духовное возвышение и житейское благополучие своего народа».

Смерть Давыда Баллода в 1864 году подвела черту под очень своеобразным народным движением в Латвии. Это движение имело два крайне существенных следствия. Первое, и весьма неприятное для судеб латышского народа, — появление переселенцев: православные крестьяне могли надеяться на улучшение своего положения только при уходе из родных мест. Второе следствие — положительного свойства, и это опыт борьбы за освобождение от многовекового немецкого ига, грозившего вырождением, полной ассимиляцией латышей.

Своеобразие рассматриваемого движения заключалось в средстве борьбы с немецким господством — таким средством стала опора на государственный аппарат Российской империи, а точнее, на официальную, государственную религию — православие. Жизнь показала, что этот путь был ошибочным. Но ведь православием самодержавие не исчерпывалось. Можно было бороться за суды, школы, полицию, газеты — все эти

институты также находились в сфере влияния остзейства.

«Суды! Так ведь мы и дороги не ведали в высшие судебные инстанции, и если уж случалось бывать там, то не по собственной воле, а связанными и в сопровождении охраны. Обращаться в суд означало жаловаться на помещика самому помещику. Лучше уже сразу лечь ничком. Получи пятнадцать [палок], уплати 15 копеек серебром, поцелуй руку и конечно дело, впредь станешь умнее, будешь держать язык за зубами», — с горечью писал Индрикис Страумите.

За суд праведный еще предстояло бороться — такой суд, куда крестьянин мог бы обращаться за правдой, будучи уверенным, что правду найдет. Борьба тяжелая, но для формирования национального самоуважения необходимая. Противником в этой схватке вновь было прибалтийское немечество, а естественными союзниками — антинемецкие, то есть в русском духе настроенные круги. То же касается школ, газет и т. п.

Политическими особенностями ситуации в Прибалтийском крае обусловлен следующий всплеск народного движения — движение младолатышей. На сцену общественной жизни вышли первые представители национальной интеллигенции, в основном учителя и чиновники. Сегодня деятельность старшего поколения младолатышей мы классифицируем как национально-освободительное

движение. В его основе лежал, конечно же, земельный, то есть аграрный, вопрос. Но борьба за земельные права была смыслом и движения за переход в православие. Давид Баллод представлял интересы мелких землевладельцев, и когда крестьяне поняли, что цели переkreщения достигнуты не будут, они от него отвернулись. Не будь закона, запрещавшего крестьянам свободно отступаться от веры, движение за переход в православие не имело бы особых последствий (и не появились бы люди без родины).

Во времена младолатышей — 60-е годы — борьба за права на землю оставалась ведущей и главной, понятной народу целью.

Наиболее видными младолатышами были Кришьянис Валдемар, Андрей Спагис, Каспарс Биезбардис, Юрис Алунан, Кришьянис Барон. Это старшее младолатышское поколение. Первопроходцы. Деятели начальной стадии великого национального движения той поры, когда цели его часто еще были нереальны, а сами борцы обречены на неудачу.

Судьба этих младолатышей была трагичной. Противодействие остзейцев одолеть им не удалось.

«Остзейцы были постоянно нацелены на то, чтобы при поддержке консервативных кругов Петербурга искоренить национальное движение, и эту свою нацеленность они воплотили в непрерывной и беспощадной

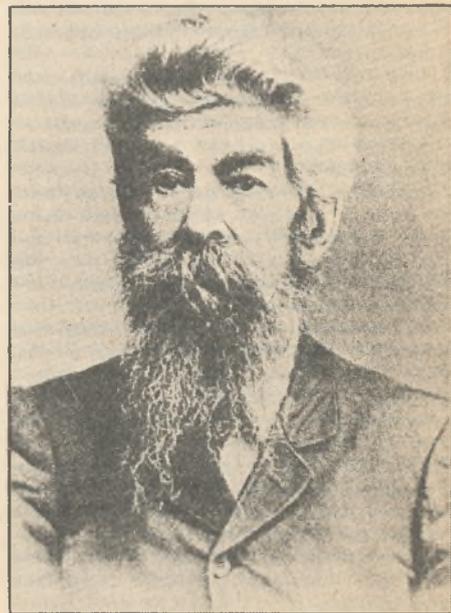
(Продолжение. Начало см. в № 1)

Дочь П. Д. Баллода Е. П. Кротова-Баллод

Дочь П. Д. Баллода В. П. Шабалина

Д. А. Юрасов — товарищ П. Д. Баллода по ссылке

борьбе. Осуществление репрессий находилось в руках администрации. Однако остзейцы инспирировали гонения и были их движущей силой», — пишет сегодняшний историк М. М. Духанов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ШКОЛЬНЫЕ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ ПЕТРА БАЛЛОДА (1847—1861)

В БУРШАХ

Вряд ли Давид Баллод мог принести большую пользу латышскому народу, чем открыл приходские школы. В истории Ляудонской средней школы упоминается, что в 1870 году православную приходскую школу посещало около 90 детей, в то время как лютеранскую волостную — только 11. Приходские школы строились при всех православных церквях. Была основана Рижская духовная семинария, где учились не только будущие священники. В ее стенах можно было получить среднее образование, обучали там и латышскому языку.

Православная семинария стала первым учебным заведением Петра Баллода. Поминал ли он добрым словом буршей? Этого мы не знаем. Никаких воспоминаний о детстве и юности Баллод не оставил. Все, что мы о нем читали, связано с Петербургом и Сибирью.

В 1847 году в самом центре Риги на одном из домов, что возле Верманского сада, красовалась роскошная вывеска. Золотыми буквами на синем фоне сияла надпись (по-русски и по-латышски!) «Рижское православное духовное училище» (с 1851 г. — семинария). 11 февраля 1846 года Николай I утвердил положение об училище и повелел «вести прием как детей местного духовенства, так и детей природных жителей того края». По учебной части велел «исключить из общего учебного курса языки: греческий и еврейский и другие менее нужные предметы, а взамен ввести преподавание языков: латышского и эстского, отчетливое знание коих должно быть доведено до такой степени, чтобы воспитанники могли не только говорить на оных свободно, но и сочинять преимущественно катехизические беседы к простому народу, для назидания его в истинах веры и правилах христианской нравственности». Заметим, что подготовку православных священников для Лифляндии правительство начало еще раньше — сразу после волнений 1841 года. Хотя переменять веру крестьянам не позволялось, подготовка лиц духовного звания, говорящих по-латышски, с 1842 года велась в Псковской духовной семинарии. В 1846 году оттуда пошло в народ 40 латышей. Они направились в Ригу. Этот факт упоминает немецкий историк А. фон Харлес, повторяет латышский исследователь А. Биркертс. Но дальнейших сведений об этих выпускниках

Прибалтийским немцам удалось вогнать в отчаяние принявших православие крестьян. Это же удалось им в отношении первого поколения младолатышей, которые ориентировались на Россию.

я не обнаружил. Так мы и не знаем, что это были за люди, что они успели сделать на благо латышского народа.

Вопрос о национальном составе воспитанников стал важнейшим за все время существования Рижского училища (семинарии). С 1 сентября 1847 года к обучению приступили 30 воспитанников; среди них 10 русских, 10 латышей и 10 эстонцев. Тут были и Петр Баллод, десяти лет, и Янис Лицис — будущий публицист.

В семинарии Петр учился успешно, особенно легко давались ему языки. Заведение он кончил, но священником не стал. Решил продолжать учебу в Петербурге.

В архиве хранится справка православной духовной консистории: «В августе 1855 г. с разрешения Платона, архиепископа Рижского и Митавского, по окончании курса в 11-м классе Рижской семинарии (...) Петра Баллода увольняют по собственному желанию из семинарии и из духовного звания».

Почему Петр не захотел стать священником, кто были его учителя, кто посоветовал ему отправиться в Петербург — всего этого мы не знаем. Может быть, он уже в те годы догадывался о крахе православного движения? Как известно, говорить об этом во всеулышание стали много позже. А может, осознав свои корни и судьбу, уехал из Латвии по малодушию или, напротив, с намерением вернуться закаленным борцом, смыть отцовское бесчестье?

Не исключено, что неудачу православного движения в Латвии воспитанники Рижской семинарии обсуждали и переживали раньше, чем в народе. И не случайно. Русское духовенство свысока глядело на священников и семинаристов — выходцев из коренного, «природного» населения. Эта надменность зиждилась не столько на почве национальной, сколько на том, что священники, а также их дети и родня буквально переполняли Рижскую епархию, где жизнь казалась им слаще, чем в российской глубинке. Хотели даже закрыть семинарию, эту мысль активно поддерживали остзейцы. В архиве сохранился написанный в 1852 году коллективный протест семи преподавателей латышского происхождения против замышлявшегося перевода семинарии во Псков.

Надо полагать, что борьба против существования семинарии началась с первых дней ее основания, а может быть, и раньше.

Архивные материалы, связанные с празднованием 50-летия Рижской православной семинарии в 1901 году, позволяют судить о том духе, который с самого начала царил в ее стенах. В нем отразился неколебимый дух империи, для которой полвека — небольшой период. Самое яркое свидетельство высокомерия русского духовенства оставил русский писатель Н. С. Лесков (журнал «Исторический вестник», 1893, том 14, № 11):

«Преосвященный Платон был недоумен «набором» духовенства из туземцев: люди эти, выросшие среди немцев, отличались от духовных «русской природы» (...) В 1857 году он написал в синод, что «необходимо сократить набор воспитанников в Рижскую семинарию из местных крестьянских детей — ибо они сохраняют в себе грубость и склонность к порокам, свойственным латышам и эстам (...)» Представление ... встретило, однако, поддержку, и с 1859 по 1867 год ... в Рижскую семинарию повалил люд излишний, не нашедший дела в других епархиях, не знакомый с языками и жизнью Остзейского края, не потрудившийся в новом крае отрешиться от нежелательных особенностей своего быта, образовавшихся при неблагоприятных условиях жизни русского духовенства (...) Эти поповские выкормки назывались быть духовными вождями людей, языка которых они не знали (...) Они скоро совсем оттолкнули прихожан разными пороками».

Лесков осуждает как генерал-губернатора Суворова, который, поддерживая светскую немецкую власть, разорял лифляндских крестьян, так и архиепископа Платона, лишившего их душевного спокойствия.

Роль Рижской православной духовной семинарии в латышской культуре до сих пор мало исследована и не оценена по достоинству. Достоин внимания один тот факт, что семинария готовила независимых от остзейцев, самостоятельно мыслящих людей, таких как Петр Баллод и Янис Лицис. При новых православных приходах основывались приходские школы. В 1848 году в Лифляндии было 18 таких школ, спустя два года — 28. В борьбу за влияние на умы крестьян ринулись прибалтийские немцы — они вдвое увеличили количество народных школ: в 1850 году в Лифляндии таковых было уже 66. В результате здешняя система образования ушла далеко вперед по сравнению хотя бы с роковым 1845 годом, когда в Лифляндии почти вовсе не было школ. Теперь же их число неуклонно росло, латышский народ получил доступ к просвещению.

В СТУДЕНТАХ

Петр Баллод приехал в Петербург в 1856 году — девятнадцати лет от-

роду, бедняк бедняком, с невидной родословною. Но прошло всего пять лет, и он стал своим в кругах столичной интеллигенции. Как это могло случиться?

Прежде чем ответить на этот вопрос, надо понять условия, в которых жил Баллод, точнее, жили студенты в Петербурге. Надо представить себе, что их занимало.

Только-только окончилась Крымская война, народ ждал перемен, многие надеялись на революцию. Триста лет не знала Россия такого позора и унижения, какой довелось ей испытать в крымской кампании. Не знала со времени неудачного похода Ивана Грозного на Ливонию. Поражение в войне обнажило постыдную отсталость самодержавия во всех областях. Об этом во весь голос заговорили образованная часть русского общества еще во время войны, после нее про это стали открыто писать. В народе тоже зрело недовольство: дальше держать крестьян в оковах крепостничества было невозможно. Складывалась революционная ситуация.

В 1856 году Баллод поступил в медико-хирургическую академию (позже переименованную в военно-медицинскую). В материалах следствия есть справка, датированная 27 сентября 1858 года. Из нее мы узнаем, что в 1856 году Петр Баллод принят в академию по медицинской части, без стипендии, своекоштным студентом. В 1857 году его оставили на первом курсе, а в 1858 году исключили из академии. В справке сказано, что Петр Баллод два года обучался на одном курсе и экзаменов не выдержал. Имеется приписка: «За право слушания лекций в академии 100 руб. сер. должны быть удержаны из жалованья его по поступлению на службу». Однако Петр и не думал все бросить и уехать домой. Он взялся (совместно с Ал. С. Фаминцыным) за огромный труд — стал переводить трехтомное руководство по анатомии человека, составленное профессором Венского университета Иосифом Гиртлем. Самый популярный в Европе учебник анатомии. Тысяча большеформатных страниц с очень специфическим немецким текстом, изобилующим латинскими терминами! Никаких специальных знаний, кроме знания языка, у Баллода не было.

Перевод вышел в трех томах (1860—1862), издание и продажу книги взял на себя Баллод.

Гиртля он перевел ради заработка. Выбор был сделан правильно. Не встал бы Петр на революционный путь, обеспечил бы себя на все годы учебы. Баллод писал следственной комиссии о своем материальном положении:

«В декабре я получил от медицинского департамента министерства внутренних дел за 440 экз. Анатомии

Гиртля 345 руб. и от медицинского департамента министерства военного 140 руб. сер. за 100 экз. Печатали мои переводы Анатомии Гиртля в числе 2540 экз.; мною уплачено за печатание 770 руб. сер.»

В последующем книгу Гиртля в России неоднократно переиздавали, в течение 15 лет это был основной учебник анатомии. Одного этого труда достаточно, чтобы имя Петра Баллода осталось в истории российской науки.

Почему Петр вначале пошел не в университет, а в медицинскую академию? Оказывается, прием в Петербургский университет получивших домашнее образование и лиц низшего сословия был разрешен только в 1857 году (одна из реформ после Крымской войны). Баллод воспользовался этим обстоятельством и в 1858 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета.

В архиве сохранилась переписка с попечителем университета об освобождении Петра Баллода как сына священника от платы за обучение. 5 ноября 1858 года попечитель дал положительный ответ — с учетом крайне бедственного положения просителя. При поступлении в университет Баллод сдавал экзамен по физике.

Особым прилежанием студент Баллод не отличался. Поначалу он все время уделял переводам, позже — подпольной работе. 18 октября 1861 года — во время студенческих волнений — Баллод подал прошение о выдаче ему матрикулы (студенческий билет), так как он желает продолжать курс в Санкт-Петербургском университете. И сделал приписку: «Правила, изложенные в ней, обязуюсь исполнить. Прошение мое в срок представить не мог по причине отсутствия, в чем представляю свидетельство полиции».

К документу действительно приложена справка квартального надзирателя о том, что П. Баллод прибыл в Петербург 17 октября 1861 года из Лифляндии. (Стоит заметить, что при-

чиной студенческих беспорядков было введение матрикул по образцу Дерптского университета, что ограничивало студенческие свободы.)

Действительно ли Петр побывал в отчем доме, или достал фиктивную справку, мы не знаем. Студенты в ту пору были любимцами общества, даже полицейские сочувствовали либеральным настроениям; квартальный вполне мог пожалеть студента. Обязательство соблюдать новые правила и полицейская справка были представлены Баллодом позднее, уже после подачи прошения.

За участие в студенческих «беспорядках» Баллода 5 декабря 1861 года исключили с третьего курса. Сам университет был закрыт. Последний документ — в личном деле Петра Баллода — его заявление от 31 марта 1862 года: бывший студент II курса естественного отделения просит допустить его к переводным экзаменам на III курс. Каким-то чиновником сделана отметка на заявлении: «Экзамена не сдавал».

На том и закончилась «академическая карьера» Баллода. Было еще несколько лекций, прослушанных весной 1862 года в «Вольном» университете, где бесплатно читали университетские преподаватели. В том числе и по грамматике арабского языка. Вначале это навело меня на мысль, не принялся ли Баллод учить арабский, чтобы переводить медицинские труды Авиценны (Ибн-Сины), чрезвычайно популярные тогда в Европе. Но все же нет, не до арабской грамматики ему тогда было.

Петр Баллод все свои силы, способности, словом, всего себя отдавал революционной деятельности.

Интересное свидетельство о Петре Баллоде оставил Н. С. Лесков. Это воспоминания об одной встрече, имевшей место, вероятно, весной 1862 года.

Лесков только что приехал в Петербург и работал в редакции «Северной пчелы». В описанном эпизоде Баллод предстает экзальтированным правдоискателем. Кто знает, может они такими и были — молодые люди шестидесятых годов.

П. Баллод в начале 60-х годов
Портрет П. Баллода

Лесков пишет: «Мы, помнится, шестером сидели вечером на квартире известного в литературном мире Артура Бенни . . . В числе собравшихся были талантливый молодой беллетрист того времени Василий Ал. Слепцов, доктор М-ов, известный впоследствии эмигрант Варфоломей Зайцев, еще один молодой писатель, я и студент Б-од. Последний был сын лютеранского пастыря из Остзейского края, знал по-эстонски и по-латышски и делал для «Северной Пчелы» выборки из газет, издававшихся на этих языках. Б-од был настоящий типичский «сын пастора», как намечено у Гейне: белый, румяный, с девственным выражением глаз при страстных — ярко-пунцовых устах. Поведение его и Бенни побуждало товарищей звать их «фрейленами». Это были молодые юноши чистые, как целомудреннейшие девушки . . .»

Доктор М-ов читал вслух только что вышедший кусок «Записок из мертвого дома» — все слушали, радуется, с большим вниманием, но вдруг, чего никто не ожидал, произошел скандал, прервавший чтение и наполнивший мою душу до сих пор тяжким ощущением».

Дальше Лесков пересказывает отрывок из романа Достоевского. Речь в нем идет о начальнике тюрьмы, который заставлял арестанта перед поркой читать «Отче наш». В этом месте Слепцов, юмористически воспроизводя услышанное, подхватил на руки маленького Зайцева и воскликнул: «А ну-ка поднеси!» [хлеб насущный]. Бенни реагировал совершенно иначе — он разрыдался.

«Но то, что было с Б-одом, было еще страшнее . . . Б-од стоял неподвижно как статуя посреди комнаты и только губы его шептали:

— Где он . . . этот . . . который заставлял . . . я убью его!

И Б-од не был в мгновенном возбуждении, которое сейчас же готово и пройти . . .»

— О, клянусь, что я его найду!

С этими словами выбежал и целую ночь ходил по городу, видя перед собой где-то очами души начальника отдаленного сибирского острога.

И богу лишь ведомо, может быть они и встретились, ибо вскоре же наш розовый сын пастора встрял в какую-то компанию, с которой и понес тягостную участь . . .»

Что сказать об этом поступке Баллода? Правду ли пишет Лесков? За перо он взялся спустя 20 лет после событий. В своих воспоминаниях он, может статься, тенденциозен. Хотя бы потому, что в ту пору писатель «воевал» с черноризниками и пример с Баллодом понадобился ему для сравнения силы религиозных убеждений в разных конфессиях.

Маловероятно, чтобы Баллод в студенческие годы верил истово. Известно, что в Сибири попов он на дух не выносил. Да и в пору студий, согласно показаниям одного из свидетелей на следствии, жил размеренной жизнью, но бога не признавал и «надо всем святым глумился». Эти показания, правда, еще ни о чем не говорят — впечатление о нем как об атеисте могло создаться из-за какою-нибудь заковыристого вопроса или оброненного резко замечания, — Баллоду на язык лучше было не попадаться. Более вероятно, что уже в юности его отличало обостренное чувство справедливости, нетерпимость к унижающим человеческое достоинство проявлениям — этими своими качествами он выделялся впоследствии в Сибири.

Воспоминания Лескова заставляют предположить отсутствие у Баллода чувства юмора. Эта догадка многое проясняет в его жизни. Человек, наделенный чувством юмора, способен посмотреть на себя и своих близких со стороны, кругозор его шире. Кое-какие устремления и усилия видятся ему в комическом свете, обесмысливаются. Энтузиазм гаснет, и продвижение к цели замедляется. А деятельная личность без энтузиазма немислима.

Гипотеза об отсутствии у Баллода чувства юмора становится убедительнее, если вспомнить подлинное событие романа Достоевского, вольно пересказанные Лесковым.

Осторожный начальник поручик Смекалов — человек по натуре отнюдь не злой. Совсем наоборот, Достоевский рисует положительный тип любимого заключенными начальника. Процедуру порки, которой предшествует чтение отчужденца с примитивным обыгрыванием молитвенного «хлеб наш насущный даждь нам днесь!», поручик повторял десятки раз, и все же заключенные его любили, потому что считали своим, из простых.

И если в этом эпизоде чудится нечто омерзительное и у 24-летнего парня на глазах выступают слезы гнева, не свидетельство ли это его сентиментальности и преувеличенного чувства справедливости, помешавших уследить за мыслью писателя? Можно предположить и другое — юный революционер всей глубины ситуации не улавливал.

ВОЛНЕНИЯ 1861 ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ

Манифестом от 19 февраля 1861

года крепостное право в России отменялось. Но свободомыслие пустило после Крымской войны слишком глубокие корни, к тому же «Манифест» не мог удовлетворить все слои общества, — в государстве начались волнения. В Петербурге взбунтовались студенты, офицеры, интеллигенция.

Петр Баллод оказался в самом центре столичных беспорядков. Тому свидетельство — дневник министра внутренних дел графа П. А. Валуева. Валуев был человеком крайне осторожным, сокровенные мысли поверял только дневнику, отчего последний имеет огромную ценность для историка.

Начнем с главного события 1861 года в Петербурге — первой напечатанной непосредственно в России нелегальной газеты-прокламации «Великорусс». В сентябре разошлись два первых номера. Валуев пишет:

«13 сентября 1861 года. Развозка и разноска возмутительных статей продолжается. Обе полиции, тайная и явная, ищут, но до сих пор не находят».

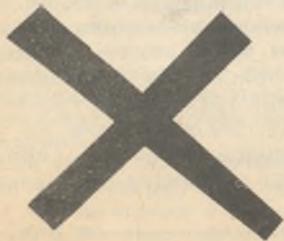
16 сентября. Михайлов арестован по подозрению в привозе из-за границы воззвания «К молодому поколению».

25 сентября. В университете беспорядки увеличиваются. Сегодня толпа в несколько сот человек студентов, с сотней студентов медико-хирургической академии и несколько офицеров (!?), найдя университетские аудитории закрытыми, отправились через Невский проспект в Колокольный переулок, где живет новый попечитель ген. Филиппсон, шумела, кричала, осыпала бранью гр. Шувалова и обер-полицмейстера, весьма нецеремонно обращалась с вышедшим к ней попечителем и вместе с ним возвратилась в университет, где на дворе произносились речи и явно организовывалось университетское восстание. Собрали два взвода жандармов, послали за пехотой, наконец, ген-губернатор убедил толпу разойтись. Таким образом, и в Петербурге состоялась первая уличная манифестация (. . .) «Через Рубикон перешли».

В октябре появился третий номер «Великорусса». В декабре был закрыт Петербургский университет. Уже на следствии Баллод скажет, что начал печатать прокламации, изнывая от безделья. Ой ли! Хотя до сих пор и впрямь неясно, кто толкнул его на этот «безрассудный» шаг, кто финансировал приобретение типографии.

После выхода первого номера «Великорусса» А. И. Герцен спешит дать из Лондона недвусмысленный совет:

«Но как только мысли, печатаемые за границей, начинают осуществляться, им нужна родная почва, близость, вдохновение дня. Печатайте ручными типографиями, печатайте кое-как . . . Но . . . заводите типографии! Заводите типографии!»

Баллод последовал совету: он оборудовал подпольную печатню и назвал ее «Карманной типографией». По заданию какой организации? Нам это неизвестно. Поддерживал он тесную связь и с рядом подпольных кружков. В ту бурную зиму Баллод обрел славу студенческого вожака. Сыграл свою роль, очевидно, и перевод Гиртля. Прodelанный Баллодом объем работы не мог не вызвать восхищения, особенно среди барских сынков, не привыкших особо утруждать себя.

Во время университетских «беспорядков» — 18 ноября 1861 года — имя Баллода впервые фигурирует в донесении агентов тайной полиции.

Следующий поступок Баллода был зафиксирован 20 декабря 1861 года на похоронах Н. А. Добролюбова: собирал деньги на дорогу в Сибирь для только что осужденного поэта М. И. Михайлова.

В другом агентурном донесении (петербургскому обер-полицеймейстеру И. А. Анненкову) Баллод фигурирует как член революционного кружка студента Н. И. Утина, или, по терминологии полицейских шпииков, «партии Утина».

В марте 1862 года начала действовать нелегальная «Карманная типография» Баллода. Ее продукция вызвала отклик даже в дневнике Валугева: министр записывает про арест студента Яковлева и офицера Ушакова, которые распространяли отпечатанные Баллодом прокламации. И полиция пошла по следу Петра. Вот что пишет Валугев:

«14 апреля. В городе разбросаны возмутительные прокламации к войскам и преимущественно к офицерам, их приглашают поднять на виселицу царя и аристократов. Говорят, будто бы в ночь на Пасху несколько экземпляров было найдено в Зимнем дворце. Дело, однако же, не доказано. Кн. Долгоруков и Суворов уверяют, что этого не было, другие говорят противное.

1 мая. Кн. Суворов уверяет, что он на днях накроет двух или трех главных зачинщиков здешней агитации и беспорядка.

13 мая. В последнее время сделано несколько арестований по поводу возмутительных прокламаций и тайных попыток поколебать преданность войск (...). В саперном батальоне взят студент Яковлев, приходивший в казармы бунтовать солдат.

17 мая. В городе разбросано новое произведение нашей тайной прессы «Молодая Россия». В ней прямое воззвание к царевубийству, к убиению всех членов царского дома и всех их приверженцев, провозглашение самых крайних социалистических начал и предвещание «Русской, красной, социальной республики».

В последующие годы многие исследователи анализировали историю «Молодой России», интерес к этой теме не убывает и сейчас. Задаются

вопросом — какой вред нанесло революционному движению необдуманное выступление экзальтированных юношей?

Большие пожары в Петербурге в мае 1862 года оказали правительству неоченимую услугу, но у нас нет доказательств, что поджигатели действовали по указке властей. Петух, однако, прокричал, и правительство воспользовалось этим сигналом и открыло боевые действия. Приостановлены журналы «Современник» и «Русское Слово». Закрыты воскресные школы, народные читальни, отделение литературного фонда, шахматный клуб.

В июле 1862 года в столице насчитывалось 28 воскресных школ. Отсюда, заметим, началось знаменитое «хождение студентов в народ», которое потом переросло в движение народников. Валугев пишет, что 1 июня он получил разрешение закрыть две школы.

31 мая, в тот самый день, когда митрополит Петербургский и Новгородский Исидор служил молебен о спасении Петербурга от огня, на Мытной площади состоялась гражданская казнь В. А. Обручева, бывшего поручика, уличенного в распространении «Великорусса». Огромная толпа, где было немало погорельцев, пришла в неистовство, услышав, что Обручев получил «всего» четыре года каторги. По свидетельству Л. Ф. Пантелеева, толпа, осаждавшая эшафот, требовала отсечь Обручеву голову, или казнить плетью, или по меньшей мере повесить вниз головой у позорного столба за то, что осмелился выступить против царя-батюшки.

Баллод скорее всего был очевидцем процедуры гражданской казни. У него еще было время: его арестуют

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ (1862—1864)

СРЕДИ ТЕХ, КТО ГОТОВИЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

18 июня 1862 года Петра Баллода доставили в Петропавловскую крепость с предписанием петербургского обер-полицеймейстера, на котором коммендант крепости Сорокин наложил резолюцию — принять и содержать в казематах Невской куртны, а потом перевести в Трубецкой бастион.

В первые месяцы заключения Баллод мог наблюдать через верхнюю часть замазанного известкой окошка своей камеры (если вопреки запрету надзирателей подтягивался на руках к окну) вид, напоминающий картину придворного художника Ф. Я. Алексеева: справа — Нарышкинский бастион с гордо развевающимся на ветру флагом империи, украшенным двуглавым орлом, ниже — мостки, идущие от ворот Невской куртны, к ним изредка пристают лодки, слева через Неву — закованная в граните набережная, вдали Зимний дворец

спустя 15 дней, а на эшафот поведут двумя с половиной годами позже.

Прокламацию «Молодая Россия» сочинила группа студентов Московского университета (П. Г. Заичневский и др.). В ней провозглашались крайне левые взгляды:

«... мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года; мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах».

«Молодая Россия» выдвинула целую программу социальной революции: замена царской монархии республиканско-федеративным союзом областей во главе с Национальным и областными собраниями; выборность судов самим народом; правильное распределение налогов; создание общественных фабрик, общественного воспитания детей; полное равенство полов, уничтожение брака и семьи.

Эта необдуманная прокламация нанесла большой ущерб революционному движению. Следовало спасать, что еще можно было спасти. При аресте у Баллода нашли писанное его рукою «Предостережение» — оно призывало народ не поддаваться на правительственные провокации, не паниковать. К сожалению, отпечатать этот текст Баллод не успел.

Поворотным моментом революционных событий стали пожары, которые вспыхнули в Петербурге 21 мая и бушевали целую неделю. Подозрение в поджогах пало на студентов и революционно настроенную интеллигенцию. Погорельцы стали самолично их преследовать.

и множество лодок и парусников, снующих по Неве.

Петр Баллод предстал перед следственной комиссией Сената, учрежденной самолично императором. Председатель комиссии князь А. Ф. Голицын регулярно докладывал государю о ходе следствия. Каким-то особым дыханием истории повеяло на меня со страниц этих отчетов. Местами видны карандашные заметки. Рука царя. Потом писарь перебелил их чернилами.

В памяти нашего героя сохранилось одно прелюбопытное событие, на которое историки, думается, не обратили должного внимания: в середине сентября 1862 года — государь со свитою только что отпраздновали в Новгороде тысячелетие Руси — сенатор С. Р. Жданов, один из членов следственной комиссии, попытался «вырвать» у Баллода признание.

(Продолжение следует)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Существуют проблемы, прикосновение к которым вызывает боль. Как навсегда останутся в памяти две даты, разделенные двадцатью миллионами жизней, так навсегда останется неисчерпаемой в советской литературе и публицистике тема Великой Отечественной войны.

Разгром фашистской Германии справедливо признан исторической заслугой нашей страны перед человечеством. В многочисленных публикациях определяются истоки победы. Даже враги социализма вынуждены согласиться с тем, что главной ее причиной был массовый героизм советского народа, обусловленный природой нашего общественного строя.

Но если это так, если мы полагаем, что Победа была исторически закономерной, вправе ли мы тогда считать случайными «временные неудачи», или, вернее, трагические поражения Красной Армии? Как мне кажется, материалисту трудно отрицать закономерность трагедии 1941 года. Она была обусловлена всей нашей военной системой, которая явилась отражением ситуации в стране.

Народ, забывший свою историю, неизбежно переживает ее вновь. Равным образом, армия, забывающая или оправдывающая свои ошибки, обязательно повторит их. Есть ли основания считать, что в современной системе организации советской армии в полной мере учтен опыт 1941 года? Анекдотический случай с М. Рустом и преступно-трагический — с южнокорейским «боингом» доказывают обратное.

Мое исследование будет пристрастным. Но, быть может, именно пристрастность в рассмотрении своих ошибок дает гарантию, что они не повторятся в будущем.

И еще. Исследование это никоим образом не умаляет великого подвига нашего народа — наших воинов и тружеников тыла, вынесших на своих плечах все тяготы минувшей войны. Память о героях священна. И это тоже заставляет вновь браться за перо.

Пепел павших стучит в наши сердца.

В ОЖИДАНИИ ВНЕЗАПНОГО НАПАДЕНИЯ

Более сорока лет из книги в книгу кокетствует утверждение о нашей неподготовленности к войне. Подчеркивается, что к моменту нападения гитлеровцев не завершилось перевооружение армии, поэтому в войсках не хватало новой техники, а имеющуюся в наличии не успели должным образом освоить. Из этого, обычно, делается вывод об огромном техническом перевесе противника.

Однако так ли это! Советские Вооруженные Силы всегда были предметом особой заботы народа и коммунистической партии. За четыре предвоенных года

численность армии мирного времени возросла в 3,5 раза и достигла пяти миллионов человек. Кроме того, более двух с половиной миллионов получили военное образование в системе ОСОАВИАХИМа, три миллиона школьников было охвачено военными играми.

Росли военные расходы. В 1939 году ассигнования на нужды обороны составили 25,6% государственного бюджета, в 1941 — 43,4%. Это позволило добиться значительного роста военного производства — до 39% в год по сравнению с 13% в среднем по промышленности.

Результаты не замедлили сказаться. К 1941 году производственные мощности советских авиаторов в 1,5 раза превысили совокупную мощность авиазаводов Третьего Рейха. За первый квартал 1941 года немецко-фашистские предприятия выпустили 692 танка, советские же — 740, причем — только новых типов, то есть, Т-34 и КВ.

«... русский танк, — писал гитлеровский генерал Шнейдер, — был вооружен 76 мм пушкой, снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5—2 тыс. м, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую или кормовую части танка Т-34. Толщина лобовой брони немецких танков равнялась 40 мм, бортовую — 14 мм. Русский танк Т-34 нес лобовую броню толщиной 70 мм и бортовую — 45 мм, причем эффективность прямых попаданий в него снижалась еще за счет сильного наклона его броневых плит».

Вполне благополучно обстояло дело и с артиллерией, особенно — противотанковой.

Сказанного достаточно, чтобы поставить версию о технической отсталости Красной Армии под сомнение. Обладая крупнейшей в Европе армией мирного времени, развитым оборонным производством, превосходящим почти по всем пунктам военную индустрию фашистской Германии, мы не вправе ссылаться на недостаточную материальную подготовленность страны к войне. Да, перевооружение не закончилось, и через два-три года мы стали бы гораздо сильнее, но и уже сосредоточенные силы объективно способны были обеспечить неприкосновенность страны. Значит, необходимо снять вину с рабочих, техников, инженеров, конструкторов и ученых, и искать причины наших неудач во всяком случае — не в слабости технической базы армии или малой ее численности.

Гораздо разумнее видеть истоки катастрофы в самой атмосфере предвоенных лет. Собственно, после XX съезда КПСС никто, вернее, почти никто, не решается отрицать негативное влияние культа личности И. В. Сталина на состояние страны и ее вооруженных сил. Разногласия начи-

наются с оценки масштабов этого «негативного влияния».

Обычно сводят репрессии к перечню конкретных фамилий: М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Егоров, В. К. Блюхер. Аналитики шестидесятых годов, чьи работы в последнее десятилетие цитировались довольно редко, говорят об опустошении ВСЕХ звеньев командного состава: «осенняя [1940 г.] проверка, проведенная генерал-инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, ни одного человека не оказалось с академическим образованием, 25 окончили военные училища, а остальные 200 — лишь курсы младших лейтенантов», — пишет В. А. Анфилов в книге, изданной в 1962 году. Отметим, что в последующих «расширенных» изданиях книги данной информации нет.

Масштабы уничтожения командного состава Красной Армии показывает статистика: общее количество назначений и перемещений комсостава за 1938 — до начала 1939 года достигло 68,8% штатной численности, по группе от командира полка и выше — 73,9%. Иными словами, были заменены все командиры, почти все командиры и комбриги, более половины командиров полков и военных комиссаров.

Нельзя сказать, что среди вновь назначенных командиров и начальников не было людей талантливых. Многие прошли школу Финской войны, Испании или Халхин-Гола. Такими были, например, руководители Западного Особого Военного округа — Павлов, Климовских, Копец. Таким был Кирпонос... и многие другие, не столь известные. Их деятельность в предвоенные дни не может найти объяснения, если забыть о той удручающей обстановке, которая царил в стране.

Сейчас в газеты и журналы начали приходить письма с требованиями «положить конец пересмотру истории». А. Рыбакова, редактора «Огонька» В. Коротича, Д. Гранина и других некоторые читатели обвиняют чуть ли не в пособничестве врагу. Возмущенные, они требуют отдать должное их поколению, прекратить осуждать их время, наполненное борьбой, верой, энтузиазмом.

Должное поколению «детей Арбата» отдает весь мир. А что касается времени...

Действительно, только в эпоху массовой борьбы со своим народом и слепой веры в одного человека генеральному конструктору «тридцатьчетверки» могли бросить в лицо: «Панику сеете, Кошкин! Умаляете могущество Красной Армии! Она и сейчас сильнее всех!» Только в эпоху бессмысленного энтузиазма мог быть принят Полевой устав, включающий в себя благоглупости типа знаменитой фразы: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий». Запомним ее. В конце июня 1941

А. И. Егоров, И. Э. Якир, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный

года она обошлась нам очень дорого.

Лозунг стал основной формой теоретической работы. Отсюда и доктрина «сверхманевренности Красной Армии», которой будто бы не нужны грузовики, и неоправданное увлечение воздушно-десантными корпусами, совершенно непонятного оперативного-тактического назначения. Отсюда — и прекращение строительства укреплений по линии старой границы.

Репрессии создали в Вооруженных Силах атмосферу, благоприятную для карьеристов, доносчиков и просто дураков и практически невыносимую для людей мыслящих. Основное требование воинской дисциплины — выполнение приказа — было доведено до абсурда. Исполнялось любое, сколь угодно бессмысленное распоряжение сверху, не предпринималось НИКАКИХ самостоятельных действий. Так, 22 июня 1941 года танковая группа Гота получила в целостности и сохранности тщательно заминированные мосты через Неман, возможность захвата которых немцами даже не обсуждалась. Мосты не были взорваны «ввиду отсутствия соответствующего приказа».

Безынициативность сверху донизу, предельно сократившая реальные возможности армии, должна считаться важнейшим следствием культа личности. Именно она привела к почти не имеющему аналогов в истории положению, когда страна, подвергшаяся нападению, не имела плана ведения боевых действий.

Трудно переоценить значение плана, влияние его на исход войны. Недаром живший в шестом веке до нашей эры великий китайский полководец Сунь-цзы подчеркивал: «Кто — еще до сражения — побеждает предварительным расчетом, у того шансов много... У кого шансов много — побеждает; у кого шансов мало — не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет вовсе».

Мы начнем свой анализ с изучения советской военной доктрины и сравнения ее с доктриной фашистской Германии.

В войнах с Польшей и Францией ошеломляющий успех принесли немцам их немногочисленные подвижные соединения. Почти все танки вермахта были сосредоточены в десяти дивизиях, которые объединялись в группе Гота, Гудериана, Клейста. Создавая огромное локальное превосходство в силах, эти группы легко прорывали позиционный фронт, выходили на оперативный простор и захватывали жизненно важные центры противника. Авиация прикрывала танки, срывала неприятельскую мобилизацию и попытки контрманевров. Темпы продвижения подвижных соединений доходили до 60 км в сутки, глубина операции составляла сотни километров.

В противоположность немцам, французы свои танки рассредоточили по дивизиям, планируя позиционную оборону, опирающуюся на линии укреплений. Перед началом сражения они имели перевес в людях, танках, артиллерии.

Результат известен: союзные армии были полностью уничтожены, причем свыше 90% потерь составили пленные.

Источником победы была немецкая военная доктрина — это стало ясно и победителям, и побежденным. На роль ее создателей претендовали Фуллер, Лиддел-Гарт, Эймансбергер, Гудериан. Реально, однако, приоритет здесь принадлежит М. Н. Тухачевскому, В. К. Триандафилову и другим советским специалистам, разработавшим в конце двадцатых годов теорию глубокой танковой операции. В тридцатые годы советские вооруженные силы создавались на основе этой теории. Мы раньше, чем Германия, сформировали танковые корпуса и обучили танкистов действиям в составе крупных соединений. Мы впервые поставили вопрос о взаимо-

действии танков с другими родами войск, о снабжении подвижных групп, о централизации авиации.

Не подлежит сомнению, что к 1937 году советская военная теория стала наиболее передовой в мире. Особенно ценно в этом вопросе признание Гудериана.

Пришлось, по-видимому, приложить немало усилий, чтобы уничтожить результаты проделанной работы. Авторы теории глубокой операции были объявлены врагами народа. Репрессиям подвергались тысячи воспитанных ими командиров. Были расформированы танковые корпуса. После громких побед вермахта их стали создавать вновь, но времени уже не оставалось.

Самое трагичное, однако, заключалось в том, что, отказавшись от теории глубокой операции, мы продолжали придерживаться наступательной доктрины. («Самая нападающая в мире армия».) В результате возникло противоречие между активной военной фразеологией и обреченным на пассивность планированием, и это противоречие стало источником серьезных проблем.

До 1939 года руководящей идеей советской внешней политики было создание единого антифашистского фронта. Преступная близорукость правительств Англии и Франции сорвала наши планы. И тогда, в августе 1939 года, за неделю до начала второй мировой войны, Советский Союз подписывает с Германией договор о ненападении, а месяц спустя — после разгрома Польши — еще один договор — «О дружбе и демаркационной линии».

Принято считать, что политика внешнеморальна. Опыт истории показывает, однако, что аморальная политика неэффективна. Во всяком случае, договор о дружбе с фашистской Германией обернулся для нас трагедией.

К сентябрю 1939 года мы могли рассчитывать на помощь Франции, Польши, Румынии. К 1941 году Франция и Польша были разгромлены, Румыния, Венгрия и Финляндия стали нашими врагами.

Отметим, кстати, что ПРАГЕ заключенная пакта о ненападении возможность антисоветского блока действительно возникла. В ходе советско-финской войны штабы Англии и Франции начали конкретное планирование нападения на район Баку и советский Север.

Подведем итоги. Пакт о ненападении мог принести определенные дивиденды только в случае затяжной войны между Германией и союзниками. Поскольку этого не произошло, его влияние оказалось сугубо отрицательным. Договор дал Гитлеру возможность разбить своих противников по частям и, кроме того, подорвал доверие к советской внешней политике, способствуя тем самым политической изоляции страны и дезорганизации нашего военного планирования.

В создавшихся условиях задача Генерального штаба, возглавляемого К. А. Мерецковым, а с 1 февраля 1941 года Г. К. Жуковым, оказалась удивительно трудной. Необходимо было спланировать боевые действия против сильного противника, придерживаясь одновременно наступательного духа и политики «не давать повода для провокации». Приходилось также учитывать мнение И. В. Сталина о том, что главный удар противник нанесет на юго-западе. Генштаб считал иначе, но возразить Сталину Жуков не решался.

В конце концов Генштаб пошел по пути наименьшего сопротивления и постарался выполнить все взаимоисключающие указания.

Главным недостатком плана было отсутствие реального содержания. Указывалось, что армии, развернутые в приграничной полосе, должны активными действиями отразить натиск врага, обеспечить мобилизацию и развертывание. В случае прорыва фронта обороны предусматривалось массированное использование механизированных корпусов. При благоприятных условиях противника предполагалось разгромить. Дальше этих общих слов Генштаб не пошел, передоверив составление конкретных планов боевых действий военным округам.

Таким образом, вместо единого плана войны было создано несколько планов прикрытия округов, не связанных общей идеей. По сути страна начала войну вовсе без плана.

Инициатива полностью предоставлялась противнику. Само по себе это допустимо — существует такой весьма эффективный вид боевых действий, как подвижная оборона. Сущность ее в том, чтобы заставить противника развернуться, раскрыть свои замыслы, сдерживать его частью войск, нанести потери, а затем — в ходе контрудара — разгромить. Фразеология Генерального штаба дает основание считать, что мы предполагали вести именно подвижную оборону.

Однако, планируя такой вид боевых действий, Генштаб должен был исходить из неизбежности отступления армий прикрытия. Это отступление следовало подготовить, наметить рубежи сопротивления и оборудовать их в инженерном отношении. Армии необходимо было развернуть по схеме «минимум — на границе, максимум — в глубине», тщательно продумав

порядок взаимодействия прикрытия и резервов. Ничего этого Генштаб не сделал. Напротив, после освобождения Западной Украины и Белоруссии фактически прекратилось строительство укреплений по линии старой границы — естественного тылового рубежа обороны.

Итак, Советский Союз не имел на 22 июня разработанного плана ведения войны. Соответственно, неудовлетворительным образом были развернуты войска. Господствовала старая доктрина «все прикрыть и ничего не отдать», погубившая Польшу и Францию.

Две трети сил западных пограничных округов входили в состав вытянутой цепочки войск прикрытия.

С севера на юг развертывались тринадцать армий. 14-я, 7-я, 23-я входили в состав Ленинградского, 8-я и 11-я — в состав Прибалтийского военного округа. 3-я, 10-я, 4-я составляли фронт прикрытия Западного военного округа. Наконец, южнее Припятских болот сосредотачивались 5-я, 6-я, 26-я, 12-я армии Киевского и 9-я армия Одесского военного округа. В резерве у командующих находились соответственно механизированный корпус, 27-я армия, силой в 6 стрелковых дивизий, которую не успели выдвинуть к границе, формирующаяся 1-я армия. Лишь Киевский Особый военный округ имел обеспеченной вторую линию обороны, которую могли занять 4 механизированных, 5 стрелковых корпусов и кавалерийская дивизия.

Необходимо подчеркнуть, что линия развертывания полностью повторяла конфигурацию государственной границы. Так, три советские армии — 3-я, 10-я и 4-я — оказались сосредоточенными в Белостоцком выступе. Окружение и уничтожение их в первую неделю войны было неизбежным.

Особое место занимает миф о внезапности нападения противника. Не подлежит сомнению, что гитлеровцы, как при подготовке войны против Польши, Франции, Югославии, планировали внезапность и полностью достигли ее.

Развертывание сил вермахта на нашей границе происходило медленно, но неуклонно. К июню 1940 года на восток была переброшена 18-я армия, к концу сентября — 4-я и 12-я. Далее, к середине марта прибыло 7 пехотных и моторизованных дивизий, к 8 апреля — 18 пехотных дивизий, к 10 мая — еще 16. Наконец, с 25 мая 1941 года начали сосредотачиваться силы главного удара — механизированные корпуса.

Скрыть переброску крупных воинских соединений практически невозможно. Концентрация гитлеровских войск не могла остаться незамеченной и не осталась: из глубины стали выдвигаться к нашим западным границам новые советские армии. Была своевременно обнаружена и переброска на восток танковых дивизий — громогласное объявление о готовящемся внезапном нападении.

Полагать, что наши руководители действительно считали, будто танковые дивизии вермахта перебрасывались в Польшу для того лишь, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от готовящегося вторжения в Англию, по меньшей мере наивно. Не говоря уже о том, что профессиональный долг требовал от Генерального штаба привести советские войска в полную боевую готовность вне всякой зависимости от целей немецкого развертывания.

Существовали многочисленные предупреждения иностранных государственных деятелей и данные агентурной разведки. Все они подтверждали, что надвигается война. Но генерал Ф. И. Голиков, начальник разведуправления Красной Армии, сменивший в 1937 году репрессированного Я. К. Берзиня, в своих докладах правительству называет все эти донесения дезинформацией. Интересно, что полностью оправдавшееся предостережение У. Черчилля мы называем дезинформацией по сей день.

Следует иметь в виду, что теория начального периода войны разрабатывалась в СССР весьма активно. В. К. Триандафилов, один из создателей теории глубокой танковой операции, указывал, что война начнется с глубоких, сокрушительных ударов. Р. П. Эйдеман подчеркивал, что содержанием первого этапа боевых действий будет ожесточенная борьба за право развернуться первым, причем в первые же часы начнется война в воздухе. Аналогичные взгляды высказывали А. И. Егоров, Е. А. Шиловский, И. Тихонов.

Комбриг С. Н. Красильников предупреждал: «... войны, как правило, ныне не объявляются... это означает предопылку к внезапному началу решительных операций агрессором с первого же дня войны...»

Со своей стороны, гитлеровцы прямо утверждали, что «война вовсе не должна начинаться с ее объявления» и в 1940 году подтвердили свою верность этим словам на практике.

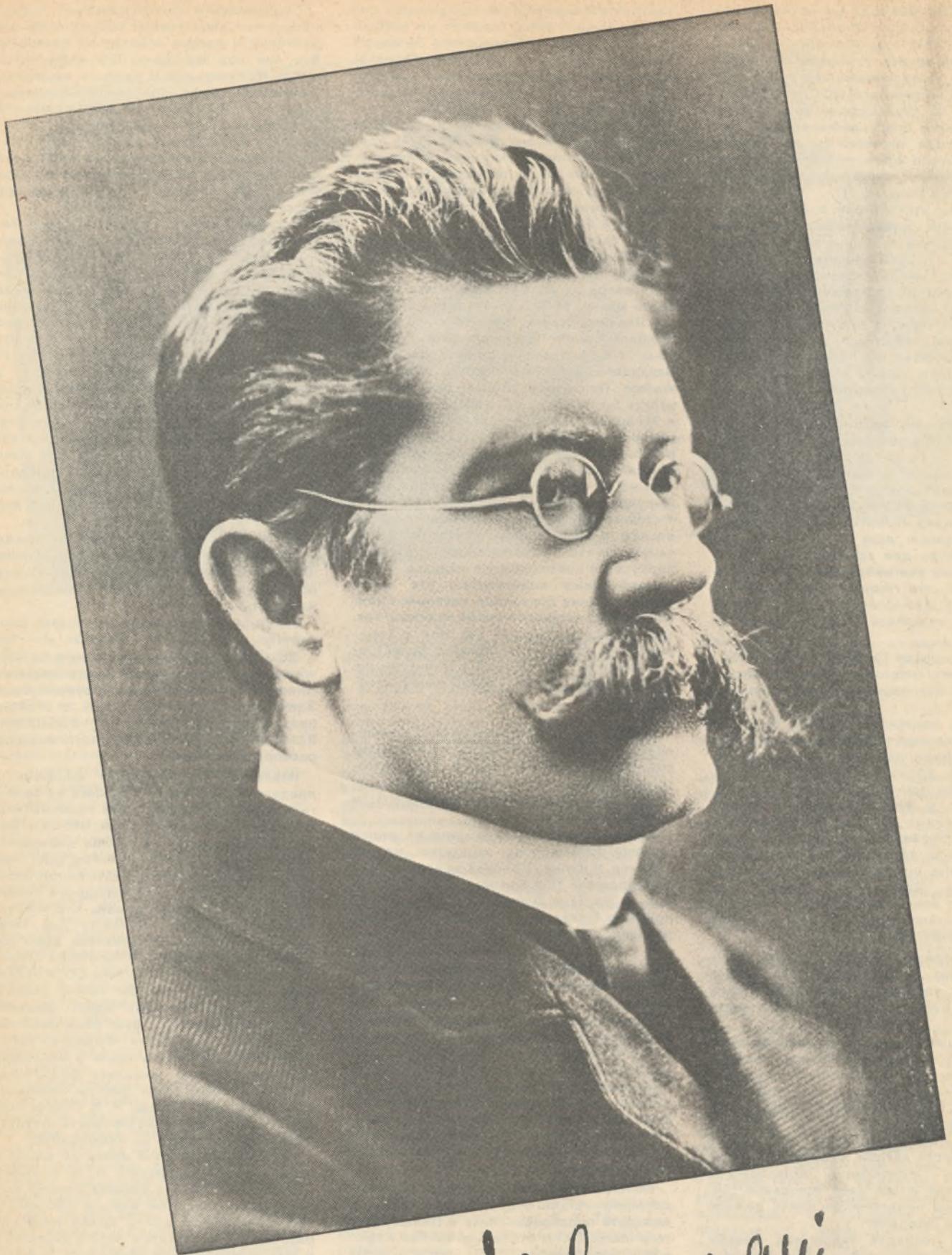
Воистину, тот глух, кто не желает слышать!

Остается ответить на один вопрос: чем же объясняется странная глухота советского военного и политического руководства? Здесь нам придется вступить в область предположений, поскольку ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ ДОВЕРИЯ свидетелей в нашем распоряжении нет.

Известно, что советская политика в предвоенные месяцы строилась на лозунге «не давать повода для провокаций». Необходимо, однако, понять, что если фашистская Германия не имела намерения напасть на СССР, вряд ли она бы дала себя спровоцировать, чтобы начать неподготовленную войну. Если же нападение планировалось, то смешно думать, что изготавившемуся к нему вермахту для того, чтобы начать военные действия, были необходимы провокации с советской стороны. Таким образом, политика СССР выглядела странно с любой точки зрения. Остается предположить одно: действия нашего руководства сковал обыкновенный страх. После разгрома Франции, когда выяснилась пагубность пакта о ненападении, когда резко усилилась фашистская Германия, когда стало фактом политическое окружение страны, И. В. Сталин стал хвататься за любую возможность оттянуть начало войны. Даже за иллюзорную.

А Генеральный штаб вновь не нашел в себе смелости возразить И. В. Сталину.

В ночь на 22 июня никаких надежд уже не осталось. Вечером нарком обороны и начальник Генерального штаба получили разрешение направить в округа директивы о выдвижении войск прикрытия. В половине первого ночи директивы были переданы по инстанциям. В третьем часу утра штабы армии получили приказ, второй пункт которого начинался все с тех же слов: «Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия».

Rud. Blummeij

Что связано с именем Рудолфа Блауманиса в истории латышской литературы? Это прежде всего мастерски написанные новеллы «Весенние заморозки», «В трясине», «Андриксонс» и др. Но еще значительнее его вклад в латышскую драматургию. Комедия «Дни портных в Силмачах» не сходит со сцен наших театров с того времени, как она была написана, иногда даже присутствуя в репертуарах сразу нескольких коллективов. Драмы «В огне», «Индраны», «Блудный сын» и сегодня побуждают нас к человечности, чистоте. В последнее время мы поняли, что творчество Р. Блауманиса пронизано идеями мировой культуры — долгое время было как-то не принято видеть в нем что-

либо, кроме отражения социальных контрастов в крестьянской жизни.

«Я буду жить в том хорошем, чему учил тебя», — говорит хозяин Индранов маленькой Зелмине, и в этих словах слышен голос самого писателя.

Несмотря на то, что Р. Блауманис оставил не так уж много стихотворений, я хочу назвать его поэтом. Он был поэтом и в прозе, и в пьесах. В своем отношении к будничной жизни. В отличие от сочинений других поэтов, творивших на грани веков, творчество Блауманиса не устарело — современны и язык, и смысл. Блауманис не чувствовал необходимости следовать капризам литературной моды того времени — он вслушивался в язык своего народа, в его душу. Вслушивался и

старался поддержать тех молодых энтузиастов, в глазах которых замечал искру поэтического вдохновения. В трудные минуты жизни его поддержку ощутили и Л. Лайценс, и Я. Акуратерс, и К. Скалбе, и многие другие молодые литераторы (бывало — и материальную...). Он помогал и преследуемым участникам революции 1905 года.

Советы молодым литераторам, сохранившиеся в письмах Блауманиса, не потеряли своей ценности и сегодня. Они еще пригодятся каждому молодому поэту, задумывающемуся о вопросах литературного мастерства.

МАРИС МЕЛГАЛВС

РУДОЛФС БЛАУМАНИС

МОИ РОЗЫ

Мои розы, цвет багряный,
Цвет багряный, белый цвет,
Пусть, нетронутые, вянут —
В сердце радости уж нет.

Запоет на ветке птица,
Пролетит, жужжа, пчела —
Ах, как день мой долго длится,
Ах, как ноша тяжела!

ЯЗЫК ДУШ

Дай у груди твоей забыться,
Уснуть в объятиях твоих,
Пусть миг молчанья вечно длится, —
Дай ощутить мне этот миг.

Пусть говорит душа с душою
О несказанном, пусть молчит
Наш разум, пусть нас плененою
Забвенья с миром разлучит.

И пусть нам кажется загадкой,
Что мы и посланы сюда
Затем лишь, чтобы грезить сладко
И вместе быть всегда, всегда.

RENATUS

Я приветствую тебя,
Ласковый блеск,
Белый свет дня!
Я приветствую тебя, ах, солнце,
солнце!

То не тучи завистливые
Тебя от меня закрывают,
Не в тумане осеннем
Меркнет твое сияние, —
Это смерть
Между нами
Протянула
Свой черный полог,
Это смерть
Оцепенелые
Губы мои сомкнула.

Но я снова живу!
С бьющимся сердцем
Гляжу в розовые
Дали грядущего.
Надежда, надежда,
Ты сделала легким
Дыханье мое,
Ты ноги мои
Манишь к светлым
Кремнистым дорогам,
Что ведут
Сквозь осинник,
Мимо огромных дубов
И приводят
К чистым уютным усадьбам.
Я теперь снова
Вдыхать буду жадно
Ржи зацветающей
Запах сладкий,
Вновь оживу я
В утренней свежести
Влажного луга.

Вновь обретаю
Силу былую!
Чувствую: снова
В жилах стремительно
Жизнь наливается,
И вместе с нею
Вечная воля к жизни растет.
Мир божий,
Как ты прекрасен!
Как многолика ты, жизнь,
Как мила мне!
Как твое пламя
Во мне пылает,
Как его жар
Ввысь устремляется
В простор бесконечный!
И восторженная
Душа моя
До краев блаженством
Наполнена,
Как вином золотым
Хрустальный сосуд.
Дивная жизнь,
Ты — во мне,
Ты — прекрасна!
Я ликую
От безмерной твоей полноты
И клянусь:
Это пламя
Чистое,
Яркое
Будет единственным
Светочем моим
Там, в вышине.

Я приветствую тебя,
Белый свет дня,
Я лицо свое
Обращаю к тебе,
Побеждающее мрак,
Благодать несущее солнце!

ТАЛАВСКИЙ ТРУБАЧ

На талавские дубровы
Ночной опустился покров.
Призраки и бесы
Скачут среди дубров.

Спит Миервалдис в своем замке
С дружиной боевой,
Спят вайделоты и стража,
Вещатель спит седой.

И лишь на вершине ели
Трубач дозорный не спит,
Он слушает звуки леса,
Во тьму ночную глядит.

И вдруг, — не во сне ли, — он слышит:
Как будто бы звук шагов
И тихий звон доспехов,
И звяканье подков.

Вот шум поднялся под елью,
И просвистела стрела,
И топоры застучали,
Вгрызаясь в кору ствола.

«Эй, кто там, слезай и — ни звука,
Коль хочешь остаться живым!
Золото, честь, свобода . . .
Мы щедро тебя наградим!»

«Народ мой — мое богатство,
И честь моя — честь его,
Будь проклят поработитель
Народа моего!»

И громко трубит он тревогу,
Так громко, что ели дрожат.
А снизу брань раздается
И стрелы в хвое жужжат.

Пылают факелы, с каждым
Ударом все ближе цель.
Гудит, дрожит и с треском
Наземь падает ель.

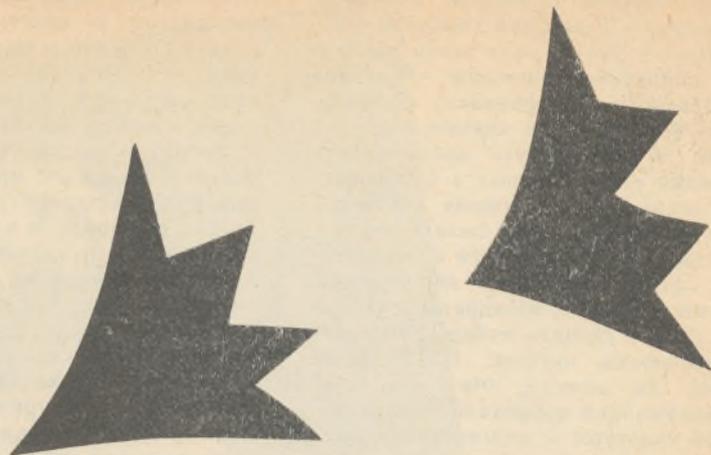
И грудь трубача рассекают
Топоры и мечи.
Но замок уже пробудился,
Услышав сигнал в ночи.

Отряды, готовые к бою,
Спешат за врагом по пятам,
Они меченосцев гонят
В болото и топят там . . .

Девушки в честь победы
Будут венки сплетать,
В белый укутает саван
Сына седая мать.

Костер приготовлен и место
Из веток дубовых на нем,
Осыпает героя невеста
Цветами и янтарем.

И пока он к богам, величавый,
Восходит, огнем объят,
Мужи поют ему славу,
И девушки, плача, стоят.

ПЕСНЯ ПЬЯНИЦ

Каплю-капельку, росинку
На маковом зернышке,
Сосут, зудя, три комарика,
Все никак не высосут.

Бочку-бочищу пивную
В погребочке Катярага
С песнями три братца пьют,
Всю за ночь выпивают.

Комариков глохнет песня,
Дрожат у них крылышки,
Падают они в канаву,
Лежат — ножки дергаются.

Три братца домой шагают,
Вензеля выписывают:
«Ох, и дурень же корчмарь,
Отпускает трезвыми!»

КАК НЕПОЭТИЧНО!

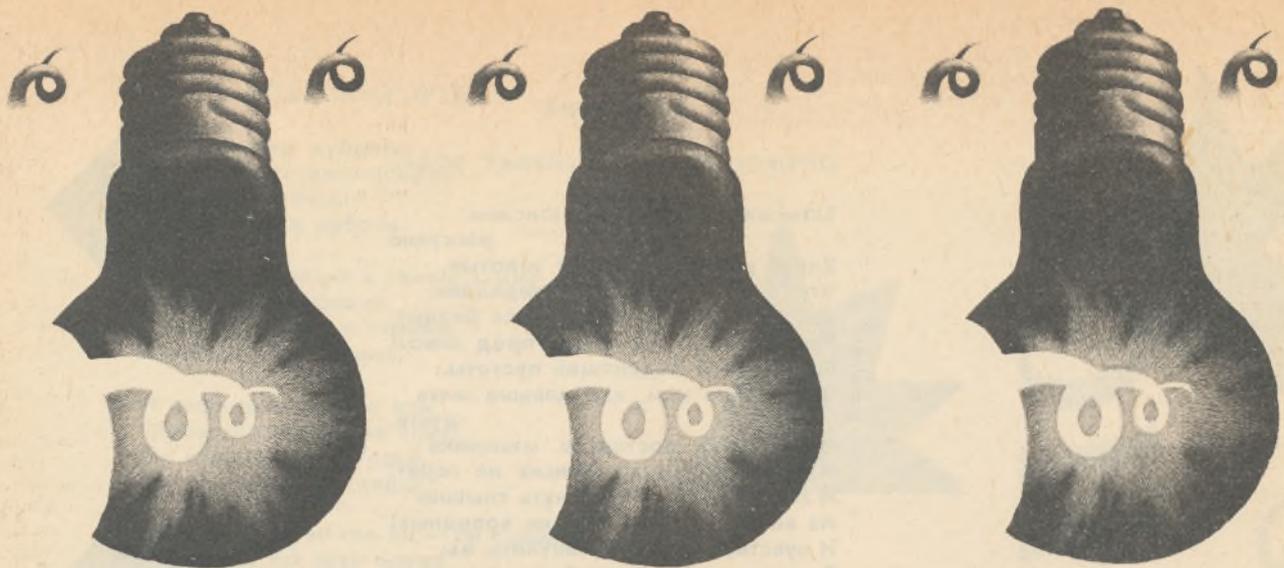
Не было луны, цветов душистых,
Соловьи вокруг не ликовали.
Все в грязи осенней утопало,
Без перчаток руки замерзали.

Не в долине и не ночью в роще,
Поутру свиданье состоялось
У стола, — на нем, как я заметил,
Что-то из еды еще осталось.

Пред тобой не пал я на колени,
Не клялись уста мои, не лгали,
Не клялась и ты: «Твоя навеки!»,
Слез твои глаза не извергали.

На вопрос: «Любим ли я!», ответом
Был твой взгляд. На кухне что-то
грелось.
Мы поцеловались. Вслед за этим
Стал я есть — уж очень есть хотелось.

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

СКОТНЫЙ ДВОР

Помещение, где хранилась упряжь, свиньи превратили в свою штаб-квартиру. Здесь, пользуясь книгами, которые нашлись на ферме, вечерами они изучали кузнечное дело, плотницкие работы и другие искусства. Сноуболл, кроме того, занимался созданием организаций, которые он называл Комитеты Животных. Этим он занимался с неутомимой энергией. Он организовывал Комитет по Производству Яиц для кур, Лигу Чистых Хвостов для коров, Комитет во Вторичному Образованию Диких Товарищей (его целью было приручить крыс и кроликов), Движение за Белую Шерсть среди овец и множество других, не говоря уже о курсах чтения и письма. Обычно все эти проекты постигала неудача. Например, попытки приручения рухнули почти немедленно. Все дикое вели себя точно так же, как и раньше и, если чувствовали, что к ним относятся с подчеркнутым великодушием, просто старались использовать такое отношение. Кошка вошла в Комитет по Вторичному Образованию и несколько дней проявляла большую активность. Так, однажды она была замечена сидящей на крыше и беседующей с воробьями, которые располагались несколько поодаль от нее. Она рассказывала им, что теперь все животные стали братьями и что ныне любой воробей, если захочет, может подойти и сесть к ней на лапу, но воробьи продолжали сохранять дистанцию.

Тем не менее, ликбез пользовался большим успехом. К осени почти все животные в той или иной степени стали грамотными.

Что касается свиней, они свободно читали и писали. Собаки успешно учились читать, но кроме Семи Заповедей их ничего не интересовало. Мюриель, коза, умела читать еще лучше собак и порой по вечерам она читала остальным обрывки газет, которые валялись в куче мусора. Бенджамин читал так же, как свиньи, но никогда не демонстрировал своих способностей. Насколько мне известно, говорил он, нет ничего стоящего, чтобы читать. Кlover освоила алфавит, но так и не овладела искусством складывать из букв слова. Боксер добрался лишь до буквы Г. Своим огромным копытом он выводил в пыли А, Б, В, Г, а затем, прижав уши и временами потряхивая челкой, стоял, глядя на них, изо всех сил безуспешно стараясь вспомнить, что следует дальше. Временами он твердо осваивал следующие четыре буквы, но, как правило, выяснялось, что забывал предыдущие. Наконец, он решил удовлетвориться первыми четырьмя буквами и писал их на земле один — два раза в день, что позволяло ему освежать память. Освоив пять букв, из которых состояло ее имя, Молли отказалась учиться дальше. Она изящно выкладывала свое имя из веточек, украшала его парой цветочков и прохаживалась рядом, в восхищении глядя на свое произведение.

Большинство же остальных животных фермы так и не продвинулись дальше буквы А. Кроме того, было выяснено, что самые глупые из них, такие, как овцы, утки, куры были не в состоянии выучить наизусть Семь Заповедей. После долгих размышлений Сноуболл объявил, что Семь Заповедей могут быть успешно сведены к афоризму, который звучал следующим образом: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо». В этом, он сказал, заключен основной принцип Анимализма. И тот, кто глубоко усвоит его, будет спасен от человеческого влияния. На первый взгляд, этот принцип исключал птиц, поскольку у них тоже было две ноги, но Сноуболл доказал, что это не так.

— Птичьи крылья, товарищи, — сказал он, — это орган движения, а не действий. Следовательно, их можно считать ногами. Отличительный признак человека — это руки, при помощи которых он и творит все свои злодеяния.

Птицы так и не поняли долгих тирад Сноуболла, но смысл его толкования до них дошел, и все отстающие приняли старательно запоминать новый афоризм. «ЧЕТЫРЕ НОГИ — ХОРОШО, ДВЕ НОГИ — ПЛОХО» было написано большими буквами на задней стенке амбара, несколько выше Семи Заповедей. Наконец усвоив его, овцы восторженно приняли новое изречение и часто, находясь на пастбище, они все хором начинали блеять: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо! Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!» — и так могло продолжаться часами, без малейшего признака усталости.

Наполеон не проявлял никакого интереса к комитетам Сноуболла. Он сказал, что обучение подрастающего поколения гораздо важнее любых дел, которые могут быть сделаны для тех, кто уже вошел в возраст. Он высказал свою точку зрения как раз в то время, когда после уборки урожая Джесси и Блюбелл разрешились от бремени девятью крепкими здоровыми щенятами. Как только они перестали сосать, Наполеон забрал их от матери, сказав, что он лично будет отвечать за их образование. Он поместил их на чердаке, куда можно было попасть только по лестнице из штаб-квартиры свиней и держал их тут в такой изоляции, что скоро все обитатели фермы забыли о существовании щенков.

Скоро проявилась и таинственная история с исчезновением молока. Свиньи каждый день подмешивали его в свою кормушку. Поели и ранние яблоки. Теперь после каждого порыва ветра они устилали траву в саду. Было принято как должное, что все имеют на них равное право, но однажды установившийся порядок был изменен: все яблоки должны быть собраны и доставлены в помещение для свиней. Кое-кто попробовал роптать, но это не принесло результатов. Касательно этого предмета все свиньи проявили редкостное единодушие, даже Наполеон со Сноуболлом. На Визгуна была возложена обязанность объяснить ситуацию всем остальным.

(Продолжение. Начало в № 3)

— Товарищи! — вскричал он. — Надеюсь, вы не считаете, что мы, свиньи, поступаем подобным образом лишь из мелкого эгоизма. Многие из нас на самом деле терпеть не могут молоко и яблок. Сам я на них и смотреть не могу. Единственная цель, с которой мы их используем, — сохранить ваше здоровье. Яблоки и молоко (и это совершенно точно доказано Наукой, товарищи) содержат элементы, абсолютно необходимые для поддержания жизни и хорошего самочувствия у свиней. Мы, свиньи, — работники интеллектуального труда. Забота о процветании нашей фермы и об организации работ лежит исключительно на нас. День и ночь мы неуспынно заботимся о вашем благосостоянии. Мы пьем молоко и едим эти яблоки только ради вас. Можете ли вы представить, что произойдет, если мы, свиньи, окажемся не в состоянии исполнять свои обязанности? Вернется Джонс! Да, снова воцарится Джонс! И я уверен, товарищи, — в голосе Визгуна, который метался из стороны в сторону, крутя хвостиком, появились почти рыдающие ноты, — без сомнения, нет ни одного, кто хотел бы возвращения Джонса!

И если существовало хоть что-нибудь, в чем все животные были безоговорочно уверены, так это было именно то, о чем говорил Визгун: никто из них не хотел возвращения Джонса. Когда положение дел предстало перед ними в таком свете, у них не нашлось слов для возражений. Слишком очевидной стала необходимость заботы о здоровье свиней. И без дальнейших рассуждений все согласились, что и молоко и падалицы (и кроме того, значительную часть поспевающих яблок) необходимо беречь только для свиней.

Глава IV

В конце лета весть о событиях на Скотном Дворе распространилась почти по всей округе. Каждый день Сноуболл и Наполеон посылали в полет голубей, которые должны были рассказывать обитателям соседних ферм историю Восстания и учить их гимну «Скоты Англии».

Почти все время мистер Джонс проводил в распивочной «Красный лев» в Уиллингдоне и каждому, кто был согласен его слушать, жаловался на ужасную несправедливость, что выпала на его долю, когда компания каких-то низменных скотов лишила его собственности. Остальные фермеры в принципе сочувствовали ему, но помочь оказывать не торопились. В глубине души каждый из них потихоньку прикидывал, а не перепадет ли ему что-нибудь из-за несчастья, свалившегося на мистера Джонса. Так уж получилось, что владельцы двух ферм, примыкавших к Скотному Двору, постоянно были в плохих отношениях с мистером Джонсом. Одна из них, именовавшаяся Фоксвуд, представляла собой большое, запущенное, почти заросшее старомодное поместье, с истощенными пастбищами, обнесенными полуразвалившимися изгородями. Ее владелец, мистер Пилкингтон, был беспечным джентльменом из тех фермеров, которые проводят почти все время на охоте или на рыбной ловле, в зависимости от сезона. Другая ферма, которая называлась Пинчфилд, была меньше, но находилась в лучшем состоянии. Она принадлежала мистеру Фредерику, существу грубому и злому, который постоянно занимался какими-то судебными тяжбами и пользовался репутацией человека, который за шиллинг готов перегрызть горло ближнему. Эти двое настолько не любили друг друга, что прийти к какому-то соглашению, даже для защиты собственных интересов, они практически не могли.

Тем не менее, оба они были напуганы известием о восстании на Скотном Дворе и озабочены тем, чтобы их собственная живность не восприняла этот урок в буквальном смысле. На первых порах они решили на корню высмеять идею о животных, которые попробуют самостоятельно управлять фермой. Через пару недель все рухнет, говорили они. Они считали, что животные на ферме «Усадьба» (они упорно называли ферму ее старым именем; новое название они и слышать не могли) скоро переделается между собой, не говоря уж о том, что просто перемерут с голоду. Но по мере того как шло время и, по всей видимости, умирая с голоду животные не собирались, Фредерик и Пилкингтон сменили мотив и начали говорить об ужасающей жестокости, царящей на «Скотном Дворе». Доподлинно стало известно, что там свирепствует каннибализм, животные пытаются друг друга расклевывать шпорами и обобществили всех особей женского пола. Таково возмездие за попытки идти против законов Природы, добавляли Фредерик и Пилкингтон.

Тем не менее, эти рассказы отнюдь не пользовались всеобщим доверием. Слухи о чудесной ферме, откуда были изгнаны люди, и животные сами управляют делами, продолжали смутно циркулировать, и в течение года по округе прокатилась тревожная волна сопротивления. Быки, всегда отличавшиеся послушанием, внезапно дичали, овцы ломали изгороди и вы-

тапывали поля, коровы опрокидывали ведра, скакуны упрямылись перед препятствиями и сбрасывали всадников. Кроме того, повсеместно распространялись музыка и даже слова гимна «Скоты Англии». Его популярность росла с необыкновенной быстротой. Люди не могли сдерживать ярости, слыша эту песню, хотя они подчеркивали, что считают гимн просто смешным. Трудно понять, говорили они, как даже животные могут позволить себе петь столь пошлую чепуху. Но если кто-то ловили на месте преступления, тут же подвергали порке. Тем не менее песня продолжала звучать. Дрозды, сидя на изгородях, насвистывали ее, голуби ворковали ее среди ветвей вязов; она слышалась и в грохоте кузнечных молотов, и в перезвоне церковных колоколов. И слыша эту мелодию, люди не могли скрыть внутренней дрожи, потому что они знали — это голос грядущего возмездия.

В начале октября, когда все зерновые были уже скошены и заскридованы, а часть уже и обмолочена, стайка голубей, мелькнув в воздухе, в диком возбуждении приземлилась на Скотном Дворе. Джонс со своими людьми, а также полдюжины добровольцев из Фоксвуда и Пинчфилда уже миновали ворота и двигаются по дорожке, ведущей к ферме. Все они вооружены палками, кроме Джонса, который идет впереди с револьвером в руке. Без сомнения, они будут пытаться отбить ферму.

Эта вылазка ожидалась уже давно, и все приготовления были сделаны заблаговременно. Сноуболл, который изучил найденную на ферме старую книгу о галльской кампании Цезаря, принялся за организацию обороны. Приказания отдавались с молниеносной быстротой, и через пару минут все было на своих постах.

Как только люди достигли строений, Сноуболл нанес первый удар. Все тридцать пять голубей стали стремительно носиться над головами нападавших, застилая им поле зрения, и пока люди отмахивались от них, гуси, сидевшие в засаде за забором, кинулись вперед, жестоко щипая икры атакующих. Но это был лишь легкий отвлекающий маневр, призванный внести некоторый беспорядок в ряды нападающих, и люди без труда отбились от гусей палками. Тогда Сноуболл бросил в бой вторую линию нападения. Мюриель, Бенджамин и все овцы во главе со Сноуболлом, рванулись вперед и окружили нападающих, толкая и бодая их со всех сторон, пока Бенджамин носился кругами, стараясь лягать нападающих своими копытами. Все же люди, с их колами и подкованными ботинками оказались им не по зубам; внезапно Сноуболл взвизгнул, что было сигналом к отступлению, и все животные бросились обратно во двор.

Со стороны нападавших послышались вопли восторга. На их глазах, как они и предполагали, враги обратились в бегство и они ринулись в беспорядочное преследование. Именно этого ждал Сноуболл. Когда все нападавшие оказались во дворе, три лошади, три коровы и свиньи, лежавшие в засаде в зарослях за коровником, внезапно бросились на врага с тыла, как только Сноуболл дал сигнал к атаке. Сам он ринулся прямо на Джонса. Увидев его, Джонс вскинул револьвер и выстрелил. Пуля скользнула по спине Сноуболла, оставив кровавую полосу, и наповал убила одну из овец. Ни на мгновение не останавливаясь, Сноуболл всем своим внушительным весом сбил Джонса с ног. Выронив револьвер, Джонс рухнул в кучу навоза. Но самое устрашающее зрелище представлял собой Боксер, который, напоминая взбесившегося жеребца, встал на дыбы и разил своими подкованными копытами. Первый же его удар попал в голову конюху из Фоксвуда, и тот бездыханным повалился в грязь. Видя это, остальные бросали свои колья и пустились наутек. Прошло всего несколько мгновений и, охваченные паникой, они в беспорядке метались по двору. Их бодали, лягали, щипали и толкали. Все обитатели, каждый по-своему, приняли участие в этом празднике мщения. Даже кошка внезапно прыгнула с крыши на плечи скотника и запустила когти ему за воротник, отчего тот взревел диким голосом. Увидев открытый выход, люди кубарем выкатились со двора и стремглав кинулись по дороге. Не прошло и пяти минут с начала их вторжения — и они уже постыдно бежали по тому пути, который привел их на ферму, преследуемые отрядом гусей, щипавших их за икры.

Были изгнаны все, кроме одного. В дальней стороне двора Боксер осторожно трогал копытом лежавшего виз лицом конюха, стараясь его перевернуть. Тот не шевелился.

— Он мертв, — печально сказал Боксер. — Я не хотел этого. Я забыл о своих подковах. Но кто поверит мне, что я не хотел этого?

— Не расслабляться, товарищи, — вскричал Сноуболл, чья рана еще продолжала кровоточить. — На войне, как на войне. Единственный хороший человек — это мертвый человек.

— Я никого не хотел лишать жизни, даже человека, — повторил Боксер, с глазами, полными слез.

— А где Молли? — спохватился кто-то.

Молли в самом деле исчезла. Через минуту на ферме поднялся суматоха: возникли опасения, что люди могли как-то покалечить ее или даже захватить в плен. В конце концов Молли была обнаружена спрятавшейся в своем стойле. Она стояла, по уши зарывшись в охапку сена. Молли улупетнула с поля боя, как только в дело пошло оружие. И когда, поглядев на нее, все высыпали во двор, то конюх, который был всего лишь без сознания, уже исчез.

И только теперь все пришли в дикое возбуждение; каждый, стараясь перекричать остальных, рассказывал о своих подвигах в битве. Все это вылилось в импровизированное празднество в честь победы. Тут же был поднят флаг, бесчисленное количество раз прозвучали «Скоты Англии», погибшей овечке были устроены торжественные похороны, и на ее могиле посажен куст боярышника. На свежем надгробии Сноуболл произнес небольшую речь, призывая всех животных отдать жизнь, если это будет необходимо, за Скотный Двор.

Единодушно было принято решение об утверждении воинской награды «Животное — Герой Первого класса», которая была вручена Сноуболлу и Боксеру. Она состояла из бронзовой медали (в самом деле были такие, что валялись в помещении для упряжи), которая раньше надевалась для украшений по воскресеньям и праздникам. Кроме того, была учреждена награда «Животное — Герой Второго класса», которой посмертно была награждена погившая овечка.

Много было разговоров о том, как впредь именовать эту схватку. В конце концов было решено называть ее Битвой у Коровника, так как засада залегла именно там. Пистолет мистера Джонса валялся в грязи. Было известно, что на ферме имеется запас патронов. Пистолет теперь должен был находиться у подножья флагштока, представляя собой нечто вроде артиллерии. Было решено стрелять из него дважды в год — 12-го октября, в годовщину Битвы у Коровника и еще раз в день солнцестояния, отмечая юбилей Восстания.

Глава V

С наступлением зимы Молли становилась все более угрюмой. Она поздно выходила на работу и оправдывалась тем, что проспала. Несмотря на отменный аппетит, она постоянно жаловалась на мучающие ее боли. Под любым предлогом она бросала работу и отправлялась к колоде с водой, где и застывала, гупо глядя на свое отражение. Но похоже было, что дело обстояло куда серьезнее. Однажды, когда Молли, пережевывая охапку сена, весело трусилась по двору, кокетливо помахивая длинным хвостом, к ней подошла Кlover.

— Молли, — сказала она, — я хочу с тобой серьезно поговорить. Сегодня утром я видела, как ты смотрела через ограду, что отделяет Скотный Двор от Фоксвуда. По другую сторону стоял один из людей мистера Пилкингтона. И — я была далеко от вас, но уверена, что зрение меня не обманывало — он о чем-то говорил с тобой, и ты ему позволяла чесать свой нос. Что это значит, Молли?

— Это не так! Я там не была! Это все неправда! — закричала Молли, взяв в рот копытами землю.

— Молли! Посмотри на меня. Дашь ли ты мне честное слово, что тот человек не чесал твой нос?

— Это неправда! — повторила Молли, отводя взгляд. В следующее мгновение она резко повернулась и галопом умчалась в поле.

Кlover глубоко задумалась. Никому не говоря, она отправилась в стойло Молли и перевершила копытами солому. В глубине ее был тщательно спрятан кулечек колотого сахара и связка разноцветных ленточек.

Через три дня Молли исчезла. Несколько недель не было известно о ее местопребывании, а затем голуби сообщили, что видели ее по ту сторону Уиллингдона. Она стояла рядом с таверной в оглоблях маленькой черно-красной двуколки. Толстый краснолицый мужчина в клетчатых бриджах и гетрах, похожий на трактирщика, чесал ей нос и кормил сахаром. У нее была новая упряжь, а на лбу — красная ленточка. Как утверждали голуби, она выглядела довольной и счастливой. О Молли больше не вспоминали.

В январе грянули морозы. Земля промерзла до крепости железа, поля опустели. Большинство встреч проходило в амбаре, и свиньи занимались тем, что планировали работу на следующий год. Было общепризнано, что, хотя все вопросы должны решаться большинством голосов, генеральную линию определяли умнейшие обитатели фермы — свиньи. Такой порядок действовал как нельзя лучше, но лишь до той поры, пока не начались споры между Сноуболлом и Наполеоном. Они спорили по любому поводу, едва только к этому предоставлялась возможность. Если один предлагал засеивать поля ячменем, то

другой безапелляционно утверждал, что большая часть их должна быть отведена под овес; если один говорил, что такие-то поля могут отойти под свеклу, другой доказывал, что там может расти все что угодно, кроме корнеплодов. У каждого были свои последователи, и между ними разгорались горячие споры. И если на Ассамблеях Сноуболл часто одерживал верх благодаря своему великолепному ораторскому мастерству, то Наполеон успешнее действовал в кулуарах. Особенным авторитетом он пользовался у овец. Порой овцы, что бы там ни происходило, начинали хором и порознь блеять «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!» и этим нередко кончались Ассамблеи. Было отмечено, что особенно часто эти тирады начинали раздаваться в самые патетические моменты выступлений Сноуболла. Сноуболл тщательно изучил несколько старых номеров журнала «Фермер и животновод», валявшихся на ферме, и был полон планов нововведений и перестроек. Он со знанием дела говорил о дренаже, силосовании, компосте; им была разработана сложная схема, в соответствии с которой животные должны были доставлять свой навоз прямо на поля, каждый день в разные места, что позволило бы высвободить гужевой транспорт. Наполеон схемами не занимался, но спокойно сказал, что Сноуболл увлекается пустяками. Похоже было, что Наполеон ждет своего часа. Но все эти споры и противоречия показались пустяками, когда встал вопрос о ветряной мельнице.

На длинном пастбище, недалеко от строений, был небольшой холмик, который, тем не менее, был самым возвышенным местом на всей ферме. Ознакомившись с грунтом, Сноуболл объявил, что здесь самое подходящее место для ветряной мельницы, которая будет вращать динамомашину и снабжать ферму электрической энергией. Можно будет осветить стойла и согреть их зимой, будет работать циркулярная пила, соломорезка и даже, может быть, свекломешалка и механическая дойка. Животные никогда не слышали ни о чем подобном (ибо на этой запущенной ферме были только самые примитивные механизмы), и они в изумлении внимали Сноуболлу, который развертывал перед ними величественные картины фантастических машин, которые будут делать за них всю работу в то время, когда обитатели фермы будут гулять по лугам или упражняться в чтении и беседах.

Через несколько недель планы Сноуболла обрели законченный вид. Детали были позаимствованы из трех книг, принадлежавших мистеру Джонсу: «Тысяча Полезных Вещей для Дома», «Каждый — Сам Себе Каменщик» и «Электричество для начинающих». Свои замыслы Сноуболл воплощал под крышей помещения, которое когда-то служило инкубатором и обладало гладким деревянным полом, годным для рисования. Из этого помещения он не вылезал часами. Время от времени заглядывая в книгу, придавленную на нужной странице камнем и с куском мела между копытами, он носился взад и вперед, проводя линию за линией и тихонько похрюкивая от восторга. Мало-помалу его план превратился в массу коленчатых валов, рукояток и шестеренок, изображения которых покрывали весь пол, и которые для всех остальных представляли совершенно непонятное, но очень внушительное зрелище. Посмотреть на творчество Сноуболла в течение дня хотя бы по разу заходили все обитатели фермы. Заходили даже гуси и куры, осторожно стараясь не наступать на меловые линии. Только Наполеон держался в стороне. Он с самого начала выступил против мельницы. Но однажды и он неожиданно явился ознакомиться с планом. Тяжело ступая, он обошел чертеж, внимательно вглядываясь в каждую деталь, пару раз хрюкнул и остановился поодаль, искоса глядя на схему; затем он неожиданно приподнял ногу, помочился на чертеж и вышел, не проронив ни слова.

Вопрос о мельнице вызвал серьезные разногласия на ферме. Сноуболл держался той точки зрения, что построить мельницу будет не так уж трудно. Камни можно доставить из каменоломни и возвести из них стены, затем смонтировать крылья, а потом останется только раздобыть провода и динамомашину. (Как их достать, Сноуболл не говорил.) Но он утверждал, что все это можно сделать за год. А затем, восклицал он, мельница возьмет на себя столько работы, что животным останется только трудиться три дня в неделю. С другой стороны, Наполеон говорил, что сегодня главная задача — это добиться увеличения продукции и что если они потеряют время на строительство мельницы, то умрут с голоду. Вся ферма разделилась на две фракции, которые выступали под лозунгами: «Голосуйте за Сноуболла и трехдневную рабочую неделю» и «Голосуйте за Наполеона и за сытную кормежку». Единственный, кто не примкнул ни к одной фракции, был Бенджамин. Он не верил ни в изобилие, ни в то, что мельница сэкономит время. С мельницей или без мельницы, сказал он, а жизнь идет себе, как она и должна идти, то есть, хуже некуда.

(Продолжение следует)

Анкета

Уважаемые читатели! Редакция журнала «Родник» хотела бы знать ваше мнение, чтобы руководствоваться им в своей дальнейшей работе. Поэтому просим обвести в анкете кружком приемлемый для вас вариант ответа на каждый вопрос. Анкету следует вырезать и прислать в редакцию. Напишем наш адрес:

Баласта дамбис, 3, а/я 35.

1. Почему вы читаете журнал «Родник»?	именно поэтому	частично поэтому	это не является причиной		
журнал предлагает обширную информацию	002	001	003		
журнал предлагает новую информацию	005	004	006		
информация журнала эмоционально насыщена	008	007	009		
другие журналы не так интересны	011	010	012		
если есть другие причины, укажите их, пожалуйста					
2. Какие из помещенных в журнале материалов вы читаете?	читаю в зависимости от темы	читаю, если меня интересует автор	читаю всегда	практически	практически не читаю
стихи	013	014	015	016	016
проза	017	018	019	020	020
драматургия	021	022	023	024	024
литературная критика	025	026	027	028	028
информативные статьи о литературе	029	030	031	032	032
публицистика, затрагивающая актуальные социальные проблемы	033	034	035	036	036
публицистика на исторические темы	037	038	039	040	040
культурно-исторические статьи о театре	041	042	043	044	044
культурно-исторические статьи о кино	045	046	047	048	048
культурно-исторические статьи об изобразительном искусстве	049	050	051	052	052
3. Прозаические произведения каких авторов в журнале следовало бы публиковать чаще?					
современных латышских советских авторов					053
современных советских авторов других республик					054
современных зарубежных авторов					055
классиков латышской литературы					056
классиков русской литературы					057
классиков зарубежной литературы					058
4. Хотите ли вы видеть на страницах журнала пьесы?					
да					059
нет					060
трудно сказать					061
5. Статьи какого характера вы хотели бы чаще видеть на наших страницах?					
освещающие актуальные проблемы производства, общественной жизни и быта					062
дающие научно обоснованный анализ этих проблем					063
трудно сказать					064
6. Ваше мнение о форме подачи опубликованных материалов?					
она вас устраивает					065
она вас не устраивает, поскольку слишком сложна и мешает восприятию содержания					066
она вам не мешает, но вы ею и не удовлетворены					067

7. Устраивает ли вас количество фотоиллюстраций в журнале?
 да, устраивает 068
 могло бы быть больше 069
 могло бы быть меньше 070
 трудно сказать 071
8. Устраивает ли вас объем журнала?
 да, устраивает 072
 мог бы быть больше 073
 мог бы быть меньше 074
 трудно сказать 075
9. Как попадает к вам в руки журнал «Родник»?
 выписываю 076
 покупаю в киоске 077
 беру у друзей, знакомых 078
 читаю в библиотеке 079
10. Стал ли «Родник»-88 интереснее по сравнению с «Родником»-87?
 конечно, да 080
 скорее да, чем нет 081
 скорее нет, чем да 082
 нет, он стал неинтереснее 083
 трудно сказать 084
11. Какие, на ваш взгляд, три публикации журнала «Родник» были самыми интересными в 1987 году?

1. . . . .
- 2 . . . . .
- 3 . . . . .

12. Что бы вы посоветовали сотрудникам журнала?

. . . . .

. . . . .

А теперь — немного о себе

1. Ваш пол 085
 мужской 086
 женский
2. Ваш возраст 087
 до 20 лет 088
 20—30 089
 31—40 090
 41—50 091
 51—60 092
 старше шестидесяти
3. Ваше образование 093
 8 классов 094
 среднее 095
 среднее специальное 096
 высшее
4. Ваш род занятий 097
 рабочий 098
 колхозник 099
 инженер 100
 школьник 101
 студент 102
 учитель 103
 врач 104
 работаю в сфере науки и искусства 105
 партийный, советский или комсомольский работник
- другой род занятий (напишите, пожалуйста) . . . . .

Благодарим за ответы!

РИСУНОК МАРИСА АРГАЛИСА

I, IV обложки — оформители Сармите Малиня и Сергей Давыдов
«РОДНИК», 1988, № 4, 1—80

РОДНИК

ПРОЗА,

ПОЭЗИЯ,

ПУБЛИЦИСТИКА,

КРИТИКА

